

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра русского языка

В.В. Волков

**Филология
в системе современного
гуманитарного знания**

Учебное пособие

**Тверь
2013**

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2Рус-923
В67

Рекомендовано к печати научно-методическим советом
Тверского государственного университета

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор Е.Н. Брызгалова
доктор филологических наук профессор Л.Н. Скаковская

Волков В.В.

В67

Филология в системе современного гуманитарного знания: Учебное пособие / В.В. Волков. – Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. – 221 с.

ISBN 978-5-905621-21-5

В пособии освещаются вопросы, связанные с различными междисциплинарными аспектами современной русистики: с лингвистикой, психологией и психолингвистикой, социологией, социолингвистикой и социолектологией, с языковой, научной, обыденной и лингвометодической картиной мира, с теорией мотивации и аксиологической лингвистикой, с эстетикой, идеографической лексикографией и др.

Для студентов магистратуры, обучающихся по направлению «Филология», а также для всех, кто интересуется проблематикой, связанной с актуальными проблемами современной филологии как одной из областей гуманитарного знания, ее эвристической ценностью, прикладными задачами и возможностями.

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2Рус-923

ISBN 978-5-905621-21-5

© Волков В.В., 2013
© ГБОУ ВПО «Тверской госуниверситет», 2013
© Оформление. Издатель
Кондратьев А.Н., 2013

ВВЕДЕНИЕ

Человек живет в мире текстов – устных, письменных и *полимодальных*¹, то есть связанных с передачей информации не только словесными, но и невербальными средствами (жесты, музыка, запахи, изображение – статичное или динамичное и т.д.).

Исследование общих закономерностей организации и функционирования любых знаковых систем, посредством которых создаются тексты: любые, от коротенькой записки до архитектуры, икебаны, модной прически или целого кинофильма, – задача *семиотики*².

Естественный язык как универсальная семиотическая система, посредством которой может быть передана (иногда лучше, иногда хуже) информация, закодированная в любой другой знаковой системе, – объект *лингвистики*.

Тексты на естественном языке, их содержание и структура – объект *филологии* как фундаментальной области знания, которая включает лингвистику и литературоведение, текстологию и фольклористику и множество других научных дисциплин.

Поскольку в словах и текстах опредмечивается средствами языка (*вербализуется*)³ любая информация, то они представляют интерес для любой науки; когда в них опредмечивается знание *о человеке*, мы имеем дело с *гуманитарными* науками.

Здесь, в *человеке и текстах* как аккумуляторах самого разнообразного знания – «точки пересечения» филологии и гуманитаристики в целом, обуславливающие специфически «центральное» ее место в системе гуманитарного знания, которым и обуславливается своеобразие целей и задач данного пособия.

В советскую эпоху широко тиражировалось приписываемое Н.Г. Чернышевскому высказывание «Литература – это учебник жизни». В основе этой идеи – представление о том, что некая управляющая инстанция может управлять литературой (и искусством в целом), а литература и искусство в свою очередь – управлять индивидуальным и общественным сознанием (как «учебник»).

Практика интерпретации русской классической литературы по лекалам коммунистической идеологии (особенно в различных учебных заведениях) и практика конструирования новых художественных текстов

¹ *Полимодальный* – букв. «многоспособный» (< лат. *modus* ‘мера; объем, величина; положение, ранг; предел, мера, граница; образ, род, способ’).

² *Семиотика* – из гр. *semeion* ‘знак, значок, примета; признак’ (< *sēma* ‘знак; признак; сигнал’) – учение о различных знаковых системах, подразделяющееся на *семантику, синтактику и прагматику*.

³ *Вербализовать / вербализоваться* – от *вербальный* (из лат. *verbalis* ‘словесный’ < *verbum* ‘слово, выражение; изречение, поговорка; в грамматике – глагол’).

в духе социалистического реализма в значительной степени с этой задачей справлялись.

В современных условиях это уже невозможно. Литература как один из, выражаясь современным языком, «информационных объектов» лишен единого «управляющего уровня», равно как и искусство в целом, и наука, и, что наиболее наглядно, – Интернет.

В основе любого учебника лежит знание, *чему* учить и *как* учить. Едва ли в современных условиях кто-то из преподавателей, художников слова, политиков, социологов, психологов или представителей какой-либо иной гуманитарной и негуманитарной сферы в состоянии дать сколько-нибудь полный и убедительный ответ на эти вопросы. Исключения составляют лишь мировые религии – и то с той оговоркой, что их ответы, практически совпадая в фундаментальных нравственных принципах, существенно различаются в других отношениях.

Литература ныне не «учебник жизни», и в этом ее сугубое сходство с философией, в былые времена трактовавшейся как некое подобие высшей судебной инстанции (ср. у Канта в «Критике чистого разума» (1781): «...критика, заимствуя все решения из основных правил его [разума] собственного установления, авторитет которого не может быть подвергнут сомнению, создает нам спокойствие правового состояния, при котором надлежит вести наши споры не иначе как в виде процесса» [Кант 1994: 443]).

В современную эпоху, которую уже даже энциклопедия для детей трактует не как *информационную*, но как *постинформационную* (ср.: «Существует мнение, что эпоха информационного общества уже завершилась, практически не начавшись» [Энциклопедия для детей Т. 22. Информатика 2008: 584]), едва ли какая-то отдельная наука может претендовать на роль признанного лидера, – но тем важнее понимать необходимость и ценность каждой из них.

Цели и задачи, стоящие перед студентами, изучающими дисциплину «Филология в системе современного гуманитарного знания», заключаются в том, чтобы на основе знакомства с различными междисциплинарными аспектами современной русистики (с лингвистикой, психологией и психолингвистикой, социологией, социолингвистикой и социолектологией, с языковой, научной, обыденной и лингвометодической картиной мира, с теорией мотивации и аксиологической лингвистикой, с эстетикой, идеографической лексикографией и др.) научиться использовать методологический инструментарий филологии как эвристическое средство для решения различных задач гуманитаристики.

Основные общекультурные (ОК) и профессиональные компетенции (ПК), в соответствии с **Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования:**

- способность совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень (ОК-1);
- способность к самостоятельному обучению новым методам исследования, изменению научного и научно-производственного профиля своей профессиональной деятельности (ОК-2);
- способность самостоятельно приобретать с помощью информационных технологий и использовать в практической деятельности новые знания и умения, в том числе в новых областях знаний, непосредственно не связанных со сферой деятельности (ОК-5);
- способность порождать новые идеи (креативность), адаптироваться к новым ситуациям, переоценивать накопленный опыт, анализировать свои возможности (ОК-6);
- способность демонстрировать знания современной научной парадигмы в области филологии и динамики ее развития, системы методологических принципов и методических приемов филологического исследования (ПК-1);
- способность к самостоятельному пополнению, критическому анализу и применению теоретических и практических знаний в сфере филологии и других гуманитарных наук для собственных научных исследований (ПК-4).

Пособие написано в соответствии с государственным стандартом. Актуальные понятия современной филологии раскрываются в тесной связи с содержанием различных гуманитарных дисциплин, составляющих фундамент университетского образования.

Учебная дисциплина «Филология в системе современного гуманитарного знания», выполняя функции пропедевтического курса, предваряет циклы общепрофессиональных и профессиональных дисциплин (когнитивная лингвистика и этнопсихолингвистика, лингвострановедение и лингвоконфликтология, использование художественного текста в преподавании РКИ, филологический анализ текста), ориентирует магистрантов на написание научных работ, связанных с исследованием различных объектов профессионального интереса филолога.

Литература

- Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. – 591 с.
- Чернышевский Н.Г. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1986. – 805 с.
- Энциклопедия для детей. Т. 22. Информатика / Ред. коллегия: М. Аксёнова, Е.Журавлёва, А. Леонов. М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. – 624 с.

Глава 1 ЧТО ТАКОЕ ФИЛОЛОГИЯ?

О внутренней форме и реальном содержании термина *филология*

Внутренняя форма слова в самоочевидном лингвистическом понимании – это выводимость значения целого из значений составных частей: морфем («критерий Винокура»), отдельных значений (семем) или из мотивирующего словосочетания или предложения.

Внутренняя форма в менее очевидном лингвокультурологическом и лингвофилософском прочтении, как писал Г.Г. Шпет в книге «Внутренняя форма слова» (1927), «...пользуется звуковой формой для обозначения предметов и связи мыслей по требованиям конкретного мышления, и притом, она пользуется внешнею формой для выражения любой модификации мыслимого предметного содержания, называемого в таком случае смыслом, настолько необходимо, что выражение и смысл в конкретной реальности своего языкового бытия составляют не только неразрывное структурное единство, но и в себе тождественное *sui generis* бытие (социально-культурного типа)» [Шпет 2006: 67].

Это положение философски вербализует интуитивно очевидное всякому пишущему, что слово, лишенное живого смысла, обречено на забвение. «Такова участь, – писал А.С. Пушкин в неоконченной статье «О ничтожестве литературы русской» (1834), – ожидающая писателей, которые пекутся более о наружных формах слова, нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей от употребления!» [Пушкин 1976: 363]. В языковом сознании живы только актуализованные значения и смыслы.

Сущ. *филология* в сознании «рядовых» носителей языка (то есть не самих филологов), даже получивших гуманитарное нефилологическое образование, – слово с профанированной внутренней формой, некое «любословие» или «словолюбие», которому предаются далекие от реальности любители «изящной словесности» (см. [Волков 2013]).

Показательно в этом отношении воспоминание профессора межкультурной коммуникации С.Г. Тер-Минасовой о поездке в Америку: «Однажды на заре перестройки, оказавшись по делам в Америке, я позвонила известному американскому врачу, чтобы попросить его посмотреть историю болезни дочери моей подруги. Профессор, светило американской медицины, был очень любезен. Сразу согласившись помочь, он поинтересовался, кто я и зачем приехала в Америку. “Я филолог, – ответила я со скромной гордостью. – Приехала на конференцию”. – “Филолог? – недоумевающе спросил он. – Это какая отрасль медицины?” Я растерялась. Не знает, что такое филология? Шутит? Издевается? Но голос был серьезно-заинтересованный. “Что это значит – филолог?” –

спросил он после затянувшейся паузы. – “Ну, это значит, – залепетала я, – это значит, что я люблю слова”. – «Ах вот оно что, – сказал он явно разочарованно, – Вы любите болтать, и за это Вас послали на конгресс”. Я расстроилась. Глупо все получилось. Не смогла объяснить, чем занимаюсь. Я-то люблю слова, а они меня, видно, не любят» [Тер-Минасова 2000: 8].

Видимо, американский профессор знал древнегреческий, поскольку его реакция непосредственно связана с исходными значениями античных этимонов, ср.: «*philo-logia*... 1) любовь к ученым беседам... 2) любовь к ученым занятиям, учено-литературная деятельность...»; «*philó-logos*... 1) любящий поговорить, словоохотливый, разговорчивый... 2) любящий вести ученую беседу... 3) любящий науки, ученый... 4) *поздн.* изучающий старинных авторов» [Дворецкий 1958: 2, 1730].

Следуя логике Шпета, понимавшего под внутренней формой «устойчивые алгоритмы языка, законы смыслообразования» [Щедрина 2009: 117], следует констатировать, что современная внутренняя форма **филологии** обманчиво-прозрачна. Казалось бы, все ясно: префиксоид *фил(о)-* – из гр. *phileō* ‘люблю’, суффиксоид *-логия* – из гр. *logos* ‘слово’, откуда вывод: буквальный семантический этимон – «любовь к слову», возможная калька – *любословие*, не прижившаяся в русском языке, как и *любомудрие* – калька *φιλοσοφίη*.

Сущ. *филология* в семантико-словообразовательном отношении атипично, его внутренняя форма не поддается достаточно осмысленному премолинейному прочтению.

Суффиксоид *-логия* в составе русских существительных выступает в значении «наука, учение о том, что названо в первой части слова»: *византология*, *виктимология*, *вулканология*, *гельминтология*, *геология*, *гидрология*, *гинекология* и мн. др. В соответствии с логикой этой модели, буквальный смысл *филологии* следовало бы трактовать как «наука, учение о любви» (< гр. *philia* ‘любовь, дружба’), что явно не соответствует реальности.

Префиксоид *фил- / фило-* выступает в значении «связанный с занятиями тем, что названо во второй части слова»: *филантропия*, *филаметрия*, *филокартия*, *филология*, *философия*. *филумения* и др. Сема ‘любовь’ здесь деактуализована: так, *филокартия* – вовсе не «любовь к картам», а коллекционирование художественных открыток (< фр. *carte* ‘карта (географическая) > карточка (почтовая)’), *филумения* – не «любовь к свету» (< лат. *lumen* ‘свет’), а коллекционирование спичечных этикеток (метонимия ‘спичка’ → ‘свет’) и т.д.

Сначала в XVIII веке в русский язык вошло сущ. *филолог* – еще с актуализованной внутренней формой. Так, М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) пояснял в сноске: «Филолог – охотник к наукам» [Ломоносов 1952: 342], где *охотник* – «тот, кто по собст-

венной охоте, желанию беретса за какое-л. дело или желает что-л. приобрести, получить» [МАС 2, 729].

Как видим, «по Ломоносову» в качестве семантического базиса выступает суффиксоид *-лог* в значении «знание, наука».

В Словаре Академии Российской (1794) читаем: «**Филолог**... Любослов; любитель словесных наук»; «**Филологический**... любословный» [6, 487–488]. Здесь семантический этимон суффиксоида *-лог* ‘наука’ («вообще») сужается до «словесных наук», этимон префиксоида *фило-*, как и у Ломоносова, связан с гр. ‘любовь’.

В Словаре В.И. Даля этимон ‘любовь’ уже деактуализован, ср.: «**Филология**... языковеденье, наука или изучение древних, мертвых языков; изучение живых языков: лингвистика. *-гический факультет. Филолог*, ученый-языковед» [4, 534]. *Филология* сужена до изучения «древних, мертвых языков», ей противопоставлена *лингвистика* как наука о живых языках.

Как видим, уже у Даля налицо десемантизация внутренней формы сущ. *филология*, и современное профанно-буквальное ее прочтение как «любви к слову» отсылает к представлению не о науке, а о некоей внутренней эмоционально-ценностной позиции субъекта.

Наиболее распространенное, внешне корректное, но предельно зауженное определение филологии как «совокупности наук, изучающих язык и литературу», близко этому обиходному представлению – поскольку семантический этимон суффиксоида *-логия* в этом случае прочитывается на основе отождествления *логоса* (именно с маленькой буквы) со *словом* естественного языка и далее – с *текстами* на естественном языке, преимущественно художественными.

Истинный объект филологии, конечно, не только слова и тексты, которые для нее лишь «исходная реальность». Поэтому дать логически корректное определение филологии как науки едва ли возможно. Любопытно, например, что ни «Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание)» [1984], ни «Энциклопедический словарь юного литературоведа» [1988] не содержат статьи «Филология». В первом вслед за статьей «Устный и письменный язык» следует «Фонема», во втором за статьей «Фантастическое в литературе» – «Фольклор». Нет разъяснения, что такое филология, и в профильном томе современной «Энциклопедии для детей» (Т. 10. Языкознание. Русский язык) [2001]. С.С. Аверинцев в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» преодолевает это логическое препятствие, предлагая вместо определения филологии ее очень тонкую и точную характеристику:

«**Филология** (от греч. *philologia*, букв. – любовь к слову) – содружество гуманитарных дисциплин – языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и др., изучающих духовную культуру человека через языковой и стилистический анализ пись-

менных текстов. Текст во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей – исходная реальность филологии. Сосредоточившись на тексте, создавая к нему служебный “комментарий” (наиболее древняя форма и классический прототип филологического труда), филология под этим углом зрения вбирает в свой кругозор всю широту и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного. Таким образом, внутренняя структура филологии двуполярна: на одном полюсе – скромнейшая служба “при тексте”, не допускающая отхода от его конкретности, на другом – универсальность, пределы которой невозможно очертить заранее» [ЯБЭС 544].

По современному философскому толкованию, «**филологические науки** – совокупность эмпирических и теоретических дисциплин о языке, литературе, их письменных и устных формах, структуре, развитии. Среди основных филологических наук выделяются история и теория литературы, общее и сравнительное языкознание, история языков народов мира, лингвистика, семиотика, устное народное творчество, теория и практика перевода, словарная теория и практика, одной из фундаментальных современных теоретических дисциплин в области филологии является структурная лингвистика, изучающая структуру языка, его функции, порождающие структуры, общие законы синтаксиса, семантики, прагматики и коммуникации. К числу важнейших философских проблем филологии относятся: понятие языка, общая структура и законы функционирования языка, язык и сознание, язык и человеческая деятельность, язык и социальная система, язык и научное знание» [Лебедев 2004: 278–279].

Эти толкования возвращают *филологию* ее специфически «центральному» эпистемологическое положение в системе гуманитарного знания, поскольку человек как объект гуманитаристики – прежде всего *homo loquens* ‘человек говорящий’, а семантический этимон гр. *λογος* – не только «слово», но и «разум», «(разумное) основание» всего сущего [Дворецкий 1958, 1: 1034], назначение которого – претворение хаотического в космическое (упорядоченное).

Филология, мифология, религия и философия: триада «Хаос – Логос – Космос» как их «точка встречи»

Логос – это не мифологема, это философское понятие. В древнегреческой мифологии *Логоса* нет, – на его месте *Эрот* (*Эрос*) – не столько «бог любви» в ныне привычном смысле, сколько «одно из четырех космогонических первоначал, наряду с Хаосом, Геей и Тартаром... По Ферекиду (6 в. до н.э.), сам Зевс, создавая мир, превратился в Э. Эрот, таким образом, мыслится всевластной мировой силой» [Тахо-Годи 1991:

640]. *Эрос* рожден из *Хаоса* третьим – после Геи и Тартара, как «могучая сила, все оживляющая Любовь» [Кун 2006: 7].

В этом контексте обретают особый смысл рифмующиеся эпитеты *родимый* и *любимый* в известном стихотворении Тютчева: *родимый* отнесен к Хаосу как первоисточнику всякой жизни, всякого рождения, *любимый* – к *повести* о вечном рождении из беспредельного и возвращении к нему:

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любви!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди –
Под ними хаос шевелится!..

(«О чем ты воешь, ветр ночной?»)

Повесть любимая – и о первичном Хаосе, преображенном Эросом в Космос, и о человеческой душе с ее погибельной тягой к *беспредельно-му*. «Хаос представляется как величественный, трагический образ космического первоединства, где расплавлено всё бытие, из которого оно появляется и в котором оно погибает; поэтому Х. есть универсальный принцип сплошного и непрерывного, бесконечного и беспредельного становления» [Лосев 1991: 584]. *Хаос* нуждается в *Эросе* – как животворящем творческом начале, без которого невозможен *Космос* – не просто «упорядоченность, порядок», но и «мировой порядок, мироздание, мир» и далее перен. «свет, люди, народ» [Дворецкий 1958: 1, 974].

В пересказе Н.А. Куна: «Вначале существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос. В нем заключался источник жизни мира. Все возникло из безграничного Хаоса – весь мир и бессмертные боги. Из Хаоса произошла и богиня Земля – Гея. Широко раскинулась она, могучая, дающая жизнь всему, что живет и растет на ней. <...> Из Хаоса, источника жизни, родилась и могучая сила, все оживляющая Любовь – Эрос. Начал создаваться мир. Безграничный Хаос породил Вечный Мрак – Эреб и темную Ночь – Нюкту. А от Ночи и Мрака произошли вечный Свет – Эфир и радостный светлый День – Гемера. Свет разлился по миру, и стали смеяться друг друга ночь и день» [Кун 2007: 7].

Античные политеистические представления о возникновении сущего предшествовали философии и легли в семантическую основу развитого ею учения о становлении бытия. «Античность имеет (и это делает ее особой культурой) свой разум, свою идею актуализации одной из возможностей бесконечно-возможного бытия. Это разум, для которого понять мир (и самого себя) означает – всей силой мыслящего внимания обустроить стихийный хаос в космос, мысленно определить беспредель-

ное, вместить его в пределы образа, внутренней формы, эйдоса, соединить *умное* и *прекрасное*, логос и эстетизм» [Теоретическая культурология 2005: 39–40]. *Эрос* мифологии предстает в философии как *Логос*: в современном прочтении – это первооснова бытия, мировой разум, всеобщая закономерность и ряд других значений, которым сопоставляются греческие семантические этимоны сущ. *λόγος* (см. [Дворецкий 1958: 1, 1034]) – ‘слово, речь’, ‘положение, суждение, формулировка (в логике)’, ‘определение (в философии)’, ‘вещное слово, предсказание, пророчание’, ‘право решать, законодательная власть’, ‘приказание, повеление’, ‘разумное основание’ и др.

Современная философская традиция трактует представления о *Логосе* как принадлежащие и античной философии, и христианству, с учетом фундаментальных различий между ними, ср.: «**Логос**... понятие античной философии и христианского богословия, где оно обозначает разумный принцип, управляющий миром, и Бога-Сына, второе лицо Троицы» [Доброхотов 2010: 445].

В христианской традиции евангельское гр. *λόγος* переводится как церковнослав. *Слово* (католическое лат. *Verbum*) – в целях сугубого отграничения от мифологического и философского прочтений.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», – читаем первый стих Евангелия от Иоанна в русском переводе (Ин 1, 1). В древнегреческом оригинале: «ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος...». Гр. *λόγος* переведено как *Слово* – с заглавной буквы, как именование Бога.

В подстрочном переводе [Подстрочный греческо-русский Новый Завет 2005: 313]:

ἐν ἀρχῇ	ἦν	ὁ λόγος	καὶ	ὁ λόγος	ἦν	πρὸς τὸν	θεόν
В начале	был	Логос,	и	Логос	был	у	Бога,
καὶ	θεὸς	ἦν	ὁ λόγος				
и	Бог	был	ЭТИМ Логосом				

В Словаре Академии Российской (1794): «**Слово**... 6) В книгах Св. писания под именем сим разумеется Сын Божий» [5, 534]; сущ. *логос* не представлено. У В.И. Даля то же значение, со специфическим синонимическим расширением: «*Слово*... Сын Божий; истина; премудрость и сила» [4, 222]; сущ. *логос* не представлено.

В дореволюционном «Полном церковно-славянском словаре»:

- «**Логос** (греч.) = Слово, 2-е лицо св. Троицы, то же, что у евреев – Елогим. У неоплатоников словом логос названо божественное начало, принявшее идеи Верховного Бога и осуществившее их в мире» [286];
- «**Слово** – (*λόγος*) – речь, проповедь... *Словом* также называется *Сын Божий* от того, что как слово наше от ума рождается нераз-

дельно, так и Сын Божий от Превечного Отца рождается бесстрастно и неотделимо, но наше слово на воздух расходитя, а Слово Божие, т.е. Сын Единородный, есть личное и на веки пребывает (Иоанн. 1, 1, 2)» [616].

В дореволюционном «Полном православном богословском энциклопедическом словаре»: «**Слово–Бог Слово** (ὁ λόγος; Иоанн. 1, 1. 14, 1. Иоан. 1, 1. 5, 7. Лук. 1, 2. Апок. 19, 13). Слово “Логос” в указанных здесь местах означает второе Лицо св. Троицы, Сына Божия, как вечное Ипостасное Слово Божие, от вечности бывшее с Отцом и воплотившееся потом для нас человеков и для нашего спасения» [2, 2078].

Современная филология унаследовала как мифологическое и философское, так и христианское религиозно-трепетное отношение к *слову* с маленькой буквы), в котором усматривает – в зависимости от стилистической сферы – и *Слово* христианства, и созидающий *Эрос*, и всепоглощающий *Хаос*.

Хаос и *Космос* – антонимы, образуемая ими антонимическая парадигма – комплементарная, а не контрарная: между ними нет никакого «среднего члена», *Бытие* вмещает их как взаимодополняющие начала.

Слово филологии амбивалентно, может соработничать как Космосу, так и Хаосу. *Космическое* и *хаотическое* в нем не антонимичны, но антиномичны. С одной стороны, *Слово*, как *Логос*, ведет от хаотического к космически упорядоченному, развивает и поднимает; с другой стороны, как орудие *Хаоса*, оно *раз*-упорядочивает, останавливает и разрушает – возвращая в состояния *до*-бытия. Это относится едва ли не к любому словесному явлению. С одной стороны, «песня строить и жить помогать», с другой – может быть экстремистским гимном, воспевать «уголовную романтику», мелкие витальные наслаждения; *религия*, призванная вести к Богу, может погрузить в безумие фанатизма; *образование*, расширяя кругозор, одновременно зашоривает, делая человека невосприимчивым к тому, что не попадает в круг полученных им знаний (так рождается *атеизм* – из ограничения сознания кругом «естественнонаучных» представлений); прекраснотушные интенции *идеологии* и *политики*, казались бы, ведущие к благоденствию, оборачиваются (с другой стороны) кровавым кошмаром, как в случае с *фашизмом* и *коммунизмом*.

Особенно наглядна амбивалентность слова с случае в различными политико-идеологическими симулякрами – «пустыми понятиями».

Свобода, *Равенство*, *Братство* – под этим девизом совершилась Великая французская революция, этот девиз провозглашается и в современной Конституции Французской Республики.

Однако *свобода* легко переходит в разнуданность, что хорошо видно уже из дерева значений латинского этимона: лат. *liber* ‘свободный, вольный, независимый > благородный, прямой, откровенный; своевольный, разнуданный, распущенный, распутный’ [Дворецкий 1976: 589];

равенство – фантом, хотя бы уже потому, что люди не рождаются одинаковыми, а общество, как и стадо животных, не может не быть иерархичным (см., например, работу о философии неравенства: [Бердяев 1990]); *братство* возможно лишь между людьми «одной крови», как в монашеских орденах и общинах.

Свобода – Божий дар, который амбивалентная человеческая природа, не умея ответить на простые, в логике школьного грамматического разбора, вопросы: *свободный – от чего, в чём, для (ради) чего?* – легко обращает во зло, в орудие дьявола. Ироничный Мефистофель в «Прологе на небесах» выносит приговор как самодовольному человеческому разуму, так и боготворимой им свободе – приговор, подтверждаемый всей историей человечества, особенно новейшей [Гете 1936: 1, 13–14]:

Мне нечего сказать о солнцах и мирах:
Я вижу лишь одни мученья человека.
Смешной божок земли, всегда во всех веках
Чудак такой же он, как был в начале века!
Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовёт он: свойство это
Он на одно лишь смог употребить, –
Чтоб из скотов скотиной быть!
Позвольте мне, – хоть этикет здесь строгий, –
Сравненьем речь украсить: он на вид,
Ни дать, ни взять, – кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит
И вечно песенку старинную твердит.
И пусть ещё в траве сидел бы он уютно,
Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.

«...Разруха не в клозетах, а в головах», – говорит булгаковский профессор Преображенский. Слово не только преобразует Хаос в Космос, работает как «великий интегратор», но и дезинтегрирует, лежит в основе любых социальных катаклизмов.

Полимодальность филологического знания и практики: слово как «интегратор» и «дезинтегратор» мира, вопрос о манипуляции сознанием

Сразу поясним, что термин «полимодальность» в данном случае используется в соотнесенности не с лингвистическим термином *модальность*, а с философским *модус*, которое фиксирует свойство объекта, раскрывающееся наблюдателю лишь под определенным углом зрения,

ср.: «**Модус**... термин, обозначающий свойство предмета, присущее ему лишь в некоторых состояниях, в отличие от *атрибута* – неотъемлемого свойства предмета» [Философский словарь 2001: 341]. В соответствии с этим термин *полимодальность* призван подчеркнуть, что филологическое знание может использоваться в самых различных целях – в зависимости от сферы человеческой жизни.

В 1910 году вышел первый выпуск международного ежегодника по философии культуры с символическим названием «Логос». Вступительная статья «От редакции» открывалась тезисом, констатирующим «современный культурный распад», связывала его с романтическим стремлением славнофилов «навстречу всеобъемлющему, все стороны жизни и мысли охватывающему синтезу», а далее утверждалось: «Но сознательно стремясь к синтезу, русская мысль бессознательно двигалась в направлении к хаосу и, сама хаотичная, ввергала в него, поскольку ею владела, и всю остальную культуру России. Причина этой трагической подмены коренилась, а быть может и все еще коренится в том основном факте, что мысль наша никогда не была вполне свободною и вполне автономною. Основные принципы русской философии никогда не выковывались на медленном огне теоретической работы мысли, а извлекались в большинстве случаев уже вполне готовыми из темных недр внутренних переживаний» [Логос 1910: 1–2].

Насколько правы авторы в этом категорическом утверждении?

Теперь мы знаем, что Серебряный век – время колоссального культурного роста, в том числе философского, «точка встречи» оригинальной русской религиозно-философской мысли XIX века и ее дальнейшего развития на протяжении века XX-го⁴.

Диагноз «культурный распад» в большей степени приложим к нынешнему состоянию российской жизни – спустя столетие после того, как был пророчески поставлен.

В латинизированном прочтении *распад* – это *дезинтеграция*, то есть разделение целого на составные части, в противоположность *интеграции* – объединению каких-л. элементов в одно целое (лат. *integratio* ‘восстановление, возобновление’ – от *integrare* ‘приводить в прежнее состояние, восполнять; возобновлять, снова начинать; освежать, восстанавливать’ < *integer, integrum* ‘нетронутый, незатронутый, невредимый, целый’ < *in-* ‘не’ + *tangere* ‘трогать, (при)касаться; соприкасаться; захва-

⁴ В том числе это развитие «через отрицание»: антирелигиозная ярость коммунистической идеологии во многом питалась желанием скрыть, что ее основа – по сути евангельская, стремлением «уничтожить первоисточник». Именно органичная религиозность русского народа обусловила возможность расцвета коммунистической идеи в нашей стране. Н.А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «Как религиозное верование, коммунизм эксклюзивен. Огромную роль тут играет русский религиозный темперамент, русская сектантская и раскольниковья психология» [Бердяев 1990: 129].

тивать, завладевать'); прист. *дез-* связана не с лат. *de* 'из; от; с', а с лат. *dis-* в значении «разделение, отделение» [Дворецкий 1976: 287, 332].

Слово может и соединять, и разъединять, выступать и как «интегратор», и как «дезинтегратор» – в зависимости от интенциональности субъекта – индивидуального или коллективного, в его частичной фундированности историческими условиями, о чем в свое время подробно писали не только в марксистских и промарксистских школах «исторического материализма» (что общеизвестно), но и в русской религиозной философии, как, например, кн. С.Н. Трубецкой в «Учении о Логосе»: «Строго говоря, ни одна человеческая личность не есть всецело продукт исторического процесса: каждая имеет свой гений, свою индивидуальность, каждая реагирует на те влияния, которым она подвергается, – иначе бы она их и не испытывала. Гениальная личность обладает в высшей степени способностью воздействовать на внешние влияния и условия: она вносит в свою среду нечто такое, что она от нее не заимствует, и притом – нечто значительное, нечто такое, что само определяет собою историю в каком-либо отношении. Гений не объясняется без исторических условий, среди которых он действует и развивается, но вся особенность его состоит именно в том, что он не объясняется *из* них одних» [Трубецкой 1900: 380].

Однако не только *гений* – любой человек, любое человеческое общество, вплоть до исчезающе малых групп, – носители Логоса, поскольку наделены языковой способностью. Историк античной философии и культуры М.К. Петров фиксировал: «Начиная с Гераклита, у которого на логос впервые падает подозрение, что именно он выполняет роль интегратора мира, мы уже не встречаем философов, способных обойтись в строительстве целостных представлений о мире без лингвистических структур. Это не значит, что полностью вытесняются структуры, генетически восходящие к традиционному социокоду или к сфере эквивалентного обмена. Они живут и здравствуют по сей день. Но ведущая роль переходит постепенно к языковым структурам: не их приспосабливают к инородным структурам, а, напротив, эти инородные структуры вынуждены приспосабливаться к лингвистическим» [Петров 2004: 182].

И по сей день мы, когда говорим о верховенстве закона, по сути, говорим о верховенстве Слова – универсального «интегратора», архитектора Вселенной, социального и личностного Космоса.

Слово – «дезинтегратор» по предназначению своей антиномичной обратной стороны. «Переворачивание» с одной стороны на другую происходит, когда в интенциональности субъекта начинают главенствовать узкопрагматические элементы – в их нацеленности на «дело», в соответствии с гр. этимолом сущ. *pragma* 'дело (что сделано, что делается, что нужно сделать)' > обстоятельства, положение дел' – от *prassō*

‘делать, совершать’. В этом суть одного из «фаустовских вопросов»: *Слово* или *Деяние*? Выбирая второе, Фауст вынужден исказить, а точнее, радикально извратить библейскую формулу [Гете 1936: 1, 48–49]:

Написано: «В начале было Слово» –
И вот уже одно препятствие готово:
Я Слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить.
Когда мне верно чувство подсказало.
Я напишу, что Мысль – всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была не далека!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли – начало всех начал?
Пишу, – и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул – и выход вижу я:
В Деянии начало бытия!

«Слово и дело государево» – так назывались в России XVIII века государственные преступления. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона разъясняет: «В Уложении 1649 г. они называются “великими государственными делами”. Получили широкое развитие в царствование Петра I, когда всякое словесное оскорбление величества и неодобрительное слово о действиях государя были подведены под понятие государственного преступления, караемого смертью» [ЭСБЕ XXX: 413]. Обратим особое внимание на порядок слов в этой формулировке: сначала *слово*, потом – *дело*, причем *слово* трактуется как самостоятельное *дело*, даже если оно и не инициировало фактическое, «физическое» преступление.

Исчезнувшая из современных школьных программ, некогда хрестоматийная поэма В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» наглядно показывает, насколько эффективно в политике популистское слово – которого ждут, которое отражает чаяния адресата:

Он [Ленин]
взвешивал
мир
в течение ночи,
а утром:
– Всем!
Всем!
Всем это –
фронтам,
кровью пьяным,
рабам
всякого рода,

в рабство
 богатым отданным.
Власть Советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным!
Буржуи
 прочли
 — погодите,
 выловим, —
животики пятят
 доводом веским —
ужо им покажут
 Духонин с Корниловым,
покажут ужо им
 Гучков с Керенским.
Но фронт
 без боя
 слова эти взяли —
деревня
 и город
 декретами зálит,
и даже
 безграмотным
 сердце прожёт.
Мы знаем,
 не нам,
 а им показали,
какое такое бывает
 «ужо».

Переходило
 от близких к ближним,
от ближних
 дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
 война,
 война дворцам!»

Принцип «внушай и властвуй», которому следовали Ленин и большевизм в целом (и которому следуют и современные манипуляторы), прямо вытекает из интерпретации психологии массы, представленной, например, у Фрейда в работе «Массовая психология и анализ человеческого „Я“» (1921):

«Масса легковерна и чрезвычайно легко поддается влиянию, она не критична, неправдоподобного для нее не существует. Она думает образами, порождающими друг друга ассоциативно, — как это бывает у отдельного человека, когда он свободно фантазирует, — не выверяющийся разумом на соответствие с действительностью. Чувства массы всегда просты и весьма гиперболичны. Масса, таким образом, не знает ни сомнений, ни неуверенности.

Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно антипатии — в дикую ненависть» [Фрейд 1991: 78–79].

Как говорится, не в бровь, а в глаз. Наблюдения психоаналитиков вполне можно рассматривать как руководство по искусству большевистской риторики — и в целом политической манипуляции. Еще две цитаты: «Далее, масса подпадает под поистине магическую власть слов, которые способны вызывать в массовой душе страшнейшие бури или же эти бури укрощать»; «И наконец: массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, без которых они не могут жить» [там же: 81].

Трудно предположить, что Маяковский читал эту работу Фрейда. Однако над поэмой о вожде пролетариата он работал в те же годы (считая от возникновения замысла до выхода поэмы в свет — с 1920 по 1925 год). Прочитую фрагмент, который вполне можно воспринимать как парафразу Фрейда:

Социализм — цель.
Капитализм — враг.
Не веник —
 винтовка оружие.
Тысячи раз
 одно и то же
он вбивает
 в тугой слух,
а назавтра
 друг в друга вложит
руки
 понявших двух.
Вчера — четыре,
 сегодня — четыреста.
Таимся,
 а завтра
 в открытую встанем,
и эти
 четыреста
 в тысячи вырастут.

В современной коммуникологии феномены подчинения сознания и поведения чужой воле фиксируются терминами *манипулировать* / *манипуляция* – с абсолютно прозрачной внутренней формой: фр. *manipuler* ‘обращаться с чем-л., обрабатывать что-л., работать с чем-л. (прибором и т.п.) > влиять на кого-л., стремиться воздействовать на кого-что-л.’ – из лат. *manipulus* ‘горсть, пучок, сноп > манипул (отряд солдат)’ < *manus* ‘рука’ (ср. этимологически однокоренные *команда, мандат, менеджмент, рекомендация, эмансипация* и др.).

В энциклопедическом разъяснении: «**Манипулирование**... система приемов и способов воздействия на сознание с целью навязывания каких-либо идей или введения в заблуждение; способы воздействия на поведение социальных групп и индивидов. М. – это идеологическое и социально-психологическое воздействие на чувства, мысли и действия людей во имя чьих-то интересов (иногда – вопреки интересам этих людей)» [Шарков 2009: 330].

Фундаментальная работа С.Г. Кара-Мурзы и С. Смирнова «Манипуляция сознанием-2», основывающаяся на огромном фактическом материале последних десятилетий, открывает перечень основных терминов и приемов манипуляции, в частности:

«Информационная установка – определенный набор информации, логический связанный в одно или несколько утверждений, являющихся неотъемлемой частью друг друга, который манипулятор стремится “вложить в головы” аудитории. Информационной установкой может быть лозунг утверждение, позиция манипулятора, его взгляд на какой-либо вопрос.

Реципиент – лицо (группа лиц), являющееся конечным “адресатом” манипуляции сознанием (в рекламе “реципиент” тот, к кому и адресована реклама).

Жертва манипуляции – “реципиент”, потребитель манипуляции, который не смог противостоять манипулированию и принял как истинную информационную установку манипулятора.

Манипулятор – обманщик, совершающий манипуляцию сознанием.

Предмет манипуляции – информация (исторический факт, физическое или юридическое лицо/группа лиц, и позиция, точка зрения или убеждения, одно или несколько связанных между собой явлений/событий/процессов и пр.), которую манипулятор стремится исказить или придать ей ложный смысл.

Десакрализация – лишение понятия, термина, образа, предмета или лица (группы лиц) “святости”, непрекрасимой положительной оценки высшей степени.

Конечный предмет манипуляции – предмет манипуляции, исказить значение/смысл которого манипулятор стремится, не воздействуя на предмет манипуляции прямо, но через связанный с ним иной предмет.

Носитель информации – коммуникативное средство (газета, телеканал, книга, физическое или юридическое лицо, радиопередача и пр.), с помощью которого до реципиента доводится информационная установка манипулятора или любая иная информация

Объект паразитирования – физическое или юридическое лицо, явление, факт, понятие и пр., нечто, обладающее значительным авторитетом, к которому апеллирует манипулятор и использованием авторитета которого стремится аргументировать свою информационную установку.

Информационный ущерб – информация (о факте, событии, данных и др.), способная разрушить установку манипулятора или снизить эффект от манипуляции.

Логическое допущение (логическая “натяжка”) – использование манипулятором не однозначно достоверной, а предположительно достоверной информации как однозначно достоверной. Манипулятор, сообщая, что “это ВОЗМОЖНО так”, использует данный аргумент как точно заслуживающий доверия.

Манипуляционный эффект – успешность или неуспешность конечного результата действий манипулятора» [Кара-Мурза, Смирнов 2009: 14–16].

Совсем не случайно в советскую эпоху нашей истории лексика, непосредственно связанная с этимонами глагола *манипулировать*, отсутствовала⁵ – в силу очевидного пейоративного ореола, который пронизательный читатель легко мог связать с практикой советских средств массовой информации. Широко практиковались именованная *пропаганда* и *агитация* – с мелиоративным ореолом, ср.: *пропаганда* (из лат. сущ. *propaganda*, образованного от глагола *propagare* ‘рассаживать, разводить > расширять, раздвигать, распространять’, включающего приставку *pro-* в значении «вперед» и глагола *pangere* ‘вбивать, вколачивать’) – распространение и разъяснение каких-л. идей, учений, взглядов; идейное воздействие на широкие массы; *агитация* (из лат. сущ. *agitatio* ‘приведение в движение, побуждение > неустанная деятельность’, образованного от глагола *agitare* ‘приводить в движение > гнать, погонять > управлять, править > преследовать, травить, ловить > нападать, критиковать > беспокоить, тревожить’) – действия с целью убедить кого-л. в чем-л., склонить к каким-л. действиям.

Реальный прагматилистический эффект большевистской, затем коммунистической *пропаганды* и *агитации* оказалось возможным вскрыть / вскрыть только по завершении советской эпохи.

⁵ Так, *манипулятор*, в толкованиях Малого академического словаря, – это цирковой артист-фокусник либо техническое приспособление, прибор [МАС 2, 226].

Прагмастистика «вождя пролетариата» (О статье В.И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции»)

Идеология и практика большевизма в современном прочтении – ничто иное, как экстремизм. Это явствует, например, уже из партийного коммунистического гимна «Интернационал», из публицистики Ленина. В данном параграфе ограничиваемся кратким анализом только одного фрагмента общеизвестной статьи «вождя пролетариата» [Волков 2011].

Сила воздействия ленинских текстов определялась прежде всего умелой акцентировкой тех мифов «революционного сознания», которые отражали ядро идеологии большевизма, чаяния «средней» и худшей части пролетариата (люмпенства), вождения деревенской гольтыбы «все отобрать и поделить» (среди этих мифов – историческая обреченность капитализма, неизбежность ликвидации частной собственности на средства производства и др.). Акцентировка идей большевизма облакалась Лениным в форму убеждения, однако на деле была направлена на внушение, на то, чтобы создать эмоционально насыщенный «образ врага». Деструктивная направленность большевизма (не **за**, а **против** кого-чего) определяет набор и содержание семантических доминант в названной статье Ленина и ключевые составляющие его «филологической личности» как «вождя пролетариата».

Наиболее наглядно концептуальное ядро социальной мифологии большевизма и одновременно ядро «филологической личности» Ленина проявляется в общеизвестных антитезах, занимающих в названной статье центральное место. Протицируем полностью нужный отрывок.

«Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны – помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны – замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, – с другой стороны, “толстовец”, т.е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: “я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками”. С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, – юродивая проповедь “непротивления злу” насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих

масок; – с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т.е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины» [Ленин 1971: 104].

Все четыре антитезы начинаются с сильного «позитива», который вызывает ожидание не менее весомого «негатива» и бессознательную готовность читателя принять его. Сведем главное в «позитиве» и «негативе» антитез в таблицу (см. табл. 1; слова в цитатах выделены мною – В.В.).

В «позитив» Ленин вынес те стороны творчества Толстого, которые связаны с критикой и отрицанием «старого мира». По Ленину, сила Толстого, помимо высокой художественности его произведений, в «протесте», «критике», «реализме, срывании всех и всяческих масок».

Таблица 1

Концептуальное ядро ленинских антитез	
«Позитив»	«Негатив»
1) «гениальный <i>художник</i> »	1) « <i>помещик</i> , юродствующий во Христе»
2) «замечательный, сильный... <i>протест</i> против общественной лжи и фальши»	2) «"толстовец", т.е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским <i>интеллигентом</i> »
3) «беспощадная <i>критика</i> »	3) «юродивая проповедь " <i>непротивления злу</i> " насилием»
4) «самый трезвый <i>реализм</i> »	4) « <i>проповедь ... религии</i> »

В «негативе» – вся конструктивная сторона творчества и мировоззрения Толстого. Важно, что по существу и в данной статье, и в других публикациях о Толстом Ленин толстовские идеи совершенствования мира и людей не критикует, ограничивается сугубо оценочными суждениями.

Акцентированный Лениным «негатив» отражает не объективные слабости Толстого как мыслителя и общественного деятеля, но политическую оценку большевиками его творчества и нацелен не на выяснение, что есть Толстой, а на прямое именование главных врагов большевизма (впоследствии советской властью уничтоженных).

Ленинские работы о Толстом, включая рассматриваемую, – не научные исследования, а публицистика, их основное назначение – манипулятивное воздействие на общественное и индивидуальное сознание. Важнейшие способы воздействия – **убеждение** (основывается на фактах и корректных выводах) и **внушение** (основывается на оценках, ориентированных на воздействие через эмоции). Результат убеждения – **знание**, результат внушения – слепая **вера**. Сверхзадача, которую решал Ленин, – не убедить, но внушить (под маской убеждения), вызвать активное неприятие ценностей традиционной культуры.

Секрет успеха в решении этой задачи определяется тем, что выводы и оценки Ленина точно отражали наиболее существенные слагаемые «революционного сознания» пролетариата, прежде всего: все «власть имущие», включая интеллигенцию, – враги, от которых ничего хорошего ждать нельзя и которых поэтому нужно либо подавить, либо истребить. И конкретные ленинские оценки творчества Толстого тем отчетливее воспринимались как верные, чем точнее отражали ожидания «социал-демократического» читателя, что «все буржуазное» (все, что «от старого мира») в этих оценках будет осуждено. Вопрос об убедительности и аргументированности оценок отступал на второй план, что позволяло Ленину обходиться вообще без конкретных аргументов «против», ограничиваясь псевдоаргументацией оценочного характера.

Негативность оценки «помещик, юродствующий во Христе» основывалась на ассоциации «помещик – это эксплуататор, враг» и на отрицательной коннотации глагола *юродствовать*. Корректно ли с позиций неполитизированного мышления сопоставлять «помещика» Толстого («негатив» антитезы) с «художником» Толстым («позитив» антитезы)? Если корректно, то тогда по аналогии: «Пушкин – поэт, но, знаете ли, камер-юнкер», «Лермонтов – поэт, но, к несчастью, офицер» и т.д.

Да и так ли уж несимпатичен Толстой как «юродствующий помещик», если этот броский ярлык расшифровать? Разве не мучительным ощущением своей невольной социальной и нравственной вины, не жгучей жадой милосердия веет, скажем, такое признание в статье «Так что же нам делать?» (1882–1886): «В самом деле, чего я хочу? Я хочу сделать добро другим, хочу сделать так, чтобы люди не были холодны и голодны, чтобы люди могли жить так, как это свойственно людям. Я хочу этого и вижу, что вследствие насилий, вымогательств и различных уловок, в которых я принимаю участие, отбирается у трудящихся необходимое и нетрудящиеся люди, к которым принадлежу и я, пользуются с излишком трудом других людей» [Толстой 1983: 227]? Неужели большая совесть и жажда творить добро заслуживают названия «юродство»? Толстовское «юродство» – миф, работающий на то, чтобы исключить возможность союза большевиков с лучшими, наиболее совестливыми из «помещиков», а вот толстовское милосердие – то, чему и большевикам после октябрьского переворота не грех было бы поучиться.

Негативность остальных трех оценок также основана на мифах «революционного сознания».

Почему «толстовец» – это плохо? Следуя логике ленинского текста, потому, что он «истасканный, истеричный хлюпик» и вдобавок «интеллигент». Негативность оценки основывалась на «рабоче-крестьянской» ассоциации «интеллигент – мямля, слабак, прислужник буржуазии». На деле существо противостояния «интеллигентства» и большевизма сводилось к полярности взглядов на движущие силы общественного про-

гресса: с «интеллигентской» точки зрения, в основе прогресса – духовное движение (развитие науки, культуры, религии, нравственности); с точки зрения большевиков – социально-экономические факторы. Органическое нежелание интеллигенции «мир насилия» насильно разрушать и оказалось в конечном счете причиной того, что слово «интеллигент» в тоталитарной системе стало чуть ли не бранным.

Почему «непротивление злу» насилием – плохо? Неужто только потому, что это «юродивая проповедь»? В этой же статье мы находим ленинскую «расшифровку» толстовского «непротивления злу»: «В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась... и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая же часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала “ходаталей”, – совсем в духе Льва Николаевича Толстого! И... большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудовиков в переднюю Столыпина, кланчили, торговались, примиряли, обещали примирить...». Подчеркнем: Ленин сетует, что лишь небольшая часть крестьян поднималась на **уничтожение** «царских слуг и помещичьих защитников», а ведущих **мирную** политическую борьбу «буржуазных интеллигентов» именует «холуйскими». За что? За то, что они «примиряли, обещали примирить»? По сути, толстовское «непротивление злу» близко тому, что называют «парламентскими» способами решения проблем. В большевистскую концепцию «уничтожения врагов» такое представление не вписывалось. Ленин критикует Толстого за якобы полную пассивность, «непротивление злу». Но разве вся толстовская публицистика, огромная просветительская и благотворительная деятельность – это не «противление» злу?

Почему религия – это плохо? Потому что религия – «одна из самых гнусных вещей, какие только есть на свете». Ленин сознательно смешивает «полицейски-казенную церковь» и связанное с ней мракобесие с религией. Церковь – социальный институт, религия – одна из форм духовной жизни. Проповедовать религию – значит проповедовать духовность. В чем же, по Ленину, слабость Толстого? В пропаганде духовности?

Суммируем. Ленин обвиняет «помещика» Толстого в «юродстве» как жажде творить добро, «интеллигента» Толстого в желании нравственного самоусовершенствования, «непротивленца» Толстого в отказе от насилия в пользу мирных, «парламентских» средств борьбы, Толстого-проповедника в пропаганде религиозной духовности. Всё перечисленное трактуется как «недостатки и слабости... революции» (1905–1907 гг.), причем такая трактовка логически не обосновывается, а поддерживается исключительно публицистической напористостью, суггестивной энергией **внушения**.

Какие приемы обеспечивали Ленину эффективность внушения?

Первый. Мастерское использование важнейших «презумпций общения» – истинности и обоснованности. Начиная статью с замечания, что смысл ее названия «может показаться на первый взгляд странным и искусственным» (имеется в виду «сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился»), отмечая затем «лицемерие» «легальной русской прессы, переполненной статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого», Ленин тем самым подталкивает читателя к выводу, что автор этой статьи, безусловно, компетентен, искренен, в противоположность лицемерным «продажным писакам» независим от власти, мыслит оригинально и сильно (что дает ему право разоблачать других), и вследствие всего этого выводы и оценки автора статьи заслуживают безусловного доверия.

Второй. Безапелляционность оценок (на которые формальное право автору дает преамбула статьи), создающая весьма убедительную иллюзию, будто с каждой из них любой разумный читатель не может не согласиться, поскольку вполне может обосновать их самостоятельно. Однако именно обосновать «социал-демократические» читатели и не могли, но в сами оценки – верили! Верили, что всякий помещик – смертный враг, что любой интеллигент – продажный, трусливый и беспринципный холуй, что от правительства мирными средствами никогда ничего не добьешься и что, наконец, коль скоро церковь защищает социальную стабильность, то и религию надо долой. Верили, ибо это казалось очевидным. И весь подтекст ленинской статьи нацелен на поддержание этой иллюзии.

Третий. Высочайший эмоциональный накал текста, лавина оценочных слов, с одной стороны, безудержно хвалебных, с другой – хлестких до оскорбительности. В массе оценочной лексики теряется экстралингвистическая конкретика, снимается проблемность (ср. выше наши вопросы «почему?»), зато великолепно акцентируются ключевые слова, приобретающие четкую негативную коннотацию: *«плохо»* – это *помещик, Христос, «толстовец», интеллигент, проповедь «непротивления злу» насилием, религия, поп, поповщина*. Эмоциональный фон настолько насыщен, что об аргументированности этого «плохо» читатель и не помышляет. «Толстовец»? Плохо! Почему? Так «толстовец» ведь, интеллигент! и т.д.

Четвертый. Мастерски выстроенная композиция – как статьи в целом, так и четырех ключевых антитез. Во-первых, «негатив» антитез, следуя после «позитива», оказывается в рематической позиции, то есть в фокусе читательского внимания. Во-вторых, читатель, благодаря комплиментарному «позитиву», оказывается в состоянии психологической готовности согласиться с «негативом» (ибо человеку свойственно после весомых

похвал принимать замечания, даже если они на грани абсурда). В-третьих, принятию «негатива» способствует афористическая краткость рематических частей первой и третьей антитез, которая усиливает ощущение их бесспорности, – «помещик, юродствующий во Христе» и «юродивая проповедь “непротивления злу” насилием», тем более что афористической концовке предшествует пространная похвала: в первой антитезе «позитив» включает 15 слов, а «негатив» – только 4, в третьей соответственно 30 и 5. В-четвертых, в «негативе» второй и четвертой антитез мастерски используется ирония и «антитеза в антитезе»: 1) плакатно убедительная фигура «толстовца», который, с аппетитом поглощая рисовые котлетки, заявляет: «Я скверный, я гадкий...»; 2) противопоставление «попа по казенной должности» и «попа по нравственному убеждению» (заметим, что пейоративная коннотация в этом последнем случае связана исключительно со словом *поп*, ибо само по себе наличие нравственного убеждения основанием для осуждения являться не может).

Пятый. Логическая некорректность антитез, игра на подмене понятий: в первой антитезе «художник» противопоставляется «помещику», во второй «протест» – «толстовцу» (как будто быть «толстовцем» – не значит по-своему протестовать), в третьей «критика» – «проповеди» (по сути, проповеди парламентаризма; как будто парламентаризм не предполагает критики), в четвертой «реализм» – опять-таки «проповеди» (на сей раз проповеди религии). Ни одна из антитез не основывается на логически корректной антонимии. Еще более существенная некорректность в том, что следующий после ключевых антитез текст (вплоть до конца статьи) никак не аргументирует представленных негативных оценок. Вместо аргументации оценок Ленин говорит о том, чем **сходно** поведение крестьян о позицией Толстого. Скажем, поведение крестьян не устраивает Ленина по причине «мягкотелости». Но где доказательство, что оптимальное решение – подниматься «с оружием в руках на истребление своих врагов»? Впрочем, доказательством Ленин не озабочен; ключевой для большевиков тезис о «необходимости возникновения революционной борьбы масс» рассматривается как нечто само собой разумеющееся. О возможности «парламентских» альтернатив и речи нет.

Полученный Лениным публицистический результат – внушение одного из краеугольных мифов «революционного сознания»: духовность и терпимость (то есть добро, милосердие, парламентаризм) не спасут, нужны экстраординарные меры – революционный переворот и диктатура пролетариата, уничтожение традиционной религии, к которой мы теперь мучительно возвращаемся, в том числе и потому, что современному экстремизму по-настоящему может противостоять только такое общество, которое строится на духовных основах.

Вопросы и задания

1. Внутренняя форма и семантические этимоны сущ. *филология* и смежных по значению и форме языковых единиц.

Постройте различные варианты свободного объяснения (а не строго научного толкования) смысла сущ. *филология* и смежных с ним по значению и внутренней (в том числе этимологической) форме языковых единиц, опираясь на приведенные ниже или иные (прежде всего словарные) материалы.

Филология. От *фило...* + *...логия*. Совокупность наук, изучающих язык и литературу. Ср.: *гебраистика, лингвистика, литература, мифология, нарративный, палеография, романистика, текстология, фольклор, хронотон*.

Фил..., фило... Из гр. *phileo* ‘люблю’ (ср. ...*фил*, ...*филия*). В значении «связанный с занятиями тем, что названо в другой части слова»: *филантропия, филателия, филология, философия, филумения*.

...филия. Из гр. *philia* ‘любовь, дружба’ (ср. ...*фил*, *фило...*). В значении «склонность к чему-л., предпочтение чего-л.»: *биофилия, гидрофилия, зоофилия, некрофилия, орнитофилия, педофилия, энтомофилия*. Противоп.: ...*фобия*.

...логия, ...лог. От *логос* (<гр. *logos* ‘слово; условие, договор; разум, разумное основание; причина; понятие, смысл’). В сложных словах в значении: «наука (ученый), занимающаяся тем, что названо в первой части слова»: *аксиология, анестезиология, антропология, археология, астрология, бальнеология, биология, виктимология, геология, гносеология, графология, дефектология, диалектология, диетология, зоология, зоопсихология, идеология, индология, кинология, космология, криминология, курортология, лексикология, методология, мифология, морфология, наркология, неврология, невропатология, нейрология, неонатология, палеоантропология, палеонтология, палинология, патология, патрология, психология, психопатология, санскритология, семиология, синология, социология, танатология, текстология, телеология, теология, тюркология, физиология, филология, френология, эмбриология, эпистемология, этимология, этнология*. Рус. син.: ...*ведение, ...вед*.

Логика. Из гр. сущ. *logike*, прил. *logikos* ‘касающийся слова, выражения; разумный, логичный’. 1. Наука (ср. ...*логия*) о законах и формах мышления. 2. Ход рассуждений, умозаключений. 3. Разумность, внутренняя закономерность. **Логичный** – соответствующий законам *логики*; обоснованный, последовательный. Ср.: *абстрактный, антиномия, апория, группа, дедукция, диалектика, импликация, индукция, категория, класс, классификация, концепт, лемма, ранг, синтез, софизм*.

2. Внутренняя форма и семантические этимоны сущ. лингвистика и смежных по значению и форме языковых единиц.

Постройте различные варианты свободного объяснения (а не строго научного толкования) смысла сущ. *лингвистика* и смежных с ним по значению и внутренней (в том числе этимологической) форме языковых единиц, опираясь на приведенные ниже материалы.

В случае необходимости обращайтесь за справками к этимологическим, толковым, энциклопедическим и иным словарям.

Лингвистика. Фр. *linguistique* – из лат. *lingua* ‘кончик языка > язык (речь) > манера выражаться, слог > красноречие’. Наука (ср. ...логия) о языке (языкознание, языковедение). Ср.: *аббревиатура, аргю, аффикс, валентность, вербальный, волапюк, грамматика, графика, диалект, диахрония, жаргон, иврит, идеография, идиш, интерференция, латиница, лексика, модальный, морфема, морфемика, морфология, морфосемантика, номинация, окказиональный, омо..., омонимия, ономасиология, ономастика, орфография, орфоэпия, парадигма, полиглот, полисемия, прагматика, риторика, санскрит, семантика, семасиология, синтаксис, синхрония, сленг, социолект, стилистика, суффикс, филология, фонетика, фразеологизм, фразеология, эсперанто, этимология, этимон*.

Лингво... От *лингвистика*. В сложных словах в значении «связанный с лингвистикой как наукой о языке: *лингвогеография, лингводидактика, лингвометодика, лингвостилистика, лингвострановедение, лингвотипология, лингвофилософия*.

Лексика. Гр. *lexikos* ‘словесный’ – от *lexis* ‘речь; способ выражения, слог; оборот, выражение, слово’ (ср. *лексико..., лексикография*) < *lego* ‘говорить; рассказывать, излагать, называть’ (ср. *диалект, диалектика, риторика, социолект*). В *лингвистике*: словарный состав языка. Ср.: *вербальный, жаргон, риторика, тезаурус*.

Риторика. Гр. *rhetorike* – от *rhetor* ‘оратор, вития’ < из *lego* ‘говорить; рассказывать, излагать’ (ср. *диалект, диалектика, лексика*). В *лингвистике*: теория и практика речевого воздействия и взаимодействия, искусство красноречия. Ср.: *гомилетика, декламация, коммуникация, лингвистика, оратор, фразеология, эмпфаза, эмпфатический*.

3. Охарактеризуйте смысл понятий «логос» («Логос») и «слово» («Слово») в контексте различных сфер гуманитарного знания и духовной практики.
4. Приведите примеры различных способов манипуляции сознанием в различных сферах жизни (политика, СМИ, реклама, PR, торговля, услуги и др.), прокомментируйте их.
5. Каковы возможные механизмы защиты личности и/или социальной группы (общества) от манипулятивного воздействия?

Литература

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. – 224 с.

Бердяев Н.А. Философии неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. – 288 с.

Волков В.В. Прагматилистика «вождя пролетариата» (О статье В.И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции») // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2011. Вып. 3. Тверь, 2011. – С. 84–90.

Волков В.В. О внутренней форме и реальном содержании термина *филология* // Слово. Предложение. Текст: Анализ языковой культуры: Сб. научных статей. Краснодар, 2013. – С. 39–43.

Гете И.В. Фауст / Пер. с нем. Н.А. Холодковского. В 2 ч. М.; Л.: Academia, 1936.

Доброхотов А.Л. Логос // НФЭ. Т. 1. М.: Мысль, 2010. – С. 445–447.

Кара-Мурза С.Г., Смирнов С. Манипуляция сознанием-2. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. – 528 с.

Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Мартин, 2006. – 480 с.

Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // В.И. Ленин о литературе. М.: Худож. лит., 1971. – С. 103–108.

Логос: Международный ежегодник по философии культуры. Кн. 1. М.: Изд-во «Мусaget», 1910. – 286 с.

Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывая общие правила обоого красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 89–378.

Лосев А.Ф. Хаос // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. – С. 583–584.

Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.

Подстрочный греческо-русский Новый Завет / Под ред. В. Журомского. Житомир: Украинское Общество Благодати, 2005. – 893 с.

Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М.: Худож. лит., 1976. – С. 360–366.

Тахо-Годи А.А. Эрот, Эрос // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. – С. 640.

Теоретическая культурология / Отв. ред. О.К. Румянцев. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 16. Публицистические произведения. 1855–1886. М.: Худож. лит., 1983. – С. 166–396.

Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории: Философско-историческое исследование. М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1900. – 462 с.

Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет. В 2 т. Т. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. – С. 71–138.

Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М.: КомКнига, 2006. – 216 с.

Щедрина Т.Г. «Внутренняя форма слова» // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 117–118.

Глава 2 СИСТЕМА «ЯЗЫК – РЕЧЬ». ЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Лингвистика и психолингвистика

Взаимодействие человека с миром, другими людьми и с самим собой немислимо вне сознания, а значит, и вне языка как основного знакового феномена (наряду с мимикой и жестом, живописью и музыкой и другими знаковыми средствами), в котором сознание объективируется («опредмечивается»). Сознание – высшая форма психической жизни, присущая человеку как общественному существу, – является объектом всех гуманитарных наук. Однако каждая, будучи одной стороной обращена к феномену сознания, другой связана с менее общим объектом, которым и определяется ее специфика как науки. Для лингвистики и психолингвистики таким объектом, тесно взаимосвязанным с феноменом сознания, является язык.

Основная проблема и одновременно дуальный «макрообъект» филологии как науки, обуславливающий ее специфически центральное положение в системе гуманитарного знания», – «**язык в человеке**» и «**человек в языке**». Существо ни языка, ни человека «по отдельности» изучить невозможно. *Homo sapiens* ‘разумный, знающий’ в той мере «разумный», в какой он *homo loquens* ‘говорящий’, и «что первично» – сознание или язык, – вопрос, лишенный смысла: человек есть человек только вместе со своей способностью к живой разумной речи.

Если лингвистика до какой-то степени «выносит за скобки» *человека* из диады (нераздельного единства) «язык – человек», то психолингвистика стремится найти специфические методы исследования, позволяющие максимально учесть роль «человеческого фактора» в языковых / речевых явлениях.

А.Р. Лурия (1902–1977), один из основателей отечественной психолингвистики, в книге «Этапы пройденного пути. Научная автобиография» рассказывает, как ему, профессору психологии, недавно закончившему еще и медицинский институт и приступившему к клинической работе невролога, пришлось в корне менять стиль своих исследований: «Ученый обычно приступает к экспериментальной работе, выбрав определенную проблему. Затем он строит гипотезу и выбирает методы проверки этой гипотезы. Он старается сосредоточить свое внимание на тех фактах, которые подтверждают или опровергают эту теорию. Он может игнорировать все данные, которые непригодны для анализа его проблемы и для подтверждения его гипотезы. В клинической работе мы видим совершенно обратное: отправным пунктом является не четко сформулированная проблема, а неведомый комплекс проблем – сам больной. Клинический исследователь начинает с тщательного наблюдения больного с целью обна-

ружения решающих фактов. Вначале он не имеет права игнорировать какие-либо данные, даже те, которые с первого взгляда кажутся незначительными, впоследствии все они могут оказаться существенными. На каком-то этапе исследования начинают вырисовываться туманные контуры первой гипотезы... <...> Сначала мне было трудно перейти от логики обычного экспериментального исследования, столь привычного для меня, к логике клинической работы. Потребовалось немало времени, чтобы научиться обращать внимание на все, в том числе и на мелкие факты, которые могут стать решающими в таких исследованиях» [Лурия 1982: 122–123].

О психолингвистике обычно думают, что это по преимуществу экспериментальная наука. На деле психолингвистика началась с ощущения, что языковое сознание (или «внутренняя речь», «речевая организация», «речевое мышление» – поначалу пользовались этими терминами) – особый феномен, который нуждается в тщательном наблюдении и осторожном поиске корректных экспериментальных методик, по отношению к которому все сведения, накопленные лингвистикой и психологией, – не более чем полезные знания врача об анатомии, физиологии и болезнях «вообще», в отрыве от конкретного больного: эти знания могут понадобиться (и даже наверняка понадобятся), чтобы определить характер заболевания, чтобы разобраться в устройстве языкового сознания, – но никаких гарантий успеха наличие этих знаний не дает.

Объект (языковое сознание, а вместе с ним и речевая деятельность, в которой языковое сознание объективируется) – это одно, а имеющиеся знания – о близком, сходном, взаимосвязанном, – но другом: о системе языка, как она реконструируется на основе анализа данных устной и письменной речи (лингвистика), о процессах мышления, как они проявляются в различных видах деятельности, в том числе и в деятельности речевой (психология). Но ни система языка, ни процессы мышления нетождественны языковому сознанию. Поэтому и возникла психолингвистика как особая наука со своим особенным объектом – языковым сознанием.

Лингвистика рассматривает язык как (условно) самодостаточный объект, взаимосвязь которого с сознанием можно «вынести за скобки» и учитывать лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания отдельных языковых явлений; тем самым лингвистика – это **наука о языке**.

Психолингвистика рассматривает язык в тесной взаимосвязи с сознанием и миром, который при участии языка сознание отражает и творит; тем самым психолингвистика – это **наука о языковом сознании**.

Граница между лингвистикой и психолингвистикой столь же условна, как и граница между языком и сознанием, языком и речью; в конечном счете, это части единой науки о «языковой личности» – «личности социальной» и «личности индивидуальной», в понимании этого термина, развитой – вслед за Г.О. Винокуром (1896–1947) и В.В. Виноградовым (1894–1969) – Ю.Н. Карауловым [1987], то есть части науки о

человеке, рассматриваемом в аспекте его языковой способности (это скорее психолингвистика), или, в другой проекции, – о языке как средстве реализации когнитивных и коммуникативных потребностей человека (это скорее лингвистика).

Тем самым, исследуя систему языка в **лингвистическом** аспекте, мы движемся в направлении «от системы языка к языковому сознанию», и получаемые нами результаты (например, грамматические описания академического типа) могут рассматриваться как своеобразная гипотеза об устройстве структур языкового сознания и/или о процессах, протекающих в языковом сознании в ходе когнитивной и коммуникативной деятельности людей, то есть как гипотеза **психолингвистического** характера. Вопрос о том, насколько эта **лингвистическая гипотеза** соответствует **психолингвистической реальности**, – один из основных вопросов психолингвистики. С другой стороны, исследуя языковое сознание психолингвистическими методами, мы получаем данные, представляющие и лингвистическую ценность. В чем заключается эта ценность, как соотносятся психолингвистические данные с собственно лингвистическими, – второй основной вопрос психолингвистики.

Язык и речь как объекты лингвистики и психолингвистики

Что изучают лингвистика и психолингвистика? Язык или речь? Или то и другое? А если и то, и другое, то в чем разница между языком и речью?

Несмотря на то что проблема различия языка и речи посвящена огромная литература, сама проблема еще очень далека от сколько-нибудь окончательного решения.

Но определению С.Л. Рубинштейна (1889–1960), одного из создателей деятельностного подхода в психологии, «речь – это использование средств языка индивидом сообразно с задачами, которые перед ним стоят, и условиями, в которых эти задачи возникают; этот процесс совершается в виде речевой деятельности и выражается в речевых образованиях, посредством которых совершается общение; язык же – та совокупность средств, которые речь при этом использует». И далее: «В языке – в отличие от речи – заключен относительно фиксированный результат познавательной работы предшествующих поколений, результат предшествующей работы мысли с фиксированной в нем системой анализа, синтеза и обобщения явлений. Мышление человека не ограничивается отложившимися в языке результатами анализа, синтеза и обобщения явлений действительности, фиксированными в системе языка. Опираясь на них, мышление людей продолжает анализировать, синтезировать и обобщать, непрерывно углубляя эту работу и оформляя результаты ее в речи» [Рубинштейн 1957: 43, 47].

Эта характеристика представляется удачной по крайней мере в двух отношениях: во-первых, в ней отчетливо акцентировано принципиальное различие языка и речи, во-вторых, подчеркнуто их единство. Кроме того, предложенная С.Л. Рубинштейном краткая характеристика взаимодействия языка и речи ведет к важному гносеологическому соображению: едва ли можно составить достаточно достоверное представление о каком-либо лингвистическом феномене, если рассматривать его или только в аспекте языковой системы, или только в аспекте речевой деятельности, ибо в каждом из этих случаев теряется главное – вопрос о механизме **взаимодействия** языка и речи.

Этот вопрос впервые был отчетливо сформулирован в известной статье Л.В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931). Разграничивая три аспекта языковых явлений – речевую деятельность, языковую систему и языковой материал, – Л.В.Щерба подчеркивал: «Прежде всего возникает вопрос, в каком отношении находится “психофизическая речевая организация” владеющего данным языком индивида к этой выводимой лингвистами из языкового материала языковой системе... Что же такое сама языковая система? По-моему, это есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала» [Щерба 1974: 27–28].

Как видим, помимо лингвистической триады «языковых явлений», речь идет и о четвертой, находящейся за пределами непосредственно лингвистики, – о «речевой организации» (иначе говоря, о языковом сознании). Тем самым взаимодействие языка и речи (точнее, организация системы «Язык – речь») сводится к взаимодействию четырех слагаемых.

В предельном обобщении различие языка и речи как объектов лингвистики и психолингвистики отражено на рис. 1: объект лингвистики – языковой материал и имплицитированная в нем языковая система, объект психолингвистики – «речевая организация» (языковое сознание) и речевая деятельность. Кратко охарактеризуем те аспекты лингвистического и психолингвистического исследования, которые вытекают из этой общей модели.

Рис. 1. Основные объекты лингвистики и психолингвистики

Специально отметим, что два объекта психолингвистики отчетливо зафиксированы уже в названиях первых основополагающих работ: с одной стороны, «Язык и сознание» [Лурия 1979], с другой стороны – «Язык, речь, речевая деятельность» [Леонтьев 1969a] (см. также: [Леонтьев 1969b; Основы теории речевой деятельности 1974]).

В детализованном отображении блоки на рис. 2 соответствуют четырем слагаемым «Язык – речь» в онтологии; стрелки, фиксирующие связи между ними, отражают направления взаимодействия этих слагаемых в онтологии и одновременно аспекты их изучения (научные дисциплины) в гносеологии.

В соответствии с двумя основными функциями сознания – функцией моделирования мира и преобразованием его в деятельности – различаются, с одной стороны, статический, то есть системный (системно-структурный), с другой – динамический (функциональный) аспекты.

Языковой материал в его отношении к системе языка изучается, во-первых, с целью установления закономерностей устройства системы языка как таковой, рассматриваемой исключительно в рамках ее внутренней логики, которая является «внешней» по отношению к сознанию человека (такие традиционные дисциплины, как «академическая» грамматика, лексикология и др.); во-вторых, с целью выяснения, как в языковом материале (прежде всего в текстах разных стилей) реализуются возможности системы языка (функциональная стилистика).

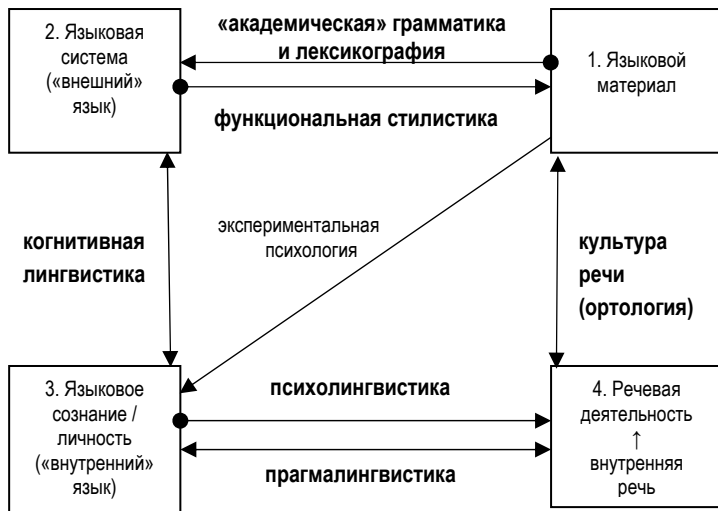

Рис. 2. Аспекты изучения системы «Язык – речь»

Языковая система в ее отношении к языковому сознанию изучается когнитивной лингвистикой; ее основная задача – исследование когнитивных структур и процессов, а в качестве объекта исследования в этом случае выступает феномен «языкового сознания», «языковой личности», включая устройство «картины мира», опредмеченное во «внешнем» языке (его лексике и грамматике) и соотносительное с ним устройство вербального пространства (вербальных сетей) во «внутреннем» языке (языковом сознании). Лексикографическая развертка этого аспекта связана с разработкой разнообразных идеографических словарей, например, тезаурусов как словарей семантических полей, которые представляют собой нечто иное, как взгляд на картину мира «от языка», и составлением ассоциативных словарей, которые представляет собой взгляд на вербальное пространство «от языкового сознания».

Языковое сознание («речевая организация») в его отношении к речевой деятельности изучается психолингвистикой и прагматической лингвистикой. Тем самым, объект психолингвистики, помимо речевой организации, – внутренняя речь в ее соотносительности с внешней речью (непосредственной речевой деятельностью), с использованием заложенных в системе языка и в речевой организации возможностей для реализации разнообразных когнитивных и коммуникативных потребностей.

Речевая деятельность в ее отношении к языковому материалу – объект дисциплины, целью которой является оценка соответствия результатов речевой деятельности, с одной стороны, задачам коммуникации, с другой стороны, закономерностям организации «внешнего» и «внутреннего» языков (языковым нормам, явным или неявным). Эта дисциплина – культура речи (ортология).

Перечисленные задачи изучения системы «Язык – речь», естественно, не исчерпывают как всех возможностей, заложенных в объекте, так и реальностей науки. Заметим только, что вполне очевидные социально-экономические и научные потребности вызвали к жизни особую дисциплину, которую описательно именуют «машинным переводом». Эта дисциплина, будучи сугубо прикладным направлением лингвистики, имеет дело с квазиобъектом – правилами, позволяющими, опираясь на данные системы языка, произвести анализ «входного» текста на одном языке в том объеме и с той степенью глубины, которые необходимы для синтеза «выходного» текста на другом языке. Эти правила, существенно отличающиеся от закономерностей, которые формулирует «академическая» лингвистика, являются своеобразным операциональным коррелятом последних. Заметим также, что ось «языковой материал – языковое сознание» соответствует тем направлениям в психологии, психофизиологии и психолингвистике, которые используют языковой материал в разнообразных экспериментах, косвенным или основным результатом которых становятся сведения о речевой организации человека (ассоциативные эксперименты, экспери-

менты по свободной классификации, субъективное шкалирование и др.). Однако, как и в случае о машинным переводом, данное отношение не формирует самостоятельной научной дисциплины.

О проблематике психолингвистики

Движение науки складывается из ясных ответов на строго сформулированные вопросы. Если появляется вопрос, за который ни одна из существующих наук не берется, считая его вне пределов своей компетенции, значит, близится рождение новой дисциплины. Возникновение психолингвистики во второй половине XX века и было реакцией на невозможность ответить на очередные вопросы, вызревшие как в недрах лингвистики и психологии, так и в рамках других наук о человеке.

Требовал объяснения накопившийся материал наблюдений над детской речью, над особенностями речи при частичных поражениях мозга. Стало ясно, что некоторые задачи прикладного характера ни лингвистики, ни психология в отдельности решить не в состоянии, например: как научить человека хорошо говорить, писать, читать или слушать и понимать читаемое или слушаемое (основная задача лингвометодики), как работать над восстановлением речи у больных после инсульта (восстановительное обучение), как определить точное место поражения мозга (нейролингвистика как часть нейропсихологии) и др.

Однако самые глубокие проблемы появились в результате имманентного развития лингвистической и психолингвистической теории, а именно: для лингвистики – проблема психолингвистической реальности картины мира, как она реконструируется на базе единиц системы языка (морфа и морфемы, словоформы и лексемы, морфологической категории и парадигмы предложения и др.); для психолингвистики – какова роль вербальной составляющей в когнитивных и коммуникативных процессах и какова их связь с другими психическими процессами – с восприятием, памятью, воображением, эмоциями и др.

Новизна этих вопросов осознаётся не сразу. Множество экспериментов в психологии всегда было связано со словесным материалом – в силу того, что высшие психические функции опосредствуются употреблением (языковых) знаков; с другой стороны, лингвистика, решая свои задачи, всегда сознавала, что имеет дело с феноменами психического порядка. В знаке «опредмечиваются», обретают вербальную плоть психические процессы, становясь доступными для исследователя-психолога, и языковой знак свидетельствует о каких-то психических процессах, напоминая лингвисту о сверхзадачах его работы.

Таким образом, предмет психолингвистики остается открытой областью – в силу чрезвычайной сложности объекта (языкового сознания и

речевой деятельности). Наиболее очевидные проблемы: как овладевает ребенок родным языком (онтогенез речи); какова логика распада языковой способности при патологиях мозга (патологии речи); как протекает процесс воплощения мысли в слове (порождение речи); как понимает человек чужое высказывание или текст (психоллингвистика текста) и т.д.

О когнитивном и коммуникативном аспектах языкового сознания и речевой деятельности

«Сверхзадача» психоллингвистики – понять, что представляет собой феномен языкового сознания как в двух его основных аспектах – когнитивном и коммуникативном (вместе с такими дисциплинами, как когнитивная лингвистика, теория коммуникации, прагматическая лингвистика, теория дискурса), так и в иных, связанных с различными функциями языка и речи.

Когда говорят, что язык есть важнейшее средство человеческого общения, то не всегда подразумевают и то, что невозможно общение без мышления, что речь, являясь средством общения, является одновременно и механизмом умственной деятельности. Две основные функции языка – когнитивная и коммуникативная – опираются на взаимосвязанные, но нетождественные структуры языкового сознания.

Эти структуры – прежде всего через слово как основную единицу системы языка – равно связаны и с «внешним» предметным миром, и с внутренним миром мыслей и чувств, а «восприятие слова предполагает не только восприятие его предметной отнесенности (или ближайшего значения) и той системы смысловых (наглядных или отвлеченных) связей, которые за ним скрываются; восприятие слова предполагает и восприятие его как единицы живой речи и связано с возбуждением системы семантико-синтаксических отношений его с другими словами» [Лурия 1975: 152].

Заметим, что широко известная характеристика внутренней речи как «универсального предметного кода» (Н.И. Жинкин, 1893–1979; см. [Жинкин 1964; 1982]) вовсе не означает, что этот код ориентирован лишь на «предметную» составляющую знака как отражение феноменов объективной действительности; язык опредмечивает в своих формах мысль, а поскольку мысль тесно связана как с реальным, так и с возможным миром – и не только «отражает», но и преобразует, и созидает эти миры, – то язык является универсальным «опредмечивающим» кодом и в смысле отражения и преобразования реально существующего, и в смысле созидания возможного мира.

Объект исследования когнитивного аспекта в психоллингвистике – языковое сознание в его статике, объект исследования коммуникативного аспекта – языковое сознание в динамике, как она раскрывается в речевой деятельности, в различных высказываниях (текстах), в различных

коммуникативных ситуациях (здесь точка пересечения психолингвистики с прагматикой как теорией речевых актов, теорией коммуникации и теорией дискурса).

С точки зрения психолингвистики и смежных с ней дисциплин, высказывание (речь, текст) имеет **четыре модуса существования**:

- 1) порождение речи (высказывания, текста) – модус **субъекта** речи;
- 2) речь (высказывание, текст) как компонент акта коммуникации – **субъект-субъектный** модус;
- 3) текст в культуре (как компонент культуры) – модус **речи как самоценности**;
- 4) восприятие, понимание и интерпретация речи (высказывания, текста) – модус **адресата (реципиента) речи**.

В рамках каждого модуса речь оказывается в «предметной рамке» различных психолингвистических (и других филологических и нефилологических) дисциплин.

1. **Порождение речи (высказывания, текста)**. Речь как языковая способность **субъекта**, как «речь потенциальная», еще не произнесенная и не услышанная, не написанная и не прочитанная (но уже вышедшая/выходящая на этап письма или произнесения), как «внутренняя речь» индивида. Этот модус существования высказывания трактуется как процесс **порождения речи**⁶, как **речевое мышление**⁷.

Выражение «речевое мышление» при этом следует понимать как метафору: речь идет, разумеется, не о мышлении как оперировании понятиями, а о том неосознаваемом движении внутреннего смысла к внешнему выражению, что подспудно совершается в языковом сознании, становясь явным и зримым лишь в конкретике речевых актов.

Выражение «порождение речи» – тоже метафора; сущ. *порождение* в общеупотребительном смысле имплицитно предполагает сознательную активность субъекта, – *порождение же речи* в норме, в обыденности, а не в каких-либо специфических условиях (скажем, вы писатель или оратор – это одно, а другое – если вы в обычных условиях непринужденно рассказываете о чем-то другу или подруге, ни на миг специально не задумываясь, не рефлекслируя акты своей речи) – это процесс, не предполагающий сколько-нибудь существенных сознательных усилий.

Механизмы речевого мышления основываются на некоторых неосознаваемых структурах лексикона и грамматикона. Эти структуры могут быть эксплицированы лишь в ходе специального исследования, основывающегося на наблюдении или эксперименте, и представлены в виде **ассоциативной грамматики** (см. [Караулов 2010]).

⁶ См., например, коллективную монографию: [Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи 1991].

⁷ См., например, основополагающие работы С.Д. Кацнельсона (1907–1985) в [1972; 2001].

2. **Речь (высказывание, текст) как компонент акта коммуникации (субъект-субъектный модус существования речи).** Высказывание (речь, текст) – не как речь внутренняя, но как речь, «явленная вовне», как «речь для других», речь произносимая/произнесенная, как органичный **компонент акта коммуникации**, который находится в определенном отношении к другим основным компонентам (рис. 3) – субъектам речи (говорящему и слушающему, роли которых в ситуации диалога могут меняться) и ситуации общения.

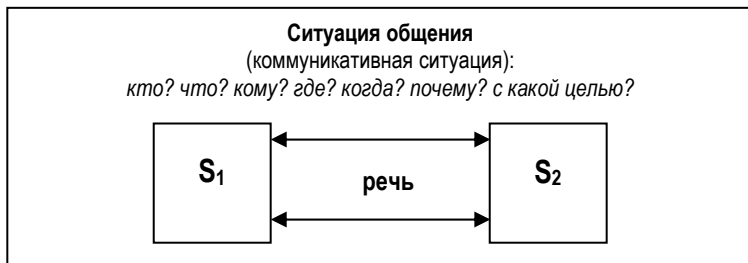

Рис. 3. Компоненты коммуникации: субъекты общения, высказывание (речь), ситуация общения

Ситуация общения в общем случае характеризуется в логике школьного «грамматического разбора» по вопросам типа *кто? что? кому? где? когда? почему? с какой целью?* (говорит/пишет). Высказывание (речь, текст) в этом случае понимается как **процесс коммуникации** и рассматривается в рамках дисциплины, которую в психолингвистическом разрезе описательно характеризуют как «психолингвистические аспекты коммуникации (общения)», а в психологическом – как «психологию общения» (см., например: [Горянина 2002]).

3. **Текст в культуре (как компонент культуры).** Высказывание (речь, текст) как «речь фиксированная» – на бумаге, в магнитофонной или видеозаписи, как существующая безотносительно к наличию или отсутствию слушающего или читающего, то есть существующая вне живой ситуации общения, хотя способная включаться в такую ситуацию (например, кто-то взял книгу и читает). Такая речь в случае социокультурной значимости оказывается фактом уже не индивидуальной психосоциальной жизни, а **феноменом культуры**, своеобразным «языковым стандартом» (в том числе *прецедентным текстом*; см., например: [Слышкин 2000]).

4. **Восприятие, понимание и интерпретация речи (высказывания, текста).** Высказывание (речь, текст) как языковая способность **адресата (реципиента) речи**, как «речь воспринятая», как компонент языкового сознания («речевой организации») реципиента.

Теоретическая и экспериментальная психолингвистика

Любая наука развивается двумя взаимосвязанными путями: на основе теоретического анализа своей проблематики и на основе анализа эмпирических фактов, полученных в результате наблюдения или эксперимента. Однако в рамках разных научных дисциплин преобладают разные способы: например, в философии – теоретический анализ, связанный с сопоставлением разных философских систем, выявлением точек их притяжения и отталкивания от развиваемой автором системы; в истории, «традиционной» лингвистике или медицине – наблюдение, ведущее к накоплению массива фактов и последующему анализу полученного массива; в физике или психолингвистике – эксперимент. Однако «преобладает» (тот или иной путь) – не значит «доминирует» или тем более «является единственно важным». В любой науке, чтобы она была внутренне гармонична, теория и факт должны быть – особым для каждой науки образом – сбалансированы. Не всегда эта сбалансированность очевидна, особенно на первый взгляд. Если, скажем, наличие теоретической физики с ее открытиями «на кончике пера» и физики экспериментальной с ее бесчисленными специально разработанными устройствами ни у кого сомнений не вызывает, то для лингвиста или врача открыть теоретически, «на кончике пера», класс новых слов или новый способ лечения гриппа представляется делом почти невозможным. Тем не менее, теоретический аспект в этих науках, разумеется, существует.

Лингвистика, как и история, относится к числу дисциплин с неочевидной для поверхностного взгляда теоретической составляющей в силу того, что сосредоточена по преимуществу на наблюдении и накоплении фактов – исторических или языковых (выражение «по преимуществу» здесь следует понимать в том смысле, что накопление фактов в этих науках занимает подавляющую часть времени исследователя). Не случайно само выражение «теоретическая лингвистика», хотя и вполне обычное для профессионалов, малознакомо нелингвистам, а выражение «теоретическая история» и вовсе невозможно. Имея в виду теоретический аспект этих дисциплин, как правило, говорят о философии истории (историософии) и философии языка.

Психолингвистика, в отличие от лингвистики «традиционной» (в кавычках, потому что и в «традиционной» лингвистике немало нетрадиционного, иногда даже прямо – революционного), родилась как наука экспериментальная. Ее родословная – не столько «от проблем», сколько «от методов» исследования, так как психолингвистические проблемы в их фундаментальной части известны с давних времен, – эти проблемы в предельном обобщении сводятся к вопросам, что есть язык/речь, что есть сознание и как язык/речь и сознание взаимосвязаны.

Основной метод теоретической психолингвистики – конструирование моделей языкового сознания («речевой организации») и речевой деятельности – как целостных, так и частичных, например, моделей организации внутреннего лексикона или порождения одной синтаксической конструкции из другой.

Основной метод экспериментальной психолингвистики – психолингвистический эксперимент, и основная идея, из которой развилась психолингвистика как самостоятельная гуманитарная наука, состоит в том, чтобы, экспериментируя с лингвистическим материалом, который рассматривается как своеобразная проекция вовне человеческого «я», получить некие данные, а на их основе и выводы, представляющие интерес, во-первых, для психологии, во-вторых, для лингвистики, а в-третьих (и это, вероятно, главное), получить некое синтетическое представление о человеке, рассматриваемом через призму его языковой/речевой способности.

На этой основе складывается фундаментальная антиномия психолингвистики как самостоятельной дисциплины: антиномия **целостности** объекта исследования (человек в аспекте его языковой способности) и **фрагментарности** сведений об объекте, которые удастся получить в ходе экспериментальных исследований.

Эта антиномия характерна не только для психолингвистики. Она свойственна всей современной науке, которая, по характеристике одного из самых значительных мыслителей второй половины XX века, основателя философской герменевтики Г.-Г. Гадамера (1900–2002), «с самого своего возникновения в XVII веке всегда строилась на понятии метода и методологической гарантированности прогрессирующего познания. Она на свой лад изменила облик нашей планеты, выдвинув на первый план подход к миру, не являющийся ни единственным, ни универсальным. Это – подход, который методично подвергает абстрагирующей изоляции и вовлекает в процесс экспериментального исследования все новые и новые фрагменты реальности, которые становятся предметом исследования именно в силу такой изоляции» [Гадамер 1991: 46].

Действительно, строго последовательно применяющиеся методы исследования позволяют добиться поразительного прогресса в своих областях знания (назовем в качестве примера только исследования в физике свойств элементарных частиц посредством их ускорения в вакууме). «Между тем, – продолжает Г.-Г. Гадамер, – именно эта ориентация новой науки на идеал метода повлекла за собой то, что феномен понимания был, так сказать, отчужден. В естествознании природа есть в первую очередь неподатливое и непрозрачное. Чужое, о котором нечто узнается посредством расчета и целенаправленного воздействия, посредством испытания его в эксперименте; связанные с пониманием науки все в большей мере начинают опираться на это представление о методе и потому рассматривают понимание преимущественно как устранение непо-

нятности, как преодоление чуждости между “Я” и “Ты”. Но разве “Ты” столь же чуждо нам, как и предмет естественнонаучного исследования?» [Гадамер 1991: 47].

Психолингвисту, подобно психотерапевту, по выражению одного из основоположников глубинной и аналитической психологии К.Г. Юнга (1875–1961), нужно «не только научно классифицировать своего пациента, но и понять его». На этом пути «ему грозит конфликт интересов между двумя диаметрально противоположными и взаимоисключающими вещами – знанием с одной стороны и пониманием с другой» [Юнг 1998: 72]. Между этими полюсами находятся и психолингвистика, и лингвистика в целом.

С. Дрожжин и С. Есенин в зеркале эксперимента. *Диалог поэтов: крестьянский быт и муза*

Та деревня и то крестьянство, которым славилась когда-то Россия, которое составляло ее становой хребет, ее экономическую и нравственную основу, теперь в далеком прошлом. Конечно, возрождается само слово *крестьянин*, возвращаясь на смену *колхознику* и *рабочему совхоза*, но в конкуренции со странным для русского уха *фермером*.

Какие представления ныне стоят за словом *крестьянин* – ровесником русской государственности? С кем-чем оно ассоциируется? Осталось ли в этих представлениях хоть немного от этимологически родственного *христианин*, то есть «имеющий отношение к Христу, опекаемый им», или это лишь «сельский житель, обрабатывающий землю»?

Один из путей возвращения к исконным ценностям национальной культуры – изучение творчества крестьянских поэтов, как С. Дрожжин (1848–1930) и С. Есенин, сформировавшихся в традиционной культуре дореволюционной России, и особенностей восприятия их стихов нашими современниками, прежде всего молодыми читателями, студентами.

Психолингвистическое исследование художественного текста преследует три цели: узнать нечто о самом произведении, об особенностях восприятия его читателями и об их отношении к идейно-тематической основе произведения. Выбор Дрожжина и Есенина обусловлен сходством тематики при существенных различиях поэтики, необходимость выбора двух авторов – методологическим принципом «одно в зеркале другого». Две пары выбранных для исследования текстов образуют два «диалога»: о крестьянском быте и о музе крестьянского поэта.

Первый «диалог»: крестьянский быт (тексты 1 и 2). Стихотворение Дрожжина «В избе» и Есенина «В хате». Второй «диалог»: муза крестьянского поэта (тексты 3 и 4). Стихотворение Дрожжина «Моя муза» и Есенина «О муза, друг мой гибкий...».

Понятие, лежащее в фундаменте исследования, – семантическая доминанта (базовый элемент поэтического смысла), цель – установить, в чем состоит своеобразие в выделении и восприятии читателями семантических доминант стихотворений Дрожжина и Есенина.

Использованы два метода – выделение читателями ключевых слов или словосочетаний (путем простого подчеркивания в текстах стихотворений «того, что представляется главным») и метод семантического дифференциала (субъективного шкалирования). Информанты (Ии.) – студенты филологического факультета (30 человек).

Анкета включала объединенные попарно тексты стихотворений Дрожжина и Есенина и инструкцию:

1. Подчеркните в текстах стихотворений те слова и словосочетания, которые представляются вам наиболее важными.
2. Оцените свои впечатления от каждого стихотворения по четырем шкалам (в каждой шкале обведите в кружок цифру, которая отражает существо впечатления).

Исследование методом ключевых слов

Обращение к Ии. с просьбой выделить в тексте ключевые слова (действительно отдельные слова либо словосочетания или даже целые выражения, представляющиеся наиболее важными) позволяет получить данные, которые отражают в первую очередь особенности видения читателями художественного текста, – данные о своеобразии личности самих Ии. при этом прячутся в тени мировосприятия поэта, которое благодаря читательским оценкам оказывается объективированным.

Результаты эксперимента обрабатывались следующим образом.

Во-первых, выделены наиболее частотные целые стихи (строки), подчеркнутые самими Ии. именно как смысловое целое.

Во-вторых, отдельные словосочетания или фрагменты предложений, не составляющие целого самостоятельного стиха.

В-третьих, отдельные ключевые слова, причем эти последние – как наиболее важный результат эксперимента – учитывались лишь в том случае, если какая-то часть Ии. подчеркнула их **именно как автономные единицы текста** (как отдельные слова). При подсчете частоты отдельных ключевых слов учитывались случаи их вхождения в состав ключевых словосочетаний и целых стихов.

Результаты обработки данных эксперимента, представляемые далее, включают данные только о тех единицах (словах, словосочетаниях, целых стихах), которые были выделены не менее чем пятью информантами (при общем числе Ии. N=30). Это ограничение представляется разумным и с эмпирической, и со статистической точек зрения, позволяет отсеять сугубо индивидуальные реакции на текст, получить достаточно объективные данные об особенностях языково-

го и эстетического сознания информантов как «коллективного понимающего», «коллективного интерпретатора» стихов Дрожжина и Есенина.

Полученные данные о реакциях на стихотворения, связанные с крестьянским бытом, отражены в рис. 4 и 5. Все цифры указывают общее число Ии., давших соответствующую реакцию (то есть подчеркнувших в анкетах соответствующие слова и фрагменты текста).

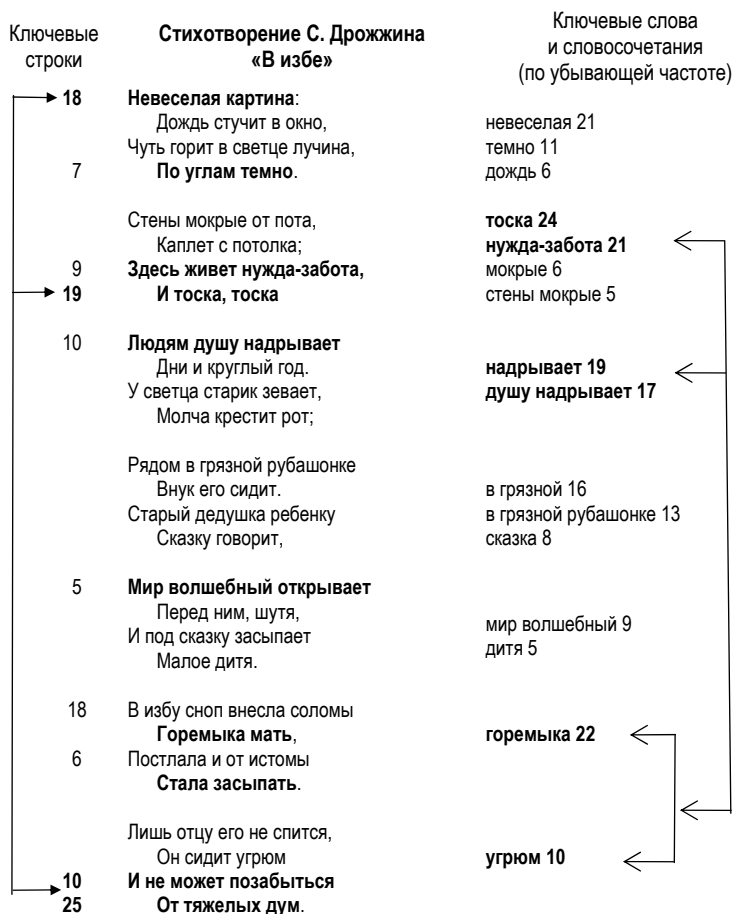

Рис. 4

Уже простое соположение, последовательное чтение стихотворений Дрожжина и Есенина о крестьянском быте ставит в тупик: так горька или полна своих тихих радостей была жизнь крестьянина в дореволюционной России? Есенину или Дрожжину верить? Освобожденный от коммунистических догм постсоветский взгляд на прошлое побуждает верить Есенину. Значит, мрачный пессимизм Дрожжина был лишь обманом его поэтической интуиции? Маловероятно. Но тогда в чем разгадка драматической обреченности интонаций дрожжинского стихотворения? Один из вариантов ответа в следующем.

Ключевые строки (фразы)	Стихотворение С. Есенина «В хате»	Ключевые слова и словосочетания, в том числе в составе ключевых фраз (по убывающей частоте)
8	Пахнет рыхлыми дrochenами; У порога в дежке квас, Над печурками точеными Тараканы лезут в паз.	квас 18 дрочены 14 пахнет 13 тараканы 12 в дежке квас 10
11	Вьется сажа над заслонкою, В печке нитки попелиц, А на лавке за солонкою – Шелуха сырых яиц.	
8	Мать с ухватами не сладится, Нагибается низку, Старый кот к махотке крадется	парное молоко 13 мать 12 старый кот 8 крадется 5
8	На парное молоко.	
10	Квохчут куры беспокойные Над оглоблями сохи, На дворе обедню стройную Запевают петухи.	куры 15 петухи 13 квохчут куры 12 обедня стройная 10
5	А в окне на сени скатые, От пугливой шумоты, Из углов щенки кудлатые Заползают в хомуты.	щенки 15 щенки кудлатые 13

Рис. 5

«Русская литература, – писал Н.А. Бердяев, осмысляя в 30-е годы прошлого века истоки наших исторических катастроф, – самая пророческая в мире, она полна предчувствий и предсказаний, ей свойственна тревога о надвигающейся катастрофе. Многие русские писатели XIX века чувствовали, что Россия поставлена перед бездной и летит в безд-

ну» [Бердяев 1990: 63]. Явственнее всего это проявилось, например, у Лермонтова в «Предсказании» («Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет...») или у Достоевского в «Бесах» или снах Раскольникова на каторге. Но пророческо творчество и писателей меньшего масштаба, в том числе и Дрожжина.

Дрожжин мог видеть крестьянский быт глазами не своего современника, но грядущих поколений – тех, кто стал свидетелем искоренения крестьянства. И тогда трагизм его мироощущения становится и объясним, и понятен. Как понятен он и тем студентам, выступившим в роли информантов, которые с неподдельным интересом вчитывались в строки Дрожжина – кто знает, может быть, воспринимая их через призму сегодняшнего дня?

Обращение к данным, систематизированным в табл. 2 и 3, показывает: у Дрожжина доминантной является эмотивно-оценочная лексика (*тоска, горемыка, угрюм*); художественные детали, формирующие зримую картину – на периферии восприятия (*дождь, стены мокрые, в грязной рубашонке*). В восприятии стихов Есенина доминантной, напротив, оказывается именно художественная деталь (*в дежке квас, шелуха сырых яиц, ковокнут куры* и т.д.).

Это различие, впрочем, находит естественное объяснение в том, что у Есенина попросту нет эмоционально-оценочной лексики, явно отражающей состояние лирического героя или «персонажей» стихотворения, тогда как у Дрожжина она составляет лексический фундамент, ею откровенно и завершается текст: *невеселая картина → И не может позабыться / От тяжелых дум*.

Более глубокое различие связано с тем, что в стихотворении Есенина доминантной оказывается лексика, именующая живых существ (*мать, тараканы, старый кот, куры, петухи, щенки*), тогда как у Дрожжина Ии. выделили в качестве ключевой лишь одну лексему этого типа – *дитя*. *Старик, внук, дедушка, мать, отец* – все эти слова, отражающие практически полный состав крестьянской семьи, оказались вне основного поля восприятия.

Следует ли из этого, что стихотворение Дрожжина воспринимается как «внесубъектное»? Как такое, где доминантной оказывается некая внеличностная сила, полностью поглотившая, тучей закрывшая живую индивидуальность? Может быть, и так.

Данные о реакциях на стихотворения, посвященные музе крестьянского поэта и образу самого поэта, отражены в табл. 4 и 5.

Пожалуй, первое, что обращает внимание при размышлении над полученными данными, – своеобразие художественного времени. Все глаголы у Дрожжина – в форме прошедшего времени: *не умела, пропела, забывал, звучала* и т.д. Стихотворение Есенина строится иначе. Открывается оно обращением к музе – явно в настоящем. Это задает общий тон

восприятия времени: беседуем, оглядываемся назад, всматриваемся в завтра – здесь и сейчас. И временную доминанту всего стихотворения можно трактовать как идею цельности истории личности, как идею «единства всех времен» ее жизни.

Таблица 4

Ключевые строки	Стихотворение С. Дрожжина «Моя муза»	Ключевые слова и словосочетания (по убывающей частоте)
8 5 5	1 Моя муза родилась в крестьянской избе, Ни читать, ни писать не умела, Только сердце простое имела И, мой славный народ, о тебе Много искренних песен пропела.	искренний 16 муза 15 народ 10 песня 9 славный 8 мой 5 о тебе 5
	2 Моя муза родилась крестьянкой простой И простым меня песням учила, Из деревни родной часто в город большой За собою певца уводила.	крестьянка 17 песни 11 простые 9 муза 8
6 8 9	Когда пели мы с ней, то бедняк забывал Всё, что в сердце его наболело, Когда пашню пахал иль железо ковал, С этой песней работа кипела;	забывал 22 наболело 21 бедняк 20
8 10 16	По селам, деревням, по большим городам Она тихою грустью звучала И участие ко всем горемычным людям У счастливых людей вызывала.	вызывала 20 горемычный 12 грусть 10

Ключевые словосочетания в стихотворении С. Дрожжина «Моя муза»
(включая меньшие в составе больших)

Строфа 1	Строфа 2
моя муза 11 родилась в крестьянской избе 11 в крестьянской избе 17 ни читать, ни писать 6 сердце простое имела 8 сердце простое 14 мой славный народ 5 много искренних песен 7 искренних песен 14	моя муза 5 муза родилась крестьянкой 5 родилась крестьянкой простой 5 крестьянкой простой 14 меня песням учила 5 песням учила 6 мы с ней 8 бедняк забывал 19 что в сердце его наболело 19 работа кипела 18 грустью звучала 10 тихою грустью 11 горемычным людям 12

Второе, что отчетливо различает характер восприятия этих стихотворений Дрожжина и Есенина, – разное соотношение отдельного образа и целого текста, отдельных ключевых слов и целых фраз (словосочетаний, строк, стихов). Читая Дрожжина, Ии. воспринимают как ключевые по преимуществу целые выражения или словосочетания и сравнительно редко – отдельные слова. Читая Есенина, Ии. в равной мере нацелены и на одно, и на другое.

Пожалуй, можно утверждать, что у Дрожжина «доминантен» текст как целое; отдельные слова и образы подчинены целому, растворяются в нем. У Есенина «доминантен» отдельный образ, текст как смысловое целое оказывается вторичным; складываясь из отдельных образов, он может быть воспринят и понят разными читателями по-разному, тогда как текст Дрожжина просто «вызывает» к однозначности восприятия, к единственно возможной интерпретации, что и проявляется в склонности информантов к его восприятию как совокупности высказываний афористического характера.

Можно, сказать, что текст Есенина *полифоничен* – не столько в литературоведческом смысле полисубъектности, сколько в исходном музыкальном, то есть «многоголосен», «многообразен» – в отличие от *гомфонии* дрожжинского текста.

Тактика восприятия Дрожжина читателями – «от текста к слову», тактика восприятия Есенина – «от слова к тексту». Целое Дрожжина читателями последовательно «дискретизируется», в нем ищется полифонизм, его восприятие основывается на анализе; целое Есенина «конструируется», в нем ищется основная тема, его восприятие основывается на синтезе. Тем самым, дрожжинская муза вызывает **к пониманию**, есенинская – **к совместному творчеству**.

Третий существенный вывод связан с обликом музыки и характером ее взаимодействия с лирическим героем.

Муза Дрожжина – прежде всего крестьянка, лишь затем – вдохновительница (ключевые слова и словосочетания *крестьянка, в крестьянской избе, крестьянкой простой* воспринимаются Ии. в целом как более весомые, чем *муза, моя муза, песни, песням учила*). Ее взаимоотношения с поэтом предполагают обязательное присутствие «третьего» – *народа, горемычных людей*. Муза не столько с поэтом, сколько с ними, поэт для нее – своеобразный посредник в обращении к простым людям с их повседневными заботами и трудами.

Муза Есенина – прежде всего *друг*, поэт с ней – вдвоем и вместе, что акцентировано повторяющимся «объединяющим» местоимением *мы* (особенно: «Теперь *мы* стали зрелей...»). «Третий» – рождающийся в поэтическом общении *праздник*, который именно она, муза, *вливает* в душу. Основная черта музыки – *щедрость*, в душе поэта – благодарность, в воспоминаниях – *мед* и праздничный *звон*.

Таблица 5

Ключевые строки	Стихотворение С. Есенина «О муза, друг мой гибкий...»	Ключевые слова и словосочетания (по убывающей частоте)
9 6	О муза, друг мой гибкий, Ревнивица моя. Опять под дождик сыпкий Мы вышли на поля.	друг 21 муза 15 мы 6 ←
	Опять весенним гулом Приветствует нас дол, Младенцем завернула Заря луну в подол.	
5 14 18	Теперь бы песню ветра И нежное баю – За то, что ты окрепла, За то, что праздник светлый Влила ты в грудь мою.	праздник 28 ← праздник светлый 25 влила 23 окрепла 12 песня ветра 5
	Теперь бы брызнуть в небо Вишневым соком стих За отческую щедрость Наставников твоих.	щедрость 9 брызнуть 5 вишневым 5 отческая щедрость 5 стих 5 мед 15
14 13	О, мед воспоминаний! О, звон далеких лип! Звездой нам пел в тумане Разумниковский лик.	звон 14 ←
	Тогда в веселом шуме Игривых дум и сил Апостол нежный Ключев Нас на руках носил.	в веселом шуме 5 на руках носил 5
6 5 8	Теперь мы стали зреей И весом тяжелей... Но не заглушит трелью Тот праздник соловей.	зреей 13 праздник 13 ← соловей 11 мы 10 ←
6 8	И этот дождик шалый Его не смое в нас, Чтоб звон твоей лампы Под ветром не погас.	лампада 14 звон 12 ← звон твоей лампы 11 не смое 6

Субъективное шкалирование

Как известно, метод субъективного шкалирования в психолингвистике основывается на том, что Ии. предлагается оценить нечто (понятие, выражение, образ, целый текст и т.д.) по принципу «точка на шкале, наиболее точно соответствующая существу впечатления». В разных случаях используются разные шкалы: «хороший / плохой», «красивый / некрасивый», «радость / грусть» и т.п.; точки между полюсами шкалы обычно делятся на три зоны: 1) оценки -3, -2, -1 соответствуют впечатлениям 'чрезвычайно плохой, некрасивый, грустный и т.п.', 'очень плохой...' и 'довольной плохой...'; 2) оценка «0» отражает «нейтральное» впечатление: 'ни тот, ни другой' или 'и тот, и другой'; 3) оценки +3, +2, +1 соответствуют впечатлениям 'довольно хороший, красивый, радостный и т.п.', 'очень хороший...' и 'чрезвычайно хороший...'.

Практика использования этого исследовательского метода показывает, что, хотя каждый из Ии. дает субъективную оценку собственного личного впечатления, обобщение данных о впечатлениях разных Ии. обычно позволяет получить достаточно отчетливое представление о существе типичной реакции на предъявленный в эксперименте материал (в нашем случае, о существе впечатления от художественного текста).

По стихотворениям, отражающим крестьянский быт, были использованы следующие оценочные шкалы:

	Как бы вы оценили крестьянский быт?							
нужда	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	достаток
	Какова судьба обитателей дома?							
несчастливая	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	счастливая
	Как бы вы оценили моральную атмосферу?							
тяжелая	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	легкая
	Какие чувства вызывают у вас обитатели дома?							
грусть	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	радость

Первые две шкалы связаны с оценкой «качества жизни» и «качества судьбы» обитателей дома («нужда / достаток» и «несчастливая / счастливая»), вторые две – с оценкой моральной атмосферы крестьянского дома и общего эмоционального впечатления, которое вызывают жизнь и быт его обитателей («тяжелая / легкая» и «грусть / радость»).

Усредненные оценки Ии. представлены в табл. 6; существо их интерпретации (на основе понятий, образующих полюса шкал) сводится к следующему.

Таблица 6

**Усредненные оценки стихотворений, отражающих
крестьянский быт**

Тексты	«Качество жизни»		«Качество судьбы»	
	нужда / достаток	несчастливая/ счастливая	тяжелая / легкая	грусть / радость
Д ₁ («В избе»)	–2,6	–2,1	–1,7	–2,4
С ₁ («В хате»)	+ 1,2	+ 0,9	+ 1,2	+1,3

Оценки по каждому из предложенных параметров оказались существенно отличными от нуля («нуль» здесь – ‘ни то, ни другое’ или ‘и то, и другое’), причем оценки крестьянской жизни и быта «по Дрожжину» и «по Есенину» разместились на противоположных частях шкал.

Иными словами, крестьянский быт в восприятии Дрожжина трактуется информантами как связанный с чрезвычайной бедностью, судьба крестьян – как очень несчастливая, моральная атмосфера в доме – как очень тяжелая. Напротив, по оценкам информантов, крестьянский быт в восприятии Есенина связан с вполне приличным достатком, судьба крестьян – счастливая, моральная атмосфера в доме – легкая.

Едва ли жизнь крестьян Тверской и Рязанской губерний во времена Дрожжина и Есенина сколько-нибудь существенно различалась. А если так, то либо ранний Есенин смотрел на мир сквозь розовые очки, либо Дрожжин сквозь серые, либо то и другое.

Причины «серого» и «розового» взглядов поэтов на мир могут крыться в их взаимоотношениях с Музой.

Оценочные шкалы по стихотворениям, посвященным музе крестьянского поэта и образу самого поэта:

Какой вы видите Музу?							
грустной	–3	–2	–1	0	+1	+2	+3
←							→
Каков, на ваш взгляд, поэт?							
пессимист	–3	–2	–1	0	+1	+2	+3
←							→
Способна ли Муза помогать людям?							
неспособна	–3	–2	–1	0	+1	+2	+3
←							→
Способна ли Муза помогать поэту?							
неспособна	–3	–2	–1	0	+1	+2	+3
←							→

Первые две шкалы связаны с эмоциональной оценкой внутреннего состояния музы поэта и самого лирического героя: грустна или радостна муза, пессимистически или оптимистически смотрит на жизнь лирический герой: вторые две – с прагматической оценкой «неспособности / способности» музы помогать поэту и всем людям.

Усредненные оценки Ии. представлены в табл. 7, их смысл сводится к следующему.

Таблица 7

**Усредненные оценки стихотворений, посвященных
музе крестьянского поэта**

Тексты	Эмоциональная оценка		Прагматическая оценка	
	муза: грустная / радостная	поэт: пессимист / оптимист	способность помогать людям	способность помогать поэту
Д ₂ («Моя муза»)	+0,1	+1,2	+2,3	+2,3
С ₂ («О муза...»)	+1,2	+1,8	+1,2	+2,2

Как видим, оценки по всем параметрам принадлежат правой, позитивной части шкалы. Однако есть и существенные различия. Если лирический герой и Дрожжина, и Есенина смотрит на жизнь вполне оптимистически, то муза Дрожжина оказывается как бы «вне эмоций» (оценка +0,1): она и не грустна, и не полна радости, – она деловита. Как крестьянка, идущая на утреннюю дойку.

Эта «деловитость» дрожжинской музы хорошо коррелирует с ее высокой способностью помогать людям (оценка +2,3). Наверное, удивляться не стоит: именно в сострадании и помощи простым людям и видел Дрожжин назначение поэзии.

Думается, не будет преувеличением сказать, что художественное сознание Дрожжина связано с преодолением трагедийности бытия через творчество, а художественное сознание раннего Есенина – с отображением в творчестве радости жизни.

Может быть, именно с этой особенностью восприятия творчества двух поэтов и связано то, что Есенина помнят и «поют», а Дрожжин, к сожалению, широкой читательской аудиторией полузабыт. Читатели (во всяком случае, молодые, как участвовавшие в эксперименты информанты – современные студенты) ждут от поэта умения радоваться, а не тосковать, верить в свою и общую счастливую судьбу и с благодарностью встречать каждый новый день.

**Опыт гендерного психолингвистического исследования.
А. Пушкин и И. Снегова (диалог поэтов в зеркале
психолингвистического эксперимента)**

В последние годы становится все яснее, что единственно «правильного» понимания художественного произведения не существует, как нет и «единственно правильного» решения идеологических вопросов. Но подобно тому как в области идеологии освобождение массового сознания от плена только одного возможного мировоззрения привело к представлению, что «правы все», так и в толковании художественного текста стало распространенным мнение, что «всяк понимает текст по-своему и имеет на это полное право как на относительную истину». Действительно, право имеет. Неотъемлемое. Однако в понимании одного и того же текста «каждым по-своему» есть определенные закономерности, связанные как с различиями, так и со сходствами.

В чем источники различий? В частном случае различия связаны с полом автора текста и его читателей, – с теми факторами, которые в последние годы оказываются объектом *гендерных исследований* (см., например, материалы обширного сайта «Гендерные исследования», режим доступа: <<http://www.genderstudies.info/text.php>>).

В чем «одинаковость»? В ответе на этот вопрос – один из путей поиска объективного смысла художественного текста, в том числе и средствами психолингвистического эксперимента.

Выполняя экспериментальное исследование закономерностей читательского восприятия произведений того или иного автора, мы получаем сведения двоякого рода – о самом произведении и о читателе. Один из наиболее удобных объектов психолингвистического исследования – любовная лирика. Любовь – и вечная тема поэзии, и одна из самых важных частей жизни любого из нас. В любви каждый (во всяком случае, так ему думается) кое-что смыслит.

Поэтому, рассматривая закономерности читательского восприятия любовной лирики, мы узнаем нечто не столько о том, как относятся читатели к поэту, сколько о том, как они относятся к существу мотивов его лирики. Созвучны ли движения души Пушкина движениям души его читателей – наших современников? В чем движения наших душ созвучны Пушкину, в чем – отличны?

Общий ответ ясен заранее: в чем-то созвучны, в чем-то – нет. Поскольку весьма странно прозвучали бы адресованные информантам прямые вопросы типа «Что вы думаете о любви “по-пушкински”? Что принимаете в ней, что отвергаете?» – мы предложили информантам простыми способами «извлечь смысл», с одной стороны, из трех стихотворений Пушкина, написанных в 20-е годы прошлого столетия, с другой – из трех стихотворений И. Снеговой (1922–1975), написанных в 50–60-е

годы XX века. Каждое из стихотворений Снеговой находится с тем или иным пушкинским текстом в «диалогических отношениях». Три пары стихотворений образуют три условных диалога, каждый из которых отражает определенный этап любовных отношений мужчины и женщины. Выделение именно этих, а не каких-либо других этапов, равно как и выбор «диалогических» текстов, достаточно произвольны и обусловлены по преимуществу интуицией и вкусами экспериментатора.

Первый этап – «рождение любви» (тексты 1 и 2). Пушкинский – отрывок из «Евгения Онегина» (1824–1826):

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.

Стихотворение Снеговой (1964) откровенно полемично. Оно предваряется эпиграфом «Чем меньше женщину мы любим...», развивается как цепь энергичных афоризмов:

Опровергаю. Любим за любовь.
В ней пагуба. В любви. А не в притворстве.
Любовь идет к любви. На трубный зов.
Любовь разит любовь. В единоборстве.
А равнодушье – что игра его! —
Для девочек опасно, не для женщин...
Сквозь бедность равнодушья твоего
Косит любовь зрачком своим зловещим.

Второй этап – «конец любви» (тексты 3 и 4): пушкинское «Я вас любил...» (1829) и «Жив-здоров» (1959):

Жив-здоров. Не глядишь на другую.
Вот и все. Остальное стерплю...
Не грустишь? Но и я не тоскую.
Разлюбил? Но и я не люблю.

Просто мне, чтоб по белому свету
Подыматься дорогой крутой,
Нужно верить, что дышишь ты где-то,
Жив-здоров... И не любишь другой.

Третий этап – «воспоминание о любви» (тексты 5 и 6): пушкинское «На холмах Грузии...» (1829) и Снеговой «С глаз долой...» (1965):

С глаз долой –
Из сердца – вон!

Злой,
Но правильный
Закон.
А когда б не он, не он,
Уж давно бы
Сердце – вон!

Понятие, лежащее в фундаменте исследования, – семантическая доминанта (базовый элемент внутреннего смысла), цель – установить, в чем состоит своеобразие в выделении и восприятии читателями семантических доминант стихотворений Пушкина и Снеговой. Используются два метода – выделение читателями ключевых слов или словосочетаний (путем простого подчеркивания «того, что представляется главным») и метод семантического дифференциала (субъективного шкалирования). В качестве информантов (Ии.) выступили студенты разных курсов филологического факультета (50 человек).

Каждому информанту была предложена анкета, содержащая объединенные попарно тексты стихотворений Пушкина и Снеговой, и следующая инструкция:

1. Подчеркните в текстах всех стихотворений слова, которые вам представляются наиболее важными (так называемые «ключевые слова»).
2. Оцените свои впечатления от каждого из стихотворений по шести приводимым ниже шкалам (в каждой шкале обведите в кружок цифру, которая наиболее точно отражает существо впечатления).

Исследование методом ключевых слов

Использование метода ключевых слов (точнее было бы говорить о ключевых языковых единицах – словах, словосочетаниях или даже целых небольших предложениях) как исследовательского инструмента находит обоснование в следующих соображениях.

Основные свойства текста – цельность и связность. Несколько упрощая, можно сказать, что цельность соотносится со «смысловой парадигматикой», связность – с синтагматикой, цельность отображается в наборе ключевых слов, связность – в композиции (в «сюжете», «плане») текста. Естественно, если выстроить ключевые слова «в линию», мы получим набор смысловых вех, отображающих логику развития текста в его связности; однако привычнее рассматривать набор ключевых слов как «вертикальный», как отображение цельности внутреннего смысла.

В литературоведении понятие *ключевое слово* соотносится с *лейт-мотив*, в информатике – с *индексирование*. И в том, и в другом случае набор ключевых слов текста определяет эксперт. Возможна ли «экспертная оценка» содержания лирики в психолингвистическом эксперименте, построенном на методе ключевых слов? Думается, не исключена. Если предъявить для индексирования текст некоторой группе Ии., то каждый

выделит свой набор ключевых слов – как результат смысловой компрессии текста. Упорядочение полученного сводного перечня по убывающей частоте позволяет выявить наиболее типичные реакции. Последующая интерпретация данных основывается на допущении, что наиболее частотные ключевые слова отражают наиболее значимые с точки зрения читателей семантические доминанты.

Рождение любви (тексты 1 и 2).

Наиболее частотные ключевые слова, выделенные Ии., представлены в таблице (цифра указывает количество Ии.). Легко заметить, что в обоих стихотворениях Ии. признают ключевыми как отдельные слова, так и целые высказывания (в частности, по причине афористичности исходного текста).

Ключевые слова в текстах 1 и 2 (цифра – количество Ии.)

А. Пушкин «Чем меньше женщину мы любим...»		И. Снегова «Опровергаю. Любим за любовь. »	
чем меньше женщину мы любим	17	любим за любовь	23
губим	15	любовь идет к любви	11
тем легче нравимся мы ей	13	любовь разит любовь	6
разврат	9	Сквозь бедность равнодушья твоего	
наслаждаясь не любя	6	Косит любовь зрачком своим зловещим	6
		равнодушье	6
		Для девочек опасно, не для женщин	4

Обобщая эти данные, мнение Ии. о смысле отрывка из «Евгения Онегина» можно охарактеризовать так: эгоистически-рациональная любовь – это не любовь вовсе, а холодный расчетливый разврат, губительный для души, а порой и для судьбы. Предполагаемая героиня воспринимается как жертва (ключевое слово *губим*), которая любит непритворно, но, в надежде на чувство, подобное своему собственному, оказывается обманутой и обреченной на «гибель».

Большинство Ии. солидарно со Снеговой в том, что любовь – чувство взаимное, что только в такой любви – «пагуба». Однако любовь – не только два полюса, устремленные друг к другу, но и борьба, ничего общего не имеющая с равнодушным обольщением. Героиня Снеговой, как истинная женщина, не верит в показное равнодушие; под ним, догадывается она, – жгучая страсть, из-за его спины «косит любовь зрачком своим зловещим».

Конец любви (тексты 3 и 4).

Пушкинское «Я вас любил...» – шедевр, внутренний смысл которого не вскрыть никакими прямыми вопросами, нацеленными на единственно возможный ответ. *Любил...* Прошедшее время. А сейчас? Наверное, и сейчас лирический герой любит. Отсюда и загадка последней

строки: «Как дай вам бог...» Скорее, это не столько воспоминание о любви, сколько признание. И желание уйти от любви, если она – без надежды на взаимность.

Ключевые слова в текстах 3 и 4

А. Пушкин «Я вас любил...»		И. Снегова «Жив-здоров. Не глядишь...»	
как дай вам бог любимой быть другим	19	и не любишь другой	30
я вас любил так искренно, так нежно	10	не грустишь / не тоскую	12
угасла не совсем	9	Разлюбил? Но и я не люблю	9
любовь	6	нужно верить, что дышишь ты где-то	9
не тревожит	5	не глядишь на другую	8
		стерплю	5
		мне	3

Слишком простое и глубокое чувство, чтобы говорить о нем в однозначно-ясных выражениях. И перечень выделенных Ии. ключевых слов – еще одно свидетельство, что текст Пушкина непереводим на язык обыденного понимания. В отличие от «переводимости» стихотворения Снеговой, где внутренняя позиция героини предельно ясна: «не глядишь на другую» – значит «стерплю», что разлюбил. Если ты «не грустишь» – и я «не тоскую» (у этих лексем даже и частота, пусть случайно, оказалась одинаковой).

В наиболее частотных ключевых выражениях: «как дай вам бог любимой быть другим» (19) и «и не любишь другой» (30) – отчетливо проявляются доминантные мотивы в диалоге поэтов, и эти мотивы совершенно недвусмысленно воспринимаются Ии. как в контексте диалога противопоставленные.

На чьей стороне информанты? На этот вопрос может ответить только второй этап эксперимента (исследование методом семантического дифференциала), о котором речь пойдет далее.

Воспоминание о любви (тексты 5 и 6).

Как и в случае с двумя предыдущими текстами, наиболее частотные ключевые слова связаны с отчетливым противопоставлением доминантных мотивов: неизбежности любви у Пушкина и стремления избавиться от нее, раз уж она не взаимна, – у Снеговой. Лирическое переживание пушкинского героя сосредоточено вокруг «нее», в сильной позиции – местоимение *ты*: «печаль моя полна *тобою*» (15), «*тобой*, одной *тобой*» (4), «не любить... не может» (25) – *тебя*, «сердце... горит и любит» (16) – *тебя*. Переживание героини Снеговой эгоцентрично, в сильной позиции – местоимение *я*, *мой*: «из сердца – вон» (22) – из *моего* сердца; «с глаз долой» (17) – с *моих* глаз; «*правильный* закон» (6, 21) – потому что *для меня* он удобен.

Ключевые слова в текстах 5 и 6

А. Пушкин «На холмах Грузии...»		И. Снегова «С глаз долой...»	
не любить... не может	25	из сердца – вон	22
сердце... горит и любит	16	закон	21
печаль моя полна тобою	15	с глаз долой	17
грустно и легко	12	злой	17
тобой, одной тобой	4	сердце – вон	16
		когда б не он	7
		правильный	6

«Векторы любви» совершенно разные. И было бы чрезвычайно интересно выяснить, «на чьей стороне» информанты?

В беседах после завершения анкетирования выявляются прямо противоположные мнения, причем большинство студентов склоняется ко второму, к позиции поэтессы Снеговой. чтобы жить дальше, чтобы складывалось будущее, от прошлого надо освободиться.

Слишком прямолинейно, но с точки зрения здравого смысла, казалось бы, верно. Проверка, соответствуют ли этим высказываниям глубинные особенности восприятия, была осуществлена в ходе интерпретации данных второго этапа исследования.

Субъективное шкалирование

Как известно, метод субъективного шкалирования (семантического дифференциала) основывается на использовании биполярных градуальных шкал, полюса которых задаются антонимичными понятиями типа «хороший» – «плохой», «красивый» – «некрасивый» и под. (подробнее см.: [Волков 1994]) Совокупность таких шкал формирует искусственное семантическое пространство как условный исследовательский конструктор, отображающий некоторые свойства языкового сознания, а наименования шкал используются как метаязык описания исследуемых языковых или речевых фактов.

Общее количество точек на шкале, по установившейся традиции, не должно превышать объема оперативной памяти человека, то есть «магической семерки» Дж. Миллера [Миллер 1964]. Содержание точек на шкале задается, а затем интерпретируется на основе введенных исследователем антонимичных понятий. Если используется несколько разных шкал для оценки одного и того же стимула (в нашем случае – текста), то предполагается, что оценки по отдельным шкалам коррелируют друг с другом.

Анкета с предложенными информантам оценочными шкалами выглядела так:

Как бы вы оценили героиню?								
некрасивая	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	красивая
Способна ли героиня любить?								
нежеланная	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	желанная
неспособна	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	способна
Оцените охарактеризованную поэтом ситуацию.								
нежелательно	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	желательно
Какие чувства вызывает эта ситуация?								
осуждаю	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	одобряю
грусть	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	радость

Первые три оценочные шкалы («красивая/некрасивая», «желанная/нежеланная», «способная/неспособная любить») связаны с характеристикой предполагаемой героини, следующие две («желательно/нежелательно», «одобряю/осуждаю») – с оценкой самой ситуации, последняя – с оценкой общего эмоционального фона стихотворения.

Задача Ии. состояла в том, чтобы каждому предъявляемому в эксперименте тексту сопоставить определенную точку шкалы. Полученные от разных информантов оценки усреднялись, а средняя величина интерпретировалась на основе понятий, образующих полюса шкалы:

Тексты	Героиня			Ситуация		Чувства
	красивая /не-красивая	желанная /не-желанная	способна /неспособна любить	желательно /не-желательно	одобряю /осуждаю	радость / грусть
П ₁	+ 1,6	+ 1,1	+ 1,6	– 1,1	– 1,4	– 1,4
С ₂	+ 1,4	+ 1,7	+ 2,2	+ 0,9	+ 1,0	+ 0,1
П ₃	+ 2,6	+ 2,4	+ 0,9	– 0,1	+ 0,6	– 1,2
С ₄	+ 0,9	+ 0,4	+ 1,9	– 0,5	+ 0,3	– 0,6
П ₅	+ 2,3	+ 2,6	+ 1,7	+ 1,5	+ 1,7	+ 0,1
С ₆	+ 0,8	+ 0,4	+ 1,8	– 0,3	+ 0,6	– 0,9

На фоне усредненных оценок рельефно выделяются данные отдельными Ии. оценки нетипичные, нестандартные. Так, если все оценки предполагаемой героини пушкинского отрывка «Чем меньше женщину мы любим...» принадлежат положительной части шкалы (первые три оценочных параметра), то оценки самой ситуации «любви как развлечения» охватывают все точки шкалы. На фоне большинства информантов, оценивающих эту ситуацию как «нежелательно», «осуждаю» или отно-

сящихся к ней нейтрально (оценка «0»), явно выделяются оценки +3 «безусловно желательно», «заслуживает всяческого одобрения». Эти Ии. явно руководствовались этическими представлениями, отличающимися от представлений большинства, а следовательно, результаты анкетирования могут иметь для них психодиагностическую ценность. Видимо, такие ответы даны теми Ии., которые искренне считают, что любовь – всего лишь холодно-рассудочная эгоистическая игра.

Сходную картину наблюдаем в оценках стихотворения И. Снеговой «Опровергаю. Любим за любовь» (ситуация «взаимной любви»). Большинство Ии. оценивает героиню как “желанную”, и на этом фоне явно выделяются немногочисленные негативные оценки (“нежеланная”). Любопытно, что не все Ии. положительно оценивают и саму ситуацию взаимной любви “по Снеговой”.

Неоднородность в оценках ситуаций, имплицитруемых лирическими текстами 1 и 2, говорит не столько о разном понимании самих текстов, сколько о разных убеждениях Ии., о различиях их внутреннего «я». Логично предположить, что за оценками, существенно отклоняющимися от усредненных, – Ии. либо с драматической личной судьбой, либо с нестандартными этическими представлениями. Не исключено, что само понятие «любовь» невятно для них, во взаимную любовь они не верят и поэтому склонны осуждать ситуацию, когда любящая душа готова полностью раскрыться перед возлюбленным (текст 2).

Ситуация «конца любви» (тексты 3 и 4) также оценивается по-разному. Все Ии. оценивают предполагаемую героиню пушкинского «Я вас любил...» (текст 3) как красивую и желанную, но в оценке самой ситуации «конца любви по-пушкински», то есть любви, живущей и после завершения отношений, усредненная оценка по параметру «одобряю/осуждаю» близка к нулю (+0,6), что можно интерпретировать как «никак не отношусь, не одобряю и не осуждаю». Возможно, у большинства Ии. данная ситуация не вызывает ни одобрения, ни осуждения потому, что Ии. не могут отождествить себя с лирическим героем, не в состоянии представить себя в таком внутреннем состоянии. В оценке ситуации по параметру «желательно/нежелательно» мнения разделились приблизительно поровну, что результировало в среднюю оценку –0,1. Можно считать, что для одних Ии. та ситуация «конца любви», когда мужчина продолжает любить чистой и бескорыстной любовью, – желательна, для других – нет. Наконец, если большинство Ии. оценивает эту пушкинскую ситуацию как грустную, то 20% связывают ее с чувством радости. Наверное, потому, что любовь не ушла совсем, в душе – живет.

Стихотворение Снеговой «Жив-здоров. Не глядишь на другую» (текст 4), находящееся в «диалогических отношениях» с пушкинским «Я вас любил...». Ии. оценивают героиню по параметру «желанная/нежеланная» прямо противоположным образом (близкий к нулю

результат +0,4). Вероятно, одна половина Ии. считает, что женщина желанна всегда – даже оставленная и забытая, другая – что героиня вряд ли желанна, так как от желанной – не уходят.

Поддавающее большее большинство Ии. уверена, что героиня этого стихотворения способна любить, однако четверо придерживаются иной точки зрения, к чему их подталкивает, вероятно, эгоистичность чувства героини, отсутствие в нем жертвенности (ср. заключительную демонстративно «антипушкинскую» фразу: «И не любишь другой»).

Ситуация «воспоминания о любви» (тексты 5 и 6). Героиня пушкинского «На холмах Грузии...» однозначно воспринимается как желанная, красивая, способная любить, но оценки самой ситуации неоднозначны: хотя 82% Ии. оценивают ситуацию, когда ушедшая любовь на деле не ушла, как весьма или даже крайне желательную, для 18% Ии. эта ситуация нежелательна или крайне нежелательна. 74% Ии. одобряют сложившуюся ситуацию, а 8% – осуждают. Эмотивные реакции по шкале «радость/грусть» распределились практически поровну (50/46%), что вполне соответствует пушкинскому «печаль моя светла», – с акцентировкой в восприятии либо первого («печаль»), либо второго («светла»).

Героиня стихотворения Снеговой (текст 6) с ее принципом «С глаз долой – из сердца вон» оценивается как желанная, красивая и способная любить не столь единодушно, как героиня пушкинского стихотворения. Видимо, светлая пушкинская благодарность за любовь – пусть ушедшую – куда предпочтительнее забвения, пусть и забвение это «ко спасению»: «А когда б не он, не он, уж давно бы сердце – вон». Оценки ситуации «воспоминания о любви», как она осмыслена у Снеговой («желательно/нежелательно», «одобряю/осуждаю»), отличаются исключительным разнообразием, что позволяют утверждать: желание героини навсегда вычеркнуть прошлое из памяти – для Ии. весьма сомнительно.

На заключительном этапе обработки и интерпретации полученных результатов шесть оценочных параметров были объединены попарно, что позволило получить три плоскости «пространства восприятия» исследуемых текстов:

- 1) эстетическая («красивая/некрасивая») и общепрагматическая («желанная/нежеланная») оценка героинь Пушкина и Снеговой;
- 2) эмотивная оценка героинь и ситуаций («радость/грусть») в корреляции с оценкой способности / неспособности героинь любить;
- 3) этическая («одобряю/осуждаю») и индивидуально-прагматическая («желательно/нежелательно») оценка ситуаций.

Каждое из этих семантических подпространств может быть отображено графически. Например, наложение параметров эстетической и общепрагматической оценки героинь Пушкина и Снеговой дает следующую картину (рис. 4, обозначения P_1 , P_3 , P_5 и C_2 , C_4 , C_6 соотносятся с соответствующими текстами Пушкина и Снеговой).

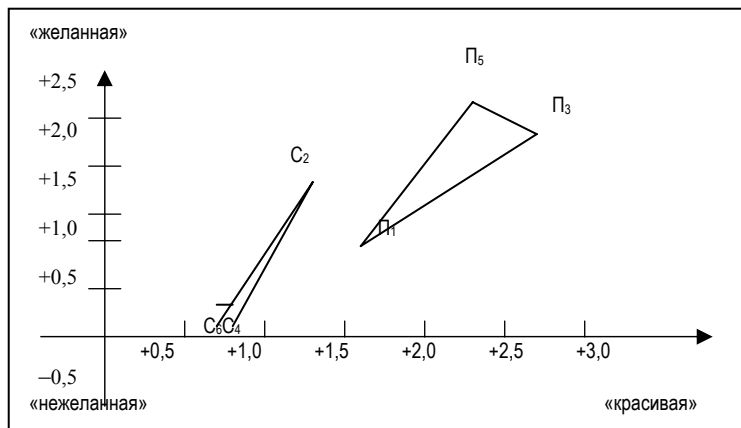

Рис. 4. Оценка героинь стихотворений Пушкина и Снеговой

Сопоставление ключевых слов, выделенных Ии. в стихотворениях Пушкина и Снеговой, позволяет обобщенно охарактеризовать своеобразие видения ими внутреннего смысла этих стихотворений; сопоставление данных эксперимента по субъективному шкалированию позволяет ответить на вопрос, «на чьей стороне» информанты, чья позиция им ближе – Пушкина или Снеговой.

Вопросы и задания

1. В чем специфика материала, предмета и методов психолингвистического исследования?
2. Выполните представленные в данной главе задания для психолингвистических экспериментов. Сопоставьте свои результаты с представленными в главе, постройте развернутую интерпретацию наличных материалов.

Литература

- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. – 224 с.
- Волков В.В. Введение в психолингвистику: Пособие по спецкурсу. Ужгород: Ужгородский госун-т, 1994. – 202 с.
- Волков В.В. Пушкин и Снегова (диалог поэтов в зеркале психолингвистического эксперимента) // Проблемы современной филологии: Межвузовский сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Р.Д. Кузнецовой. Тверь, 1999. – С. 39–49.

Волков В.В. С. Дрожжин и С. Есенин: диалог поэтов в зеркале психолингвистического эксперимента // Творчество С.Д. Дрожжина в контексте русской литературы XX века. Тверь, 1999. – С. 46–57.

Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. – 367 с.

Горянина В.А. Психология общения: Учебное пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2002. – 416 с.

Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. – С. 26–38.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. – 157 с.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: УРСС, 2010. – 328 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 264 с.

Кацнельсон С.Д. Главы из незавершенной монографии «Развитие речевого мышления» // Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 23–238.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. – 216 с.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969а. – 216 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969б. – 308 с.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 253 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. И.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 183 с.

Миллер Дж. А. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. М.: Прогресс, 1964. – 192–225.

Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1974. – 368 с.

Рубинштейн С.Л. К вопросу о языке, речи и мышлении // Вопросы языкознания. 1957. № 2. – С. 42–48.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. – 128 с.

Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный. М.: Наука, 1991. – 240 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. – 428 с.

Юнг К.Г. Нераскрытая самость (настоящее и будущее) // Юнг К.Г. Избранное. Мн.: ООО «Попурри», 1998. – С. 65–139.

Глава 3 ИЗ ЧЕГО СКЛАДЫВАЕТСЯ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ?

Гуманный и гуманитарный: этимологические корни и морфосемантические гнезда

Один из способов осмыслить содержание какого-либо термина – установить его морфемно-словообразовательные связи в составе морфосемантического и словообразовательного гнезда⁸, всмотреться в семантические этимоны.

В Словообразовательном словаре русского языка гнездо с заголовочным прил. *гуманный* включает производные *гуманно*, *гуманность*, *антигуманность*, *гуманизм*, *гуманист*, *гуманистка*, *гуманистический*, *дегуманизация*, *высокогуманный* [Тихонов 1985: 1, 264]. Прил. *гуманитарный* – в перечне одиночных, как синхронно непроемное и не выступающее в качестве мотивирующего [там же: 2, 874]. Это количественное различие соотносится с тем, что исторически первично *гуманный* (в русском языке – с 40-х гг. XIX в. [ИЭС 1, 226–227]), *гуманитарный* – более позднее образование.

Непосредственный источник прил. *гуманный* – фр. *humain* ‘человеческий, людской > человеческий, человеколюбивый, гуманный’, восходящее к лат. *humanus* ‘человеческий, свойственный человеку > человеческий, человеколюбивый > дружелюбный, снисходительный’ < *homo* ‘человек; мужчина > умный (благоразумный, рассудительный), честный, порядочный человек’.

Непосредственный источник прил. *гуманитарный* – фр. *humanitaire* ‘гуманитарный; человеколюбивый, гуманный’, восходящее к лат. *humanitas* ‘человеческая природа, человеческое достоинство; образованность, духовная культура > утонченный вкус, тонкость обращения, изящество манер, изысканность речи, учтивость, воспитанность’, образованному от *humanus* (< *homo*⁹) – точке, в которой исторические корни прил. *гуманный* и *гуманитарный* сходятся.

Как видим, этимологическое различие между этими прилагательными – в наличии у *гуманитарный* промежуточной ступени – лат. сущ. *humanitas* (< *humanus* < *homo*). Отсюда специфический компонент в значении прил. *гуманитарный*: «связанный со знаниями о человеке» (о человеческой природе, духовной культуре и т.д. – в соответствии с содержанием латинского этимона).

⁸ Морфосемантическое гнездо – совокупность однокоренных и/или одноструктурных слов с однородной семантикой, которая, в отличие от словообразовательного гнезда, не упорядочена по отношениям производности.

⁹ Также и от *humus* ‘земля; почва, глина’ [ИЭС 1, 227], что соотносится с апокрифическим преданием о создании человека из глины, из «праха земного».

В рамках советской идеологии, исходившей из тезиса об общественной (а не божественной) природе человека, *гуманитарные науки* (заметим: не «антропологические» науки, не «человекознание») трактовались не как науки о человеке (в соответствии с этимологией *homo* ‘человек; мужчина’), но как *общественные*, то есть как науки об *обществе*, ср. «Гуманитарные науки – общественные науки (история, политическая экономия, филология и др.) в отличие от естественных и технических наук» [Большой энциклопедический словарь 1991: 1, 350].

Эта трактовка встречается и в современных словарях общеупотребительной лексики – в качестве первого, исходного значения прил. *гуманитарный*, например: «Относящийся к наукам, изучающим историю и культуру человеческого общества» [НБТС 234], – хотя *человек* последовательно перемещается в толкованиях на первую позицию, в центр интереса, ср.: «Гуманитарный... Связанный с науками, изучающими экономическую, социальную, духовную жизнь человека и общества...» [ТСРЯ 186] (сначала в толковании все-таки *человек* и лишь затем – *общество*); «Гуманитарный... Обращенный к человеческой личности, к правам и интересам человека» [ТСРЯП 176] (первое, исходное словарное значение).

В морфосемантическое гнездо прил. *гуманный* на рубеже XX–XXI веков вошли новые образования, фиксирующие рост интереса современной культуры и цивилизации к «феномену человека» и к человеческой сущности [Тейяр де Шарден 1987], направленность экономических, социально-политических и иных изменений на интересы именно отдельно-го человека, а не крупных социальных объединений (групп, страт, классов, партий и т.п.). Это *гуманизировать* ‘внести / вносить гуманность, гуманизм’ и производные от него *гуманизироваться* и *гуманизация* («распространение и утверждение гуманистических принципов в какой-л. сфере общественной жизни» [НБТС 234]; «распространение в общественной, политической, международной и т.п. жизни взглядов, идей, проникнутых гуманизмом» [ТСРЯ 185–186]), фиксирующие «антропологический поворот» в общественном сознании и социальной практике: от интересов государства и социума – к отдельному человеку. Ср.: *гуманизация международных отношений / общественных институтов / обучения в высшей школе / следственных органов / армейской жизни*. «В каких формах и какими способами могут быть осуществлены гуманизация и демократизация глобализма, с тем, чтобы возможности, вытекающие из планетарного обмена и кооперации, служили всему человечеству, а не меньшинству пресыщенных?» Москва, 2000, № 9. [Адвокат Е. Семеняко:] *Понятно, что тюрьма не может быть обустроена лучше, чем в целом жизнь в стране, в противном случае профанируется сама идея наказания. Проблема гуманизации права может решаться только по мере улучшения качества жизни законопослушных граждан*. Итоги, 2003, № 14» [ТСРЯН 270].

С ростом интереса к мистической и паранаучной проблематике, к «альтернативной истории» и инопланетным цивилизациям активизировалось *гуманоид* («В уфологии. Человекоподобное существо, обитающее на Земле или других планетах» [ТСРЯ 187]), зафиксировано прил. *гуманоидный* (*гуманоидная цивилизация*) [там же].

Морфосемантическое гнездо прил. *гуманитарный* тоже обогатилось. Это сущ. *гуманитаризация* («ориентация каких-л. видов человеческой деятельности (образования, творчества и т.п.) на достижения гуманитарных наук (напр., гуманитаризация школьного обучения)» [Булыко 2008: 176]), разг. *гуманитарка* ‘гуманитарная помощь’; наряду с *гуманитарий* появилось разг. усечение *гуманитар* («Тот, кто профессионально занимается гуманитарными науками; гуманитарий. □ В слож. Интеллигент-гуманитар. Профессор-гуманитар» [ТСРЯ 186]).

Гуманитаризацию связывают прежде всего с изменениями в сфере образования, понимая под ней, с одной стороны, ориентацию педагогической деятельности на самооценность личности, на ее внутренние ресурсы, что выражается в ряде производных на *само-*: *самообучение*, *самовоспитание*, *самообразование*, *саморазвитие*, *самоидентификация*, *самореализация* и т.п.; с другой стороны, введение в школьные и вузовские учебные планы различных гуманитарных дисциплин, в том числе для «негуманитариев» (различные варианты курсов, связанных с психологией, русистикой, риторикой и коммуникативистикой, религиоведением и социологией и т.д.).

Заметим, что если первый аспект *гуманитаризации образования*, связанный с ее энциклопедическим определением как «системы мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и таким образом на формирование личностной зрелости обучаемых» [Зинченко 1993: 239], не вызывает серьезных возражений, то второй настораживает, поскольку связан с не всегда обоснованным экстенсивным расширением номенклатуры специальностей высшей школы и круга изучаемых дисциплин в школе общеобразовательной (к примеру, вводятся такие дисциплины, как мировая художественная культура, история религий, правоведение, краеведение, второй иностранный и древние языки и т.д.), зачастую в ущерб глубине освоения фундаментальных дисциплин, в том числе родного языка и литературы. Это последнее побуждает к размышлениям о наметившейся – под маской *гуманитаризации* – *дегуманитаризации* культуры, о том, что «отход от образного ряда русской классики лишает нас общенационального фундамента» [Хаззагеров 2002].

Гуманитаризация культуры ассоциируется с изменениями в мировоззрении (от грубого материализма био- и техноцентрической ориентации – к антропо- и теоцентрическим мировоззренческим системам), с изменением роли во властных структурах и в обществе гуманитарной

интеллигенции (в противоположность технократической ориентации предшествующих десятилетий), которая нередко трактуется как «экспертократия» с высоким интеллектуально-творческим потенциалом.

Гуманитаризация политики ассоциируется с возрастанием роли публичной политики и публичных политиков и гипертрофией личностного начала как его следствием, с субъективизацией властных решений, с возрастанием роли институтов гражданского общества, с «демократизацией» языка политики и политического дискурса, обусловленными сближением политического с другими сферами гуманитарного знания и практики.

Гуманитаризация лингвистических наук, активно начавшаяся в нашей стране с 1980-х годов, в период «перестройки», ассоциируется с исследованием «языковой личности» [Караулов 1987] и «человеческого фактора в языке» [Роль человеческого фактора в языке 1988; Серебренников 1988; Человеческий фактор в языке 1991], с активным развитием междисциплинарных областей языкознания – лингвокогнитологии и лингвокультурологии, психолингвистики и социоллингвистики, этнолингвистики, этнопсихолингвистики и др.

Гуманитаризация науки в целом также позитивный процесс, который очень ярко и точно охарактеризовал крупнейший русский философ второй половины XX века Г.С. Батищев (1932–1990): «Какие тенденции, присущие современной науке, ведут к тому, чтобы внутри нее стала чувствоваться необходимость выхода к глубинному общению? Конечно, это не тенденции к засилью репродуктивных, прикладнических и ситуативно-утилитарных функций, к отходу от фундаментальных исканий ради торжества исследований на заказ, в пределах извне ставимых задач, к превращению познавательной деятельности во все более частичную, лишенную стратегического смысла, нивелированную и стандартизированную, овещенную и комбинированную по подобию фабричного производства, все больше отдающуюся в объятия логики *хитрости*: редукции и подчинения высшего и сложного – низшему и простейшему, сиюминутным эффектам, и продающуюся за награды... Нет, напротив, это тенденции к выявлению наукой бывших “за ее спиной” культурно-исторических предпосылок и ее гуманитарного характера даже в самых негуманитарных, отвлеченных предметах, к превращению таких предпосылок в важные рабочие ориентиры исследований, к их гуманитаризации, к установлению необходимого содружества с художественностью и нравственностью, к экологизации, космизации и аксиологизации когнитивных процессов, предмета исканий и исследований, самого знания о предмете – настолько, что ценностные измерения уже входят в этот предмет и признаются как неотъемлемо ему присущие, наконец, к обретению такой аксиологической позиции, которая изначально уже не *субъект-объектная*, а *междусубъектная*: позиции онтологического “диалога” с природой, с действительностью вообще» [Батищев 1995].

Однако у *гуманитаризации науки* есть и обратная сторона, фиксируемая пока еще не прижившимся термином *гуманитаризм*¹⁰ – в оппозиции *сциентизму*. Оба эти термина несут негативные коннотации, поскольку отражают тенденции к абсолютизации роли либо естественно-научного (*сциентизм*), либо гуманитарного (*гуманитаризм*) знания, ср.: «**Сциентизм**... Философско-методологический принцип, признающий в качестве подлинных наук только естественные науки, математику и абсолютизирующий их роль в системе культуры, в изучении и объяснении всех сторон жизни общества» [НБТС 1297]. Эти негативные коннотации восходят к 60-м годам прошлого века, к наивно-комичным спорам «физиков и лириков» о том, «кто важнее» и «что важнее» – искусство или наука (см. об этом главу «Физики и лирики» в адресованной школьникам научно-популярной книге тех лет: [Китайгородский 1965]).

Небесполезно отметить также, что с позиций русской религиозной философии *гуманизм* и *гуманитаризм* неравнозначны понятиям «человечность» и тем более «богочеловечность», ср.: «Человечность не есть то, что называют гуманизмом или гуманитаризмом, она есть богочеловечность человека. Христологический догмат символически выражает истину о богочеловечности. Но он не распространил еще этой истины на всего человека, потому что он человек, т.е. потенциальный богочеловек» [Бердяев 1993: 312].

Существенно активизировалось сущ. *гуманитаристика* ‘совокупность гуманитарных знаний, гуманитарных наук’ – собирательное именование, находящееся в одном ряду с существительными *американистика*, *арменистика*, *африканистика*, *германистика*, *индианистика*, *русистика* и т.п., обозначающими совокупность знаний (наук) о том, что названо в мотивирующем (*Америка*, *Армения*, *Африка* и т.д.)¹¹, – с тем отличием, что в качестве мотивирующего *гуманитаристики* выступает не одно слово, а целое словосочетание, и производное выступает как семантическое стяжение: *гуманитарные науки (знание)* → *гуманитаристика* (аналогично *русистика* – «совокупность наук, изучающих русский язык, литературу и культуру» [НБТС 1134], а не просто «науки (знание) о русском»).

¹⁰ В XIX в. термин *гуманитаризм* использовался как синоним *гуманизма*, *коммунизма*, «антропотейзма» как обождествления человека и человечества; ныне эти значения сущ. *гуманитаризм* утрачены.

¹¹ В этих дериватах налицо расхождение формальной и семантической производности: в формальном отношении данные существительные непосредственно мотивированы именованиями лиц (типа *Германия* → *германист* → *германистика*), а в семантическом отношении опосредованно мотивированы существительными, находящимися на предшествующей ступени словообразовательной цепочки (*Германия* → *германистика*).

Что такое антропология?

Внутренняя форма термина *антропология* почти так же мало говорит о содержании этой научной дисциплины, как и внутренняя форма термина *филология* – о филологии, – в силу исключительного многообразия значений и смыслов, связанных с сущ. *человек* и его древнегреческим аналогом.

Этимон префиксоида *антропо-* в составе сущ. *антропология* – гр. *anthropos* ‘человек’; следовательно, буквальные кальки *антропологии* – *человековедение*, *человекознание*. Как термин, *антропология* функционирует в двух основных значениях, разграничивающих *витальное* и *сверх-витальное* (< лат. *vita* ‘жизнь’ и ‘образ жизни’):

- 1) в узком смысле – *биологическая* наука о происхождении и эволюции физической организации человека и его рас;
- 2) в широком смысле – *совокупность всех наук о человеке*.

В энциклопедических толкованиях: «**Антропология** (anthropology) – в широком смысле “изучение человечества”, но конкретно состоящее из: (а) *физической антропологии*; (б) *социальной антропологии* (в Англии) и *культурной антропологии* (в США). Круг интересов *физической антропологии* как таковой связан с происхождением и изменением гуманоидных видов и тяготеет к сферам эволюционной биологии, демографии и археологии. Социальная и культурная антропология исследует структуры и культуры, созданные *гомо сапиенс*» [Большой толковый социологический словарь 1999: 1, 35]; **Антропология**... 1. Наука о происхождении и эволюции человека, образовании человеческих рас и о нормальных вариациях физического строения человека, обозначаемая так же, как физическая антропология. 2. Наука, изучающая культуру первобытных, традиционных и современных обществ; то же, что этнография, этнология, культ. антропология. 3. Наука о человеке в многообразии форм его жизнедеятельности, включает в себя целый ряд дисциплин: А. доисторическую, А. культурную, А. лингвистическую, А. физическую и др.» [СЭС 19].

Три тома современной «Энциклопедии для детей», посвященных феномену человека, членят антропологическую проблематику следующим образом [Энциклопедия для детей 2001–2004]: 1) Происхождение и природа человека. Как работает тело. Искусство быть здоровым. 2) Архитектура души. Психология личности. Мир взаимоотношений. Психотерапия. 3) Духовный мир человека. В энциклопедическом словаре «Человек» иной перечень основных «измерений» человека: *космическое, биолого-медицинское, социальное, культурное, познавательно-психологическое, этическое, экзистенциальное, эссенциальное, темпоральное, футурологическое* [Волков, Поликарпов 1999].

Так из чего же складывается *антропология*? Видимо, найти концептуальное ядро этого понятия еще только предстоит.

Языковой знак: «семантическая трапеция» как отображение структуры «я»

Слово – главный элемент системы языка и одновременно – языкового сознания. Через слово характеризуется большая часть других языковых единиц, ср.: *морф (морфема)* – минимальная значимая часть *слова, словосочетание* – объединение двух или более *слов* на основе подчинительной связи и т.д. Поэтому, говоря о слове, мы говорим и о всей системе языка, об устройстве всего языкового сознания, и основные «измерения слова» соотносятся с основными функциями языка в целом – с обозначением конкретных предметов или процессов (реалий «внешнего мира»), с обозначением абстрактных понятий (реалий «мира внутреннего») и с выражением эмоциональных состояний и различных оценок.

Четыре измерения семантического пространства

В онтологическом фундаменте структуры слова – четыре относительно автономные стороны (аспекта, «измерения»).

1. **План выражения**, то есть фонетическая или графическая оболочка, обеспечивающая чувственную зримость («слышимость») слова, придающая ему статус вещи. Остальные компоненты в совокупности составляют план содержания.

2. **Денотат** (референт, экстенционал) – феномен или ряд феноменов «внешнего мира», объективной и/или виртуальной внеязыковой действительности (предметы, процессы, свойства и др.).

3. **Сигнификат** (языковое значение / речевой смысл, обыденное понятие) – феномен внутреннего мира; организованные совокупности (конstellляции, конфигурации) сигнификатов образуют когнитивную схему как эквивалент мысли.

4. **Коннотация** (ценностно-эмотивное значение/смысл, эмоционально-оценочная и стилистическая окраска) – отражение переживаний (эмоций, оценок), которые вызывает у человека его взаимодействие с миром, другими людьми, с самим собой.

Почему целесообразно говорить о четырех измерениях именно *семантического* пространства, если одно из «измерений» – «формальное», план выражения? Потому, что «форма формирует» – и не только в философском, но и в конкретно-лингвистическом смысле: не только дает фонетическую или графическую «оболочку», но и *структурирует* содержание, а вне структурированности никакая живая вещь, в том числе и слово, не существует.

Слово *изоморфно* по своему составу и структуре человеческому «я»; тайны слова – одновременно и тайны человеческого сознания.

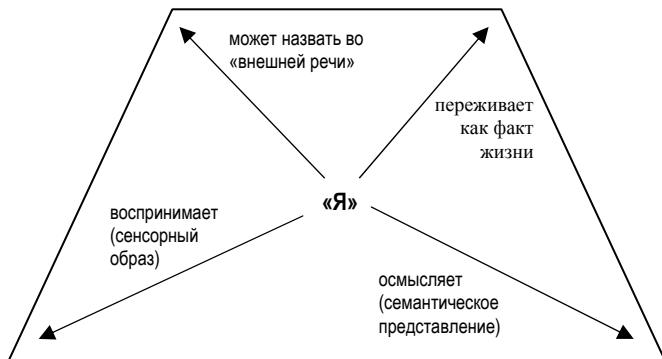
Семантическая структура слова и реальности языкового сознания

Рассмотрим, какие реальности языкового сознания соответствуют каждому из «измерений», аспектов «лингвистического слова» (см. [Волков 1994; 1997], рис. 5).

Предметно-чувственный (чувственно-предметный, сенсорный, «вещный») компонент значения слова обусловлен особенностями нашего восприятия и памяти, которая прежде всего – «память о вещах», о конкретных предметах или действиях, свойствах и ситуациях, «память чувств», чувственное представление (сенсорный образ, в педагогике – наглядное представление), возможность представить нечто в конкретике чувственности.

План выражения:
фонетическое или
графическое слово

Коннотации:
ценностно-эмоциональное
отношение

Денотат / референт:
феномен реального или
возможного мира

Сигнификат:
обыденное и/или научное
понятие

*Рис. 5. «Я» и словесный знак как «семантическая трапеция»:
лингвистический и психоллингвистический аспекты*

Важно подчеркнуть, что сфера чувственности, сенсорики (чувственно-практический опыт) складывается у человека очень рано, с момента рождения, и вовсе не является чем-то простым или тем более примитивным. Всякое восприятие носит направленный характер, а следовательно, основывается на обуславливающих его потребностях, установках, мотивах, которые составляют фундамент внутреннего мира человека. Чувственный опыт обрабатывается на основе таких перцептивных интуитивно-внятных категорий, как пространства, время, движение, цвет

и др., которые лишь в особых условиях (например, обучения) оказываются предметом рефлексивного осознания. Поэтому даже у взрослых слово чаще всего ассоциируется с «вещью» (с сенсорным образом), а процедуры понимания связываются с формированием каких-либо наглядных представлений; мы, чтобы разъяснить что-либо, обычно говорим: «Представь себе...» – и рисуем некую зримую «картинку».

Семантическое представление как компонент значения – это своеобразный «атом мысли» в ее отвлечении от чувственного мира, «сгусток смыслов» или «облако смыслов» – цельное, но размытое, диффузное образование, которому, в отличие от понятия, зачастую невозможно дать сколько-нибудь приемлемое строгое толкование. Семантическое представление невозможно интерпретировать путем перевода в условное наглядное представление. Попробуйте, к примеру, «наглядно изобразить», что такое *причина*, *вероятность*, *закономерность*, *Абсолют*, *сравнение* и т.д. Или хотя бы «абстрактно» объяснить. Скажем, у нас выстраивается такое «объяснение»: *причина* – «нечто такое, что обуславливает нечто другое». Что значит *обуславливает*? «То, из-за чего имеет место другое». Что значит *из-за (чего)*? И глагол *обуславливать*, и предложно-падежное сочетание *из-за чего-либо* выражают значение причины. Выражают, но не объясняют его. Мы понимаем, что такое причина, пользуемся этой мыслительной категорией, можем по-разному обозначать причинные отношения, но объяснить, что же именно мы понимаем под «причиной», в чем же существо причинных отношений, нам не удастся.

Семантическое представление существует не столько как осознаваемое, сколько как бессознательное – феномен, который на уровне осознаваемого неотделим от формальных оболочек слов, начинающих как бы «звучать» в нас при попытке разобраться в суеде смутных мыслей. Это же представление у художника может найти выражение в формах и красках, у музыканта – в ритме и звуке, у танцора – в мелодии движения. Семантическое представление принадлежит сознанию как целостности, и лишь потом – языковому сознанию и языку как языку слов.

Ценностно-эмотивный («коннотативный»)¹² компонент значения связан с эмоциями опосредованно – через ценностные (аксиологические) установки. Этот аспект языковой семантики связан с выражением либо ценностных представлений (например, «что важно и что не важно» в случае *главный – второстепенный*), либо мотивированных ими эмоциональных реакций – смутных «движений души», связанных с переживанием «вещного» или «мыслимого» как личностно значимого и личност-

¹² *Коннотация* – от лат. *con* ‘вместе с...’ + *notatio* ‘обозначение, записывание; замечание, порицание’ < *notare* ‘обозначать, исписывать; отличать, награждать; указывать, намекать’ < *nota* ‘знак’, букв. «сообозначение». Дополнительное содержание слова или высказывания, сопутствующие стилистические и/или экспрессивные эмоционально-оценочные оттенки.

но оцениваемого (скажем, одно нас *радует*, а другое – *заставляет грустить*). Этот компонент лексической семантики еще более «размыт», диффузен, чем семантическое представление.

С точки зрения психофизиологии речи, слово – это «паттерн-код», **совокупность возбуждений в разных участках нейронной сети**. Зоны возбуждения взаимосвязаны, что соотносится с взаимосвязью отдельных аспектов слова, принадлежащих разным измерениям вербального пространства. Совокупности однородных зон, принадлежащих разным словам, образуют относительно автономные измерения вербального пространства, что недвусмысленно подтверждается, например, данными о функциональной асимметрии мозга или данными патологии речи.

Поясним это на примере взаимосвязи сенсорных образов и семантических представлений.

В языковом сознании разных носителей языка одно и то же слово связано с разными семантическими представлениями (естественно, при наличии существенной «общей части») и еще более разными сенсорными образами («чувственно-предметными картинками», или, иначе, «деготатными представлениями»). «Слово *уголь*, – отмечал А.Р. Лурия, – которым хозяйка обозначает вещество, нужное для того, чтобы разогреть жаровню, а угольщик – вещество, которое он изготавливает, относится химиком к целой большой категории веществ, имеющих радикал С. Слово *лавка* (или *магазин*) вызывает у маленького ребенка переживание чего-то вкусного (сахар, конфеты, булочки, которые там покупают), для младшего школьника – образ конкретного магазина, а для экономиста – это одно из звеньев общественной организации товарообмена» [Лурия 1975: 101]. Одно и то же слово у одних людей соотносится по преимуществу с сенсорными образами, у других – с семантическими представлениями или даже с достаточно строгим научным понятием (ср.: *товар* для домохозяйки и для экономиста), а у третьих лишь вызывает какую-то эмоциональную реакцию, внутреннее душевное движение, ни с чем конкретно-зримым или мыслимым почти не связанное (скажем, для ребенка – «вкусно» или «красиво»).

Тем не менее, «вещность» или «мыслимость» значения конкретного слова достаточно хорошо сознается говорящими (вспомним, например, что абстрактные существительные в русском языке, в отличие от конкретных, употребляются только в форме единственного числа, как *смелость* или *отчаяние*), но не всегда сознаются переходы от одного к другому, от исходного, базового смысла слова (скажем, от смысла «вещного»), – к разнообразным ассоциативным значениям как конкретного, так и абстрактного характера.

О любопытном эксперименте по установлению «вещных» ассоциаций у абстрактных существительных рассказал В.А. Успенский. Предположим, пишет он, что нам известна сочетаемость слова, но неизвестно

его значение. Какие бы выводы мы сделали, анализируя сочетаемость? Попытка сформулировать «вещные представления» для слов *радость* и *горе* привело его к следующему.

«Горе – это тяжелая жидкость. В самом деле, это жидкость, поскольку горе можно пить: ср. *испить горя, хлебнуть горя*. Она тяжелая, поскольку *обрушивается* на человека, *давит* на него; человек *подавлен, придавлен* горем и, наконец, не вынеся этой тяжести, может быть *убит* горем. Возможно, горе – как жидкость – заполняет некоторый бассейн, на дне которого находится человек: ведь чем горе *больше*, тем оно *глубже*, тем *тяжелее* и с тем большей силой давит на человека. Человек пребывает *погруженным* в горе, так что горе находится вне человека, окружая его.

Напротив, радость – внутри человека. Это легкая светлая жидкость. Иногда она *тихо разливается* в человеке, а иногда *бурлит, играет, искрится, переполняет* человека, *переплескивается* через край. По-видимому, она легче воздуха: человек от радости испытывает легкость, идет, не чуя земли под ногами, парит и, наконец, улетает на седьмое небо». Таким образом, заключает исследователь, «отвлеченное существовательное может иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет..., и потому в мысленном эксперименте может быть воспринято как конкретное существительное, обозначающее этот предмет» [Успенский 1979: 147].

Прямо противоположное направление семантического развития характерно для символических образов как условных обозначений какого-либо понятия, идеи (от предметно-чувственной конкретики – к символическому ореолу и мифу), что хорошо просматривается в той характеристике *символа*, которую дал ему С.С. Аверинцев: «Беря слова расширительно, можно сказать, что символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа. Всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ); но если категория образа предполагает предметное тождество самому себе, то категория символа делает акцент на другой стороне той же сути – на выходе образа за собственные пределы, на присутствии некоего смысла, интимно слитого с образом, но ему не тождественного. Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре образа как два полюса, немислимые один без другого (ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты), но и разведенные между собой и порождающие между собой напряжение, в котором и состоит сущность символа. Переходя в символ, образ становится “прозрачным”; смысл “просвечивает” сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива, требующая нелегкого “вхождения в себя» [Аверинцев 1971: 826].

Разные аспекты слова связаны с различными функциями языка: именование «вещных» феноменов – с такими «первичными» функциями, как *номинативная, референтная, денотативная, репрезентативная*; именование семантических представлений – с такими «вторичными» функциями, которые основываются на абстрагировании (*познавательная, гносеологическая, эпистемологическая*), коннотативные феномены – с *эмоционально-экспрессивной, магической, религиозной* и т.д.

Семантическая структура слова и вопрос о функциональной асимметрии мозга

Предметно-чувственный и семантический компоненты неравномерно распределены между полушариями мозга. Правое полушарие «мыслит» образами, эмоциями и интуитивными прозрениями. «Но эта мысль только глобальная, нерасчлененная и смутная. Не имея соответствующего языкового оформления, она скрыта не только для других, но и для себя» [Деглин, Балонов, Долинина 1983: 39]. Правое полушарие мыслит образно и конкретно, ему доступны лишь самые простые абстрактные понятия.

Существо представления о функциональной асимметрии мозга сводится к тому, что каждое полушарие склонно работать с информацией одного рода и пользоваться механизмами по преимуществу одного типа мышления, одного «языка». Это различие между полушариями обычно характеризуют на основе следующих терминов (см., например: [Иванов 1978]):

Левое полушарие:

- **абстрактно-логическое**, словесное (оперирование знаковым материалом);
- **вербальное** (< лат. *verbalis* 'устный, словесный');
- **аналитическое** (анализ, расчленение предметов и явлений на отдельные составляющие);
- **дискретное** (< лат. *discretus* 'прерывистый, разделенный на отдельные части'; мышление как ряд последовательных операций, «пошаговое» мышление)

Правое полушарие:

- **конкретное пространственно-образное**, несловесное (оперирование образами);
- **невербальное**;
- **синтетическое** (образное мышление обеспечивает цельность восприятия);
- **симультанное** (< фр. *simultané* 'одновременный'; мышление, основывающееся на одномоментном восприятии и оценке объекта, на целостном «схватывании» его)

Хотя история исследования функциональной специализации правого и левого полушарий человеческого мозга насчитывает свыше ста лет

(с начала изучения поражений разных участков мозга и отражения их последствий в речи и поведении больных), серьезные открытия были сделаны начиная с 60-х годов XX века, после того как для лечения тяжелых форм эпилепсии стало использоваться хирургическое разобщение правого и левого полушарий, после которого каждое из них функционирует в отдельности. Были подтверждены предположения, что с левым полушарием связано понятийное мышление, речевая деятельность, чтение, счетные операции, а с правым – узнавание лиц, идентификация геометрических фигур и опознание предметных изображений. Последовали и другие открытия.

Это разделение функций не является абсолютным. Как показали энцефалографические исследования, правое полушарие тоже способно к восприятию словесной информации (хотя и в меньшей степени, чем левое), а левое – к восприятию сведений пространственно-образного характера. При прослушивании музыки (то есть информации заведомо невербальной) активны оба полушария: наш мозг не только «слышит» мелодию, но и каким-то образом «анализирует» ее. Несмотря на то что «словесным» является по преимуществу левое полушарие, при чтении художественных рассказов, обращенных к живому воображению, более активно правое; активно оно и при чтении технических текстов, требующих актуализации пространственных представлений, но – в меньшей степени.

Чтобы выразить мысль, нужно «преодолеть расстояние» между правым и левым полушариями «Это расстояние, – пишут исследователи функциональной асимметрии мозга, – всегда совместно преодолевают образ и слово. На этом пути чувственный образ, вобравший в себя все цвета, формы и звуки окружающего мира, превращается в бестелесную мысль, а нерасчлененное слово – в расчлененное предложение с субъектно-объектной структурой. На этом пути неосознанное превращается в осознанное, человек познает себя, его мысль постепенно высвечивается для него и становится доступной для других» [Деглин, Балонов, Долина 1983: 40]. Более энергично эту мысль выразил Вяч. Вс. Иванов: «Левое полушарие накладывает языковую (и концептуальную логическую) сеть на конкретные (осязаемо-зрительные) образы, формируемые правым полушарием» [Иванов 1979: 126].

Когнитивные типы языковых единиц и аспекты гуманитаристики

Разные слова имеют разный «крен» в сторону того или иного угла семантической трапеции (рис. 5); та или иная сторона оказывается наиболее весомой, значимой, и тогда все остальные обретают смысл через ее посредство. Любопытно отметить, что сходное противопоставление

(«номинативное – сигнификативное – коннотативное», но в других терминах) В. фон Гумбольдт использовал для характеристики своеобразия разных языков: «В общих чертах можно представить себе, что слова одного языка являют больше чувственной образности, другого – больше духовности, третьего – больше рассудочного отражения понятия... Ни одна из упомянутых особенностей не встречается изолированно...» [Гумбольдт 1985: 379].

Основная функция номинативно ориентированных лексем – номинация, обозначение реалий предметного мира, а сигнификация и коннотация – функции второстепенные.

Номинативно ориентированная лексика связана с преобладанием предметно-чувственного компонента, «обозначает прежде всего предметы внешнего по отношению к мышлению и языку человека материального мира» [Степанов 1981: 58], ориентирована на сенсорные образы – как реальных, так и фантомных объектов, и в крайних случаях вне таких образных представлений вообще не может быть осмыслена. Таковы, например, основные прилагательные со значением цвета. Для них невозможно построить удовлетворительное толкование «через понятие», только через «эталонный предмет», ср.: *белый* – «цвета *снега, сахара, молока, мела*»; *зеленый* – «цвета *травы, листвы*»; *красный* – «цвета *крови*» [Шрамм 1979]. Другие прилагательные, обозначающие не простые, а сложные, производные цвета, можно уже истолковать через простые, ср.: *розовый* – «светло-, бледно-красный», *изумрудный* – «ярко-зеленый», *голубой* – «светло-синий» и т.д.

Аналогичные свойства отмечаются, например, и для прилагательных типа *крутой, пологий* (*крутая гора, пологий склон, крутой подъем* и т.д.), значение которых определяется через «зримое» отношение к вертикали. Номинативно ориентированы и так называемые конкретные существительные, в том числе названия артефактов (*лампа, стакан*); живых существ (*слон, собака*), растений и плодов (*береза, клен, груша, яблоко*) и др. Д.Н. Шмелев предлагал называть такие слова «**денотативами**» [Шмелев 1973].

Основная функция сигнификативно ориентированных единиц (в однословной номинации – «**сигнификативов**») – выражение смысла, некоего семантического представления (обыденного или научного понятия), а второстепенные функции – номинация и коннотация. Наиболее выразительна сигнификативная ориентированность отвлеченных существительных, образованных от глаголов или от имен прилагательных: *ходьба, борьба, быстрота, синева*. Заметим, что и большая часть адеквативной лексики в целом связана с предметным миром опосредованно, через понятие, и при изолированном предъявлении сигнификативно ориентированное прилагательное не вызывает сколько-нибудь однозначного сенсорного образа, ср. вне контекста *быстрый* или *старый* и контексту-

альные «номинативные конкретизации» типа *быстрый шаг* и *быстрая эзда*, *старый человек* и *старая книга*.

Основная функция прагматически («коннотативно») ориентированных лексем («**коннотативов**») – выражение «точки зрения» на реалию или понятие, а номинация и сигнификация – второстепенные. Наиболее очевидна такая ориентированность у различных дериватов с эмоционально-оценочными суффиксами, ср.: *сынок*, *сыночек*, *доченька*, *дедуля*, *носик*, *глазки*, *синенький*, *тепленький*, *вкусненько* и мн. др.

Следует подчеркнуть, что, говоря о прагматически ориентированной лексике, мы имеем в виду ее предназначенность именно для выражения самых разнообразных «точек зрения» (а не только одних оценок и/или эмоций), обусловленных отношением к предмету речи, к адресату речи, к ситуации общения, в том числе «точек зрения», находящихся выражение в эмоциональных реакциях. Так, прилагательные *хороший* или *главный*, *нужный* или *лишний* прагматически ориентированы в исходном значении и связаны с эмоциями лишь потенциально, однако они несомненно предназначены для выражения «точки зрения» и в этом смысле являются прагматически («коннотативно») ориентированными.

Таблица 8

**Система феноменов, соотносительных
с когнитивными типами значений**

Когнитивный тип значения Соотносительные феномены	Номинативный («предметно- событийный»)	Понятийный (сигнифика- тивный)	Прагматический (эмотивно- ценностный, коннотативный)
Сфера человеческой психики	чувственное	рациональное	эмоциональное
Модус существования обо- значаемого	внеязыковая действительность	вербальное пространство	интер- и интраиндиви- дуальное сознание
Функциональный тип значения	идентифици- рующий	предикатный	прагматический
Функция языкового знака	обозначение конкретного («вещного»)	обозначение абстрактного (понятийного)	выражение оценок, эмоций
Базовая лексикогра- фическая единица	тематическое поле, тематический словарь	семантическое поле, семантиче- ский словарь	коннотативное семантическое пространство
Базовая часть речи	существительное	прилагательное, глагол	междометие, модальное слово

Соответствует ли действительности такое представление о слове? Если соответствует, то оно должно соотноситься с какими-то представлениями других гуманитарных наук, и проверка «на соотносительность» будет одним из способов верификации каждого из соотносимых друг с другом конкретно-научных представлений.

Издавна в гуманитарных науках (прежде всего, в психологии и философии) бытует представление о трех основных сферах психики – чувственном, рациональном и эмоциональном компонентах человеческого «я». *Чувственное* (эмпирическое, эмпирийное) находит соответствие в денотатном (референциальном, номинативном), *рациональное* (сфера разума, мысли) – в сигнификативном, *эмоциональное* – в коннотативном аспекте («измерении») слова. Строение слова изоморфно строению «я», устройству всей системы гуманитарного знания и обретает содержательную характеристику в перечне разнообразных понятий, соотносимых с понятиями «номинативное», «сигнификативное» и «коннотативное» и суммированных в табл. 8.

Библиотечно-библиографическая классификация и аспекты гуманитаристики

Задача систематизации всего накопленного человечеством знания составляет предмет интереса самых различных научных дисциплин: философии, науковедения, библиографии, лексикографии и др. Так, например, в основе одной из самых важных с практической точки зрения классификаций – классификации библиотечно-библиографической (ББК, см. [Книговедение: Энциклопедический словарь 1982]) – лежит классификация наук и явлений действительности. Как отмечают разработчики ББК, «в ней представлены не только система наук, но и система объектов, изучаемых науками, не только научные понятия, проблемы, дисциплины, но и факты, события, проблемы общественной жизни, отрасли практической деятельности, виды искусства» [Библиотечно-библиографическая классификация 1997: 7–8].

Логика следования названий наук друг за другом в первой, самой общей таблице библиотечно-библиографической классификации, обусловлена следующими соображениями:

«Последовательность естественных наук соответствует классификации наук по изучаемым ими отдельным формам движения материи, сначала неорганической, потом органической. Прикладные науки осуществляют связь между циклами наук, посвященных природе и обществу, и расположены по принципу от простого к сложному. Во главе прикладных наук помещена техника, как ведущая среди отраслей прикладного знания. За ней следует сельское и лесное хозяйство, далее – здраво-

охранение и медицина. Общественно-гуманитарный цикл сгруппирован в следующей последовательности: от наук, изучающих общество в целом, к отдельным сферам социальной практики и различным формам духовно-практического освоения мира.

Науки, возникающие в результате взаимопроникновения наук и(или) лежащие на пересечении двух или трех наук, в ББК условно относят к одной из них (агробология – к сельскому хозяйству, биогеохимия – к биологии), а от другой (или других) дается отсылка. Комплексная наука рассекается на части, каждая из которых относится к соответствующей “материнской” науке (микробиология к биологии, медицинская микробиология к медицине и т.п.), а от общей науки даются отсылки к ее отраслям, ее частным дисциплинам» [[Библиотечно-библиографическая классификация 1997: 10].

Сама таблица выглядит так:

1	Общенаучное и междисциплинарное знание	А
2	Естественные науки	
20	Естественные науки в целом	Б
22	Физико-математические науки	В
24	Химические науки	Г
26	Науки о Земле (геодезические, геофизические, геологические и географические науки)	Д
28	Биологические науки	Е
3	Техника. Технические науки	Ж/О
4	Сельское и лесное хозяйство. Сельскохозяйственные и лесохозяйственные науки	П
5	Здравоохранение. Медицинские науки	Р
6/8	Общественные и гуманитарные науки	
60	Общественные науки в целом	С
63	История. Исторические науки	Т
65	Экономика. Экономические науки	У
66	Политика. Политические науки	Ф
67	Право. Юридические науки	Х
68	Военное дело. Военная наука	Ц
70/79	Культура. Наука. Просвещение	Ч
80/84	Филологические науки. Художественная литература	Ш
85	Искусство	Щ
86	Религия. Мистика. Свободомыслие	Э
87	Философия	Ю
88	Психология	Ю
9	Литература универсального содержания	Я

Библиотечно-библиографическая систематика дает представление по преимуществу о системе *наук*, но не о системе *обыденного* знания.

Поэтому для характеристики различных картин мира, в том числе рамках идеографической лексикографии (см. далее, глава 5), используются иные классификации.

Вопросы и задания

1. Прочитайте приведенное ниже словарное разъяснение из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Поясните, как связана филология с историей и другими гуманитарными науками, сопоставьте свои соображения с представлениями начала XX века.

«**Филология**. – При делении наук на математические, естественные и “науки о духе” – делении, пользующемся наибольшим авторитетом в настоящее время – ясно, что филология должна принадлежать к последней из этих трех категорий. Науки, посвященные изучению человеческого духа, могут изучать его либо в самом себе, либо в его творениях. Первую группу составляют специально философские науки (психология, логика, теория познания); вторая распадается на две подгруппы, смотря по тому, изучаются ли творения человеческого духа в смысле, так сказать, поперечного или в смысле продольного разреза, т.е. в своей одновременности или в своей последовательности. К подгруппе поперечного разреза принадлежит множество наук, называемых “теориями” или “системами” – теория языка, теория искусства, система действующего в данное время права, догматика данной религии и т.д. Подгруппу продольного разреза составляют две науки – история и филология. Точно определить понятие историко-филологической науки можно, следовательно, так: “наука, имеющая своим содержанием изучение творений человеческого духа в их последовательности, т.е. в их развитии”. Затруднительнее разграничить области обеих наук, входящих в состав общей историко-филологической науки, т.е. истории и филологии. Для установления правильной точки зрения на этот вопрос надлежит прежде всего помнить, что *материальное* разграничение обеих областей невозможно. Эта невозможность доказывается как неудачей всех произведенных в этом направлении попыток, так и историческим ходом развития обеих понятий – “филология” и “история”, – в силу которого они при нынешних, рациональных требованиях к той и другой науке по необходимости должны были материально совпасть. – Слово “история” этимологически обозначает “ведение”; причем, в силу родства понятий “ведать” и “видеть”, содержанием этого «ведения» предполагается то, что человек “видел”, чему он был “свидетелем” – одним словом, всякого рода внешнее знание. <...>

К тому же результату, однако, мы приходим и для филологии, при обзоре развития этого термина. Первоначально под λόγος в литературном значении слова разумелось всякое сочинение, бывшее плодом умственной работы автора, между прочим и историческое... Кто занимался подобными λόγος, тот называл себя φιλόλογος (подобно тому, как занимавшиеся мудростью, σοφία, называли себя философами); обозначение это присваивалось и таким ученым древности, которые ничего общего с филологами наших дней не имели. Вообще в древности “филолог”, в противоположность “историку”, должен был обладать двумя качествами: он должен был быть исследователем (между тем как историк мог быть простым собирателем материалов) и должен был работать на месте, в библиотеке или лаборатории а не разъезжать по чужим странам. Отсюда значение “кабинетный ученый”, которое делается со временем преобладающим; с ним наше слово переходить в новейшую культуру» [ЭСБЕ XXXVa: 811–812].

2. «Поперечный» и «продольный» разрезы, о которых идет речь в цитированном отрывке, ныне известны в филологии как *синхронический* и *диахронический* аспекты исследования языка. Как реализуются эти аспекты в других гуманитарных науках?
3. Какие ассоциации вызывают семантические этимоны прилагательного *гуманитарный*, связанные с лат. *homo* 'человек; мужчина > умный (благоразумный, рассудительный), честный, порядочный человек' и лат. *humus* 'земля; почва, глина'?
4. По преимуществу «сигнификативно ориентированными» являются терминологические словарные издания. Как соотносятся словарные издания других типов с явлениями номинации и коннотации?
5. В чем усматривается взаимосвязь между *гуманитаристикой* и *антропологией*?
6. Используйте сведения о функциональной асимметрии мозга как эвристическое средство для характеристики различий между «мужским» и «женским», для выстраивания стратегий в менеджменте продаж и/или в организационном менеджменте, ориентированном на разные психологические типы.
7. Как связаны библиотечно-библиографическая систематика информации и номенклатура специальностей научных работников¹³, используемая Высшей аттестационной комиссией?

Литература

- Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Сов. энциклопедия, 1971. – С. 826–831.
- Батищев Г.С. Найти и обрести себя // Вопросы философии. 1995. № 3. – С. 95–129. URL: <http://sbiblio.com/biblio/archive/batishev_nayti/>.
- Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 1093 с.
- Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. – С. 254–357.
- Библиотечно-библиографическая классификация: Рабочие таблицы для массовых библиотек. М.: Либерея, 1997. – 688 с.
- Волков В.В. Введение в психолингвистику: Пособие по спецкурсу. Ужгород: Ужгородский госун-т, 1994. – 202 с.

¹³ Номенклатура специальностей научных работников // Высшая аттестационная комиссия (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/>.

Волков В.В. Внутренний лексикон и идеографические словари: Пособие для студентов и учителей. Тверь: Тверской госуниверситет, 1997. – 116 с.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. – 452 с.

Деглин В.Л., Балонов Л.Я., Долинина И.Б. Язык и функциональная асимметрия мозга // Текст и культура. Тарту: Тартуский ун-т, 1983. – С. 31–42.

Зинченко В.В. Гуманитаризация образования // Российская педагогическая энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. / Гл. ред. В.В. Давыдов. М.: Большая рос. энциклопедия, 1993. – С. 239–240.

Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. радио, 1978. – 184 с.

Иванов Вяч. Вс. Нейросемиотика устной речи и функциональная асимметрия мозга // Семиотика устной речи: Лингвистическая семантика и семиотика. Тарту: Тартуский ун-т, 1979. – С. 121–142.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 264 с.

Китайгородский А.И. Физика – моя профессия. М.: Молодая гвардия, 1965. – 176 с.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 253 с.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебrenников. М.: Наука, 1988. – 216 с.

Серебrenников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. – 242 с.

Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. – 360 с.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. – 240 с.

Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. II. М.: ВИНТИ, 1979. – С. 142–148.

Формальная логика: Учебник для филос. факультетов университетов / Отв. ред. И.Я. Чупахин, И.Н. Бродский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 358 с.

Хазагеров Г. Что слышит слушающий? // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: <<http://www.strana-oz.ru/2002/6/chto-slyshit-slushayushchiy>>.

Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Отв. ред. Е.С. Кубрякова. М.: Наука, 1991. – 240 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. – 280 с.

Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 134 с.

Глава 4 ТЕОРИЯ МОТИВАЦИИ И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Мотивы, аксиология, аксиологическая лингвистика

Сущ. **мотив** – из лат. *motivus* ‘подвижный’ < *motare* ‘непрерывно двигать, приводить в (сильное) движение, двигать взад и вперед, шевелить’ < учащат. от *movere* ‘двигать, приводить в движение, шевелить’ (как в *мобильный*, ...*мобиль*, *мото*..., *мотор* и т.п.), в первичном значении – «побудительная причина, повод к какому-л. действию».

Этому этимологическому смыслу в точности соответствует *мотив* как термин психологии: «материальный или идеальный “предмет”, который побуждает и направляет на себя *деятельность* или *поступок*, *смысл* которых состоит в том, что с помощью М. удовлетворяются определенные *потребности* субъекта» [БПС 371].

Аксиология – из гр. *axia* ‘цена, стоимость > достоинство, заслуга’ + ...*логия*, – учение о моральных, этических, культурных ценностях. Смежное, но нетождественное понятие – *телеология* – учение о целях существования (из гр. *teleios, teleos* ‘совершенный (о богах, людях и предметах), превосходный, отличный, отборный > без порока > выросший, возмужалый; исполнившийся, осуществившийся’ < *telos* ‘конец, окончание, исполнение; исход, результат, решение > посвящение (особ. в мистерии), священнодействие, празднество’ [Вейсман 1991: 1233, 1235]).

В развернутом толковании: «**Аксиология**... философская дисциплина, исследующая категорию “ценность”, характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений. Аксиология включает и изучение ценностных аспектов других философских, а также отдельных научных дисциплин, а в более широком смысле – всего спектра социальной, художественной и религиозной практики, человеческой цивилизации и культуры в целом» [Шохин 2010: 62].

Таким образом, фундамент психологической *теории мотивации* – ценности и мотивируемые ими цели отдельного человека; в основании философской *аксиологии* – ценности и цели, которыми могут руководствоваться корпоративные группы и профессиональные сообщества, религиозные конфессии и политические партии и т.д.

Аксиологическая лингвистика концентрирует внимание либо на ценностях отдельного «я» (в этом случае весьма продуктивным оказывается понятие «лингвокультурный типаж», см. [Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы 2005]), либо на фундаментальной онтологической парадигме «Человек-Язык-Культура-Мир (миры)» [Лингвистика и аксиология: Этносемиотрия ценностных смыслов 2011].

Обращение к методам частных лингвистических дисциплин дает многообразные так называемые «композитные ответвления»: *психолингвистическую, социолингвистическую, прагматилистическую, теолингвистическую... аксиологию* (или наоборот: *аксиологическую психо-, социо-, прагма-, тео-... лингвистику*). В любом случае конкретный предмет аксиологической лингвистики – языковые/речевые средства, вербализующие ценности и цели индивидуального/коллективного человеческого существования.

Поскольку своеобразие системы ценностей определяет своеобразие той или иной культуры, то ближайшая аксиологии лингвистическая дисциплина – лингвокультурология, в особенности ее центральная часть – лингвоконцептология. Именно культурные ценности лежат в фундаменте концептосферы языка (Д.С. Лихачев), «коммуникативного разума» (Ю. Хабермас). «Культурные ценности, сросшиеся и воплощенные в тотальностях жизненных форм и жизненных историй, пронизывают ткань повседневной коммуникативной практики, в которой выражается экзистенция и обеспечивается тождественность действующих субъектов и от которой они не могут дистанцироваться таким же образом, как и от институциональных порядков их социального мира. <...> ...групповая и индивидуальная тождественность выражается в них настолько, что они образуют интегральную составную часть той или иной культуры или личности» [Хабермас 2001: 268–269].

Фундаментальное лингвокультурное различие между монотеистическими мировыми религиями и основывающимся на них культурами – и культурами языческими и секулярными в том, что если в рамках монотеистического сознания представления о человеке можно выразить одним-единственным словом, отсылающим к богочеловеческим представлениям и зывающим к обожению (в рамках авраамических религий – это *Моисей, Христос, Мухаммед*), то секулярное сознание исключает такую возможность; человекобожеская неозычская сакрализация идеологизированных ценностей неизбежно ведет к деградации и гибели тех культур, которые пытаются на них опереться, как, например, в истории с обожествлением *Гитлера* и *Сталина*, ценностей *нацизма* и *коммунизма*. Это примеры «мономорфных» идеологически сакрализованных ценностей, вербализации которых в пределе сводятся к одному слову.

Менее очевидна деструктивность языческих и неозычских полиморфных представлений о человеке (см. [Волков 2013]). В античности совокупное полиморфное представление о человеке основывалось на «арифметическом» сложении частных мифологем; утрируя, можно сказать, что в античных представлениях человек – это *Геракл + Прометей + Икар...* (и еще *Артемиды, Афина, Афродита...* – и так до исчерпания списка); в наши дни это любая идеологическая система, обретшая статус неозычской «государственной религии».

Теория мотивации, антропологические модели и «пирамида Маслоу»

Мотивация – одно из самых трудноопределимых явлений человеческого существования, – несмотря на прозрачность внутренней формы, на интуитивную как-бы-понятность термина и соблазн удовлетвориться простым словообразовательным толкованием «совокупность *мотивов* как “побуждений к действию”». Профессионально-терминологическое определение психологов отмечено «знаком бессилия» – тавтологичным указанием на неопределенное множество «мотивационных факторов», ср.: **«Мотивация... совокупное действие многих внутренних и внешних факторов (мотивационных факторов), проявляющееся в виде побуждения к осуществлению *поведения* с определенной направленностью, интенсивностью, упорством»** [БПС 372]. Здесь налицо и логическая неточность: мотивация трактуется как действие, а не как установка.

Признанный корифей, фактически основатель теории мотивации Абрахам Маслоу (1908–1970) в параграфе с прямолинейно-кратким названием «Мотивация» своего фундаментального труда «Мотивация и личность» использует не логическое определение, а описательную характеристику мотивации – как наиболее способствующую пониманию существа дела:

«Необходимо изучить родительские инстинкты: почему мы любим наших детей, почему люди вообще хотят иметь детей, почему они приносят ради них такие жертвы? Почему жертва в глазах окружающих не представляется жертвой родителей? Почему маленькие дети такие милые?»

Возможные предметы исследования: справедливость, равенство, свобода, стремление к свободе и справедливости. Почему люди готовы бороться за свободу, отдавая за нее свою жизнь? Почему без всякой корысти для себя люди приходят на помощь обездоленным, несправедливо обиженным и несчастным?» [Маслоу 2008: 235].

В основе любой теории мотивации лежит некая антропологическая модель, которая в общем случае сводится к противопоставлению двух начал в человеке, именования которых образуют условную синонимико-антонимическую парадигму, где за каждой парой противоположностей – особая система воззрений; разные системы взглядов сходятся в обобщающем антонимическом противопоставлении «верха» и «низа»: сверхсознательное и бессознательное, божественное и дьявольское, святое и греховное, Супер-эго и Ид и т.п. Между крайностями надсознательного и бессознательного – человеческое «я», сознание которого бьется между границами, очерченными «верхом» и «низом». Человек может устремляться либо к верхней, либо к нижней границе существования, либо иногда творчески, чаще шизофренически метаться между ними, ср. тоску несоединимости крайностей у молодого Лермонтова:

...Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! все было ад иль небо в них.

(«1831-го июня 11 дня»)

С.С. Хоружий, разрабатывая «антропологическую модель третьего тысячелетия», исходит из необходимости «метапсихологии» как учения, синтезирующего богословские, философские, психологические и другие знания о человеке, которого в его восходящем или нисходящем движении встречаются две границы: «...и Граница-как-безумие (испытываемая и познаваемая в опыте патологий психики), и Граница-как-обожение (испытываемая и познаваемая в опыте духовной практики)» [Хоружий 2000].

Секулярная психология, увлекшаяся после Фрейда, по словам А. Маслоу, «больной половиной психологии», должна быть дополнена «ее здоровой половиной» (цит. по: [Гобл 2011: 408]), которую детально на протяжении многих столетий исследовали и культивировали духовные практики всех мировых религий¹⁴. Гигантское многообразие человеческих потребностей, мотивов и ценностей, а вслед за ними и разных способов самосознания и понимания других – один из самых сложных объектов гуманитаристики. Их исследование предполагает и погружение в глубины бессознательного, сродни дантовскому нисхождению в Ад, и воспарение к горным высам творчества и богоустремленности.

Сложнейшее переплетение низкого и высокого в человеческом «я» хорошо соотносится с метафорой духовного кризиса, открывающей «Божественную комедию». В советском переводе М. Лозинского акцентирован «сумрак» полувидения, полуосознания: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины» [Данте 1967: 9]; в более раннем, дореволюционном переводе О. Чюминой – эпитет *дремучий*, ассоциирующейся с безнадёжностью понять мир человеческих страстей: «На полпути земного бытия, / Утратив след, вступил я в лес дремучий. / Он высился, столь грозный и могучий, / Что описать его не в силах я...» [Данте 2007: 10].

«Двоемирие» – фундаментальная черта мироощущения, «универсальная интуиция» любой культуры, не ограничивающейся тем, что дано лишь «в этом мире», но мистически взыскующей мира горнего, ср. у Тютчева (1855):

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

¹⁴ Эта «здоровая половина», наряду с «больной», в последние годы рассматривается, в частности, *православной психологией* как дисциплиной, синтезирующей богословские и секулярные взгляды на человека (см. [Шеховцова, Зенько 2005]).

Так, ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

Яркое воплощение «концепция двоемирия» нашла в литературе романтизма, детально исследовавшем самые разнообразные формы отчуждения человека, ср.: «В позднем романтизме, с его конфликтом идеала и действительности (романтическое “двоемирие”), герой безвозвратно отчужден от мира, общества и государства: “блуждающий дух, изгнанный из другого мира, он казался незнакомцем в этом мире живых” (Байрон. Лара, 1814); “Живу один среди мертвецов” (Лермонтов. Азраил, 1831); поэты в миру оказываются не жрецами, но “скитальцами на земле, бездомными и сирыми” (Полевой Н.А. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Т. 1. С. 213). Раздвоение претерпевает и сам романтический человек, становясь “полем битвы, на коем сражаются страсти с волею” (А.А.Марлинский. О романе Н.Полевого “Клятва при гробе Господнем”, 1833); он либо осознает непримиримое противоречие в самом себе, либо сталкивается со своим демоническим двойником... Раздвоенность реальности на метафизическом уровне понимается как непримиримая и безысходная борьба добра и зла, Божественного и демонического...» [Махов 2001: 900].

Дантовское стремление к синтезу, жажда найти гармонию в неизбывной «комедии» отчуждения «земного бытия» от того, что «выше» и что «ниже» – одна из главных интенций любого человека, идущего по тропам духовной практики, особенно художника, ср. у Блока в прологе к поэме «Возмездие»:

Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминуемый,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.

Познай, где свет, – поймешь, где тьма.
Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.

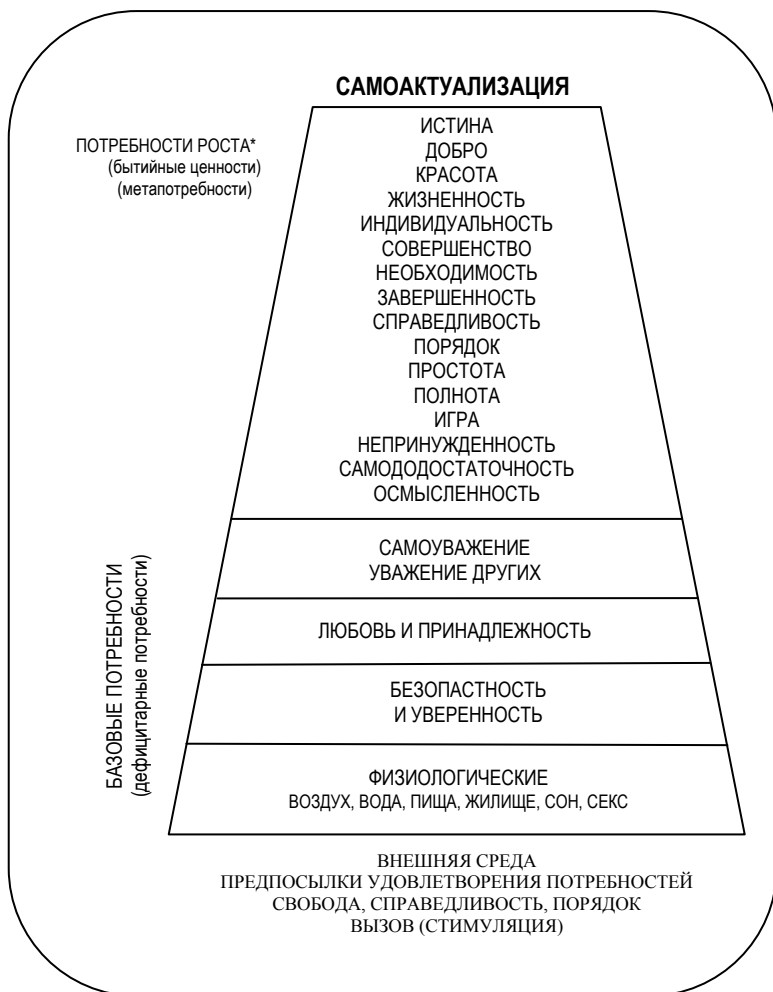
Заметим, что в качестве языковых антонимов *земле* и *земному* лексикографически фиксируются *небо* и *небесное (неземное)*, но не «подземное» [Львов 1984: 347]. Узуальный лингвоконцептуальный оппози́т человеческого – Божественное, а не дьявольское или демоническое.

Эта особенность языковой системы отражает органическое тяготение человека к «верху», к трансцендентному «сверх-Я». Однако живое ощущение божественной природы сущего – достояние прежде всего традиционной культуры, строящейся на сакрально-религиозных основах. Десакрализация повседневности связана с движением «вниз», погружает человека в сумрак или даже в безысходный мрак «междубытия».

Впрочем, сумрак существования современного человека, заблудившегося в многообразии ценностных ориентиров, предлагаемых десакрализованной культурой, не безнадёжен – даже в ее собственных рамках. Альтернативу сакральным ориентирам мировых религий в рамках секулярной идеологии современная гуманитаристика усматривает в формировании «ценностного сознания». Некоторые исследователи даже максималистски утверждают, что «в новой исторической эпохе ведущей формой мировоззрения должно быть не религиозное, не идеологическое, а ценностное сознание, поскольку только оно способно к преодолению межкультурного и социального противостояния» [Короткая 2007: 3].

Аналог «ценностного сознания» в поздних работах Маслоу, в рамках его «теории метамотивации», – **метапотребности**, ср.: «...лучшие и наиболее “естественные” категории классификации практически полностью являются абстрактными “ценностями” предельного, нередуцируемого характера, такими ценностями, как истина, красота, новизна, уникальность, справедливость, лаконичность, простота, доброта, аккуратность, эффективность, любовь, честность, невинность, совершенство, порядок, элегантность, рост, чистота, подлинность, покой, мир и т.п.» [Маслоу 2011: 344]. Ориентация на такие сверхценности позволяет человеку обрести целостность – «неделимость по отношению к самому себе» [НФЭ 4, 316], или, выражаясь современным языком, *холистичность*, которая, в соответствии с логикой современной общей теории систем, основывается на примате целого по отношению к частым, что фиксировано во внутренней форме термина *холизм* (англ. *holism* – от *whole* ‘целое; всё; итог’ < гр. *holos* ‘весь, целый’), «философское учение, рассматривающее мир как результат эволюции, которая направляется нематериальным “фактором целостности”» [Крысин 1998: 774].

В суммарном обобщенном виде, найденном Ф. Гоблом, «пирамида Маслоу» представлена на рис. 6.

* Потребности роста равнозначны (иерархически не упорядочены)

Рис. 6. Иерархия потребностей по А. Маслоу [Гобл 2011: 444]

Существо движения по «пирамиде» может интерпретироваться двояко:

- 1) «снизу вверх» – внутренняя эволюция человеческого «я» в его развитии во времени («диахрония»), когда нижележащие потребности выступают как основание вышележащих;
- 2) «сверху вниз» – внутренняя повседневная (в «синхронии») регуляция человеческого «я», достигшего самоактуализации, когда вышележащие потребности выступают как доминантные.

Разумеется, обе эти модели связаны с представлением о «совершенном человеке» (о концепции «совершенного человека» см., например: [Хоружий 2000]), не «застрявшем» в своем развитии на одной из нижележащих ступеней.

Внутреннее движение по «пирамиде» – всегда жертва внешним ради внутреннего, нижним ради высшего, когда нижележащие уровни начинают восприниматься как нечто призрачное, химерическое. Такое движение возможно лишь при условии, что функции управления – у метапотребностей, у элементов высшего уровня, то есть «восхождение» по «пирамиде» – это скорее «притягивание» к высшему, чем «отталкивание» от низшего. Низшее преодолевается не через самоё себя, а через высшее, что отражено, в частности, в психологическом словаре исхода советских лет – в толковании с таким словарным идентификатором, как *идеалы*, ср.: «**Мотивы** – то, что побуждает деятельность человека, ради чего она совершается. В современной психологии термин “мотивы” применяется для обозначения самых различных явлений и состояний, вызывающих активность субъекта. В роли мотивов могут выступать потребности и интересы, влечения и эмоции, установки и идеалы» [Психологический словарь 1983: 198]. Грязь, пошлость – это когда «нижнее» оказывается на «верхнем», выдает себя за верхнее. Секс выдает себя за любовь, стяжательство – за самореализацию, самолюбие – за вдохновение и т.д.

«Застревание» на нижележащих мотивационных уровнях катастрофично и для личности, и для культуры и цивилизации в целом. Именно в низших «горизонтальных» потребностях застряла наша страна в «дикие» 90-е годы, о чем точно в то время сказал М. Жванецкий: «Неудовлетворенными остались наши вертикальные потребности. Жизнь свелась к сбору горизонтальных благ» [Жванецкий 2009: 4, 114]. Справедливо констатируют исследователи и в наши дни: «Современная цивилизация в определённом смысле достигла апогея в разрушении и обесценивании религиозных, нравственных, духовных ценностей. <...> В полную силу заработал фрейдовский “принцип удовольствия”» [Завгородняя 2009: 3]. В перифразе Жванецкого: «А мы всем миром порешили двигаться, вырваться наконец из пункта А и прибыть наконец в пункт Б, где легче со жратвой и одеждой» [2009: 5, 379].

Необходимо вырваться из гонки по горизонтали витальных потребностей, вернуться к ценностным сакральным основаниям и одновременно вершине культуры, к целостному человеку, вспомнить, что в глубине своего существа человек – это *homo religiosus* ‘религиозный’: с одной стороны (до грехопадения), еще не вкушивший от древа познания добра и зла и целокупно связанный с Творцом – как созданный по образу и по подобию Его; с другой стороны (после грехопадения), заново ищущий своего Создателя, как «возвращающийся» – с соответствия с этимологической внутренней формой сущ. *религия* – из лат. *religio* ‘совестливость, добросовестность, благочестие > благоговение, набожность > богослужение, богослужебные обряды’ – от *religare* ‘связывать сзади, привязывать сзади; заплетать, обвязывать, обвивать’ (применительно к *religio* букв. «восстанавливать связь») < прист. *re*... в значении возобновления, повторности действия + *ligare* ‘завязывать, привязывать’.

К сожалению (см. следующий параграф), Вера как макроценность (метапотребность) в иерархии ценностей современной молодежи – на последнем месте. Наиболее очевидные приметы возвращения к *homo religiosus* двусмысленны: если возрождение Православия и других традиционных конфессий действительно ведет людей к Богу, то куда влечет безумный рост оккультных настроений и тоталитарных сект, повальное увлечение астрологией, гаданиями и т.п.? Скорее, это *homo credens* ‘человек верящий’ (< лат. прич. *credens* – от *credere* ‘доверять, полагаться; верить; полагать, считать’), именно *верящий*, а не *верующий*, как в случае с *homo religiosus*. Эта знаковая паронимия (*верить* – *веровать*) отчетливо противопоставляет религию как *веру* – *верованиям*, выступающим как эрзац религии: идеологиям социализма и коммунизма, «левых» и «правых», консерватизма и либерализма, глобализма и национализма и т.д.

Система ценностей в зеркале психолингвистического ранжирования

Исследование системы *ценностей* требует использования понятия *оценки* – *значимости* ценностей для субъекта. Один из методов исследования субъективной оценки ценностей – психолингвистическое *ранжирование* как упорядочение предложенного списка ценностей по значимости путем указания соответствующего ранга (графически – цифры, отражающей субъективную значимость).

В основу экспериментального материала для ранжирования были положены материалы «пирамиды Маслоу», а также эвристически ценная классификация ценностей, предложенная Генрихом Риккертом (1863–1936), который выделял шесть «областей ценностей», соответствующих сферам человеческой жизнедеятельности [Малинкин 1998: 169]:

- 1) **научное познание, наука** – благо, в котором обнаруживает себя устремлённость к реализации ценности в будущем (стремление к истине), и одновременно «благо созерцания», т.к. наука сама по себе ничего не желает изменить;
- 2) **искусство** – сфера созерцательных ценностей настоящего;
- 3) **мистика**, пантеистические учения – область применения созерцательных ценностей вечности;
- 4) **этика**, в которой проявляют себя действенные блага, являющиеся одновременно благами будущего;
- 5) **эротика и «блага жизни»** вообще, составляющие сферу действия личных жизненных благ настоящего;
- 6) **религия** как вера в личностного Бога и как ориентация на связанные с религией ценности (истина; прекрасное; сверхличностная святость; нравственность; счастье; личностная святость).

Перечень Риккерта не вызывает принципиальных возражений, но едва ли удовлетворителен – по двум основным причинам:

- 1) этот перечень не включает ценности повседневного существования (витальные), как если бы человек не был биологическим существом, нуждающимся в поддержании своего физического тела;
- 2) этот перечень представляет собой неупорядоченный, ненерархизованный список; в нем не учитывается, с одной стороны, факт развития ценностной сферы человека, постепенного рождения и становления потребностей, а с другой стороны, не просматриваются ценности, выполняющие роль управляющих, регулятивных.

Поскольку информанты, принимавшие участие в эксперименте, – это либо студенты университета, либо люди с высшим образованием, которым вполне может быть известно существо «пирамиды Маслоу» (знакомство с ней входит в образовательные программы всех гуманитарных факультетов), в ходе планирования эксперимента формулировки базовых ценностей были пересмотрены.

В частности, религиозные ценности были обозначены перифразой «вера (в Бога) – безверие», эстетические – антонимической парой «красота – безобразие», витальные потребности – через формулировку проблемы «повседневные потребности: возможность / затруднения их удовлетворить», потребность в самоактуализации – как проблема «осуществить / не осуществить себя (реализовать свои возможности)» и т.д.

В результате такой перифразировки только одна студентка из числа всех опрошенных информантов сказала, что догадалась, на чем основано содержание анкеты. Остальные информанты отвечали на поставленные вопросы, исходя из формулировки заголовочного элемента анкеты, то есть ранжировали не собственно жизненные ценности, а проблемы, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни или считают, что такого рода проблемы значимы для всех современных людей.

Ранжирование жизненных проблем

Какое противоречие, с одной стороны, в «нашей общей», с другой – в своей собственной жизни Вы считаете наиболее значимым?

Расположите пары противоположных слов в порядке убывания их значимости: под номером «1» укажите наиболее значимое, с одной стороны, для всех нас, с другой – именно для Вас, под номером «2» – менее значимое и т.д. – до цифры «8».

№№	Жизненные проблемы	Значимость (поставьте номер)	
		<u>для</u> <u>всех</u> <u>нас</u>	именно <u>для</u> <u>меня</u>
1.	вера (в Бога) – безверие		
2.	красота – безобразие		
3.	знание – невежество		
4.	осуществить / не осуществить себя (реализовать свои возможности)		
5.	признание / непризнание заслуг		
6.	быть в одиночестве (без семьи, коллектива...) – с людьми (с семьей, коллективом...)		
7.	безопасность – угроза различных неприятностей		
8.	повседневные потребности: возможность / затруднения их удовлетворить		

Ваши комментарии (в произвольной форме) _____

Процедура исследования

Время работы над анкетой не ограничивалось; на деле (при условии серьезного отношения информантов к выполнению задачи) на заполнение анкеты уходило около 10–15 минут.

Информанты графу «Ваши комментарии» чаще всего оставляли пустой, однако высказанные некоторыми в произвольной форме суждения весьма содержательны. В частности, информанты указывают на необходимость расширить перечень базовых потребностей, положенных в основу анкетирования, например:

- В данное время мы живем в обществе «потребителей», в связи с этим – на первом месте то, что можно продать, и то, чем можно заработать (красотой, знанием и т.д.).
- Всё замечательно.
- Для меня самое важное – быть с людьми (особенно с семьей), без них я своей жизни представить не могу, она теряет для меня всякий смысл. Обществу же нужна прежде всего безопасность, так как сейчас повсеместно – акты терроризма, катастрофы и пр. → общество нужно оградить от этого.
- Более значимые проблемы для нашего общества, как я считаю, иметь семью и быть в коллективе, вера, безопасность. Реализация своих амбиций – на втором месте.
- Почти уверена, что проблема безопасности в наше время стоит на первом месте для всех, в связи с частыми случаями терроризма...
- Для жизни самое главное – это безопасность, потому что если ты не уверен за свою жизнь, как ты можешь что-то планировать в жизни и зачем тебе мировое признание после смерти, и вообще как можно верить в бога, если он не уберег тебя!
- Хочу быть директором, а «система» не позволяет!

Многие информанты указывают на трудности ранжирования «жизненных проблем», а также на трудности разграничения параметров «для себя» и «для всех нас», например:

- Очень интересное тестирование. Представленные пары слов в принципе все важные и необходимые для нас всех. Определить и расположить в порядке убывания тяжело. Но все-таки можно расположить для себя.
- Все данные жизненные проблемы значимы, трудно их расположить в порядке убывания, так как нельзя определенно сказать, какая из них для меня более важна. В другой ситуации я бы расположила (может быть) в ином порядке.
- Сложно определить, что значимо «для всех нас». Если конкретно с самой собой понятно, то вот с другими... Вообще человек, определяя важное для себя, наверное, думает, что аналогичное и у других.

Результаты исследования

На первом этапе обработки результатов исследования были подсчитаны средние арифметические оценки по каждому из параметров («жизненных проблем»), с учетом пола информантов (табл. 9).

Таблица 9

Результаты ранжирования фундаментальных ценностей (в средних арифметических)

№№	Жизненные проблемы – фундаментальные потребности / ценности	Ранг (ср. арифм.)			
		Девушки		Юноши	
		<i>для всех нас</i>	<i>именно для меня</i>	<i>для всех нас</i>	<i>именно для меня</i>
1.	Вера: вера (в Бога) – безверие	5,23	5,59	7,33	4,33
2.	Эстетические: красота – безобразия	5,23	5,05	5,83	3,83
3.	Познавательные: знание – невежество	4,95	4,55	6,83	5,83
4.	Самоактуализация: реализовать возможности	4,64	3,45	4,67	4,17
5.	Признание заслуг	4,91	4,82	5,33	5,33
6.	Социальные: быть в одиночестве – быть с людьми	3,36	3,77	3,5	5,33
7.	Безопасность: угроза неприятностей	3,77	4,09	2,5	3,83
8.	Витальные: возможность / затруднения удовлетворить повседневные потребности	3,91	4,68	3,17	3,67

Принцип интерпретации этих статистических данных: чем ниже абсолютная величина (чем она ближе к единице), тем значимее в глазах информантов соответствующая потребность.

Как видим, полученные результаты подтверждают весьма пессимистическую оценку современной культуры, кризис которой многие ныне воспринимают как «глобальную аксиологическую катастрофу», как «глобальный крах ценностных миров» [Сельчёнок 2000] и культуру, утратившую способность опираться на высшие ценности, характеризуют как «квазикультуру».

На втором этапе обработки результатов для большей наглядности они были представлены в ранжированном виде, то есть с указанием суммарного «места» той или иной потребности – от первого до заключительного восьмого (табл. 10).

Полученные данные вскрывают специфику восприятия той или иной «жизненной проблемы» современными студентами разного пола – с учетом проекции, с одной стороны, «именно на себя», с другой – «на всех нас» как единого народного целого.

Таблица 10

**Результаты ранжирования фундаментальных ценностей
(в цифровом обозначении)**

№	Жизненные проблемы – фундаментальные потребности / ценности	Ранг (место)				Σ=
		Девушки		Юноши		
		для всех	для меня	для всех	для меня	
1.	Вера: вера (в Бога) – безверие	7-8	8	8	5	8
2.	Эстетические: красота – безобразие	7-8	7	6	2-3	5-7
3.	Познавательные: знание – невежество	6	4	7	8	5-7
4.	Самоактуализация: реализовать возможности	4	1	4	4	2-4
5.	Признание заслуг	5	6	5	6-7	5-7
6.	Социальные: быть в одиночестве – с людьми	1	2	3	6-7	2-4
7.	Безопасность: угроза неприятностей	2	3	1	2-3	1
8.	Витальные: возможность / затруд- нения удовлетворить повседневные по- требности	3	5	2	1	2-4

Как ясно из табл. 10, фундаментальные потребности распределились на четыре ценностные сферы (в порядке субъективной значимости):

1. Безопасность.
2. Витальные, социальные и потребность в самоактуализации.
3. Познавательные, эстетические и потребность в признании заслуг.
4. Религиозные.

Как видим, такие фундаментальные потребности, как Истина, Добро и Красота, в восприятии наши информантов оказались только на третьей позиции – из четырех.

Неожиданный результат – доминирующая роль потребности в безопасности, что связано, вероятно, не только с экзистенциальной личностной тревожностью (как будет складываться профессиональная и личная судьба, успешность), но и с проблемами глобального характера – экономической стабильностью, экологией и т.д.

О типологии «личностей филологических»

В русистике известно и широко используется понятие «языковая личность», которая в общем случае трактуется как «...личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987: 38]. Неопределенность понятия *личности*, при кажущейся ясности представлений о том, что это такое, каузирует в рамках «филологии личности» острую метаязыковую проблему: *что* выражается «в языке (текстах) и через язык», *как* (на основе какого понятийного аппарата) интерпретировать те совокупности языковых средств, которые репрезентируют особенности личности? Иными словами, каков метаязык экстралингвистического «входа» в языковую личность, поскольку нельзя языковую личность содержательно характеризовать только через ее язык («от лингвистики через лингвистику к лингвистическим выводам»)?

В концепции Ю.Н. Караулова языковая личность – феномен по преимуществу интралингвистический и характеризуется дескриптивными средствами лингвистики (по Ю.Н. Караулову, компоненты языковой личности – лексикон, грамматикон, семантикон, прагматикон и тезаурус личности). Модус «внелингвистического существования» личности при этом оказывается за пределами внимания, вследствие чего исследователь не в состоянии корректно охарактеризовать состав языковой личности, – по причинам методологического порядка, так как структуроформирующие параметры по необходимости носят внешний характер по отношению к структурируемому множеству единиц, ср. меткое замечание В.фон Гумбольдта: «Как бы мы ни строили свое объяснение, сфера явления может быть понятна только из точки, находящейся вне ее, и обдуманный выход из этой сферы столь же безопасен, сколь неминуемо заблуждение, если слепо замкнуться в нем» [Гумбольдт 1985: 302].

Структуроформирующие параметры – это те свойства объекта, которые релевантны для характеристики закономерностей его функционирования, своеобразный ключ к формулировке таких закономерностей. Однако в случае языковой личности исследователь оказывается перед новым вариантом старой проблемы курицы и яйца: что сначала – личность или ее язык/речь?

С одной стороны, нужно знать, какие «нефилологические» свойства личности являются релевантными для характеристики закономерностей устройства и функционирования индивидуальных языка/речи; с другой стороны, нужно знать, какие свойства языка/речи данной личности релевантны для характеристики ее «нефилологических» свойств.

Приведем пример. Ю.Н. Караулов отмечает, что «надежно восстанавливается только состав идиолексикона, но не его структура» [Караулов 1987: 103]. Однако структура лексикона и не может быть уста-

новлена в ее собственных рамках, как невозможно установить, скажем, систему фонем, оставаясь в рамках звукового уровня. Структура лексикона обуславливается структурой личности (не языковой, а «целостной»!), но в то же время о структуре этой личности мы можем судить, в частности, на основании анализа ее лексикона собственно лингвистическими методами. Только челночное движение – от «неязыковой» личности к «языковой», от языковой к неязыковой и т.д. – позволяет приблизиться к определению близкого к истине состава и структуры лексикона, который воссоздается одновременно со структурой личности как целого, причем результаты, связанные с воссозданием состава и структуры лексикона личности и личности «как целого» должны находиться в отношениях взаимоинтерпретируемости и взаимоверифицируемости.

В каких терминах характеризовать эту, коррелятивную языковой, «неязыковую» (но все-таки «филологическую») личность?

Проблема метаязыка – это проблема способа интерпретации и интерпретируемости получаемых в результате лингвистического анализа результатов. В каких терминах интерпретировать? Если сведения имеют вид, скажем, алфавитного словаря языка писателя (вроде словаря языка Пушкина), то их информативная ценность с точки зрения обозримости данных о личности весьма невысока. Если попытаться упорядочить этот материал в виде *идиотезауруса* языка писателя, то оказывается трудно-разрешимой уже начальная проблема «входного» списка дескрипторов (заглавных слов статей/полей). Какова, скажем, мера индивидуализированности такого списка? Должны ли такие списки дескрипторов для разных авторов быть разными с некоторой (сравнительно небольшой) общей частью (и какова тогда эта общая часть?) или, напротив, тождественными (один набор для всех идиотезаурусов) при некотором количестве полей (статей) с нулевым наполнением на фоне богатых одноименных статей у другого автора? Однако даже если такой общий список и будет получен, то, скорее всего, окажется довольно обширным (ср., например, список дескрипторов в «Русском семантическом словаре» [1982]) и неизбежно возникнет задача объединения отдельных статей в блоки. Каков тогда набор «архидескрипторов», выступающих в качестве именовании отдельных блоков авторских идиотезаурусов?

Метаязыковая проблема исчисления типов «личностей филологических» – это одновременно и проблема компактного и точного по своей внутренней форме терминологического именования человека, один из тех вызовов гуманитаристике, с которой она не может удовлетворительно справиться на протяжении многих веков. Многочисленные определения *homo* как «человека частичного» отзываются – как в качестве одной из причин, так и в качестве следствия – в многочисленных социально-политических, психологических, экономических, экологических и иных катаклизмах, на которые особенно урожайным оказался XX век.

В современной гуманитаристике бытует множество латинских и/или латинизированных квазитерминологических характеристик человека – как общеизвестных, так и сравнительно редких (см. [Волков 2013]). Негласно предполагается, что их совокупность дает некое «целостное» представление о человеке с инициальным обожествляющим разум именованием *homo sapiens*.

Однако свойство «разумности», фиксированное в этом именовании, едва ли может претендовать на главное свойство человека. Очень точно пишет об этом Г. Чхартишвили в книге «Писатель и самоубийство»:

«Из трех характеристик, при помощи которых человек пытается определить свое принципиальное отличие от прочих представителей земной фауны (“рациональное животное”, “развлекающееся животное” и “творческое животное”), главной, пожалуй, все-таки является третья.

Человечество как вид рациональным никак не назовешь – на протяжении своей истории оно только и делало, что само себя истребляло, а в двадцатом веке христианской эры чуть было вообще не уничтожило жизнь на планете. Что до склонности к игре, то и она не так уж уникальна. Собака тоже играет с мячом, а кошка развлекается с мышкой.

Homo sapiens не так уж разумен, не обладает монополией на игру, но зато всякий человек, даже самый неумный и скучный, хоть что-нибудь да создает – из куска дерева, из камня, из сочетания звуков, из абстрактных символов» [Чхартишвили 2011: 1, 299].

Трудно согласиться, что «творческое» – главное в человеке. Хотя бы потому, что «творческое» часто и разрушительно, и саморазрушительно – вопреки всякому разуму.

Восприятие характеристики *homo sapiens* как претенциозной отражает кризис попыток секулярной гуманитаристики найти компактное определение человека, а обвальная рост различных *homo*-определений – знак бессилия найти ядро его целостности.

«Частичный человек», как правило, характеризуется через его взаимосвязь с отдельными науками и явлениями действительности, которые хорошо соотносятся с первыми основополагающими рядами делений библиотечно-библиографической классификации – биологией, историей, экономикой, политикой, религией, этикой и т.д. (см. [Библиотечно-библиографическая классификация 1997]), с основополагающими видами человеческой деятельности (познавать, творить / созидать, действовать и т.п.). Аспекты человеческого «я» по сложившейся традиции обозначаются субстантивно-причастными, субстантивно-адъективными или субстантивно-субстантивными словосочетаниями типа *человек познающий, человек созидающий, человек свободный, человек будущего, человек в измерениях культуры* и т.п. (см., например: [Энциклопедия для детей 2004]). Латинские и/или латинизированные характеристики выступают как особый «знак признания» именуемого таким образом аспекта.

Это палеоантропологические характеристики *homo erectus* ‘прямой, «человек прямоходящий»’ и *homo habilis* ‘умелый’ (высокоразвитый австралопитек), физиологические по своей сути *homo libidos* ‘сексуальный’, *homo addictus* ‘аддиктивный’ и *homo degeneratus* ‘человек деградирующий’, акцентирующие способность/неспособность к учению *homo educandus* ‘человек обучающийся’ и *homo ignarus* ‘невежественный’, фундирующееся на марксистском представлении о способности к труду как важнейшем свойстве человека *homo faber* ‘человек-мастер, «человек умелый», «человек-производитель», «человек деятельный»’, которое в современных условиях редуцируется в *homo technicus* и *homo technologicus* ‘человек технический / технологический’, далее в *homo informaticus*, *homo interneticus* ‘человек Интернета’, затем в *homo gamer* ‘человек-игрок (в компьютерные игры)’ и *homo electronicus* – ‘человек виртуальный’, подобие киборга; социальные аспекты человеческого «я» отображаются в именовании *homo socialis*, *homo socius* ‘общественный’ (и даже *homo sociologicus* ‘социологический’), *homo institutionis* ‘институциональный, «человек институций»’, *homo civis* ‘человек-гражданин’, *homo communis* ‘обыкновенный’, вплоть до *homo soveticus*, *homo post-soveticus* и вернувшееся в обиход древнеримское *homo novus* ‘человек новый’; к *homo socialis* органически примыкают *homo ideologicus* ‘идеологический, «человек идеологии, идеи»’ и *homo politicus* ‘человек политический’ и мн. др.; ироничные суммарные характеристики всей этой многоликой совокупности – *homo errans* ‘человек заблудившийся’ (в самом себе и в мире), предстающий как *homo zwischens* (< нем. *zwischen* ‘между, среди’), отягощенный противоречиями «междубытия».

«Расчлененного», «аспектного» человека удобно изучать в отдельных науках, но следование соблазну свести его существо к какой-нибудь простой формуле типа *homo habilis*, *socius*, *sapiens* и т.п. ведет к утрате целостности. Расширенно используя слова С.Н. Булгакова, имевшего в виду не науку в целом, а «схемы Канта», можно сказать, что научные схемы «годны, чтобы характеризовать не человека вообще со всей неисчерпаемой полнотой его духа, но только “научного человека”, т.е. всего одну сторону этого духа и его деятельности» [Булгаков 2008: 12]. Тем не менее, перечень аспектов человеческого «я» в *homo*-именованиях, как и иерархизированный перечень потребностей в рамках «пирамиды Маслоу», в эвристическом отношении очень ценны, поскольку задают необходимые «аксиологические векторы» человеческого существования в рамках различных Миров, в которых человек оказывается.

Типология языковых («филологических») личностей, коррелятивная типологии Миров, может строиться на основе тех характеристик, которые являются равно существенными и для самой личности, и для Мира, где она живет и/или который она творит. Эти параметры известны в философии (и в гуманитарном знании в целом) под названием «сферы

(формы) духовной жизни общества» (религия, искусство, наука, мораль, право и др.). Поскольку жизнь общества совершается только через жизнь отдельной личности, то эти сферы, будучи сферами общественной жизни, одновременно являются и аспектами (модусами) существования каждого индивидуального «я».

Не вдаваясь в детали конструирования списка таких аспектов (перечень форм духовной жизни плюс основных гуманитарных наук, оценка антропологической и филологической релевантности каждого аспекта как потенциального «человекотипа»), сразу сообщим полученный нами результат (ср. [Volkov 1991]). Ядро аспектов «филологической личности» и одновременно основных филологически релевантных «человекотипов» может иметь следующий вид:

- 1) «человек витальный»;
- 2) «человек социальный»;
- 3) «человек эмоциональный»;
- 4) «человек когнитивный»;
- 5) «человек аксиологический»;
- 6) «человек этический»;
- 7) «человек эстетический»;
- 8) «человек религиозный».

Очевидно, что этот список открыт и в принципе тяготеет к регрессии в бесконечность. В самом деле, почему бы, имея в виду определенные человеческие пристрастия, не говорить о «гастрономической личности» (кто что любит готовить и есть), о «грибной личности», «спортивной личности» и т.д.?

Разные аспекты человеческого «я» складываются и функционируют в контакте с биологическими, социальными, этическими, эстетическими и иными аспектами среды, в которую погружена личность, и в силу этого оказываются коррелятивными соответствующим аспектам структуры Мира, как она осознается человеком и человеческими сообществами. «Человекотипы» определяются **доминантой отношения** к чему-либо – к другим людям, природе, искусству, самому себе, вопросам морали и т.д. «Мощность» личности при этом может быть разной: одному нужнее всего микроуспехи в его микрохобби (например, собирать лучше всех грибы или знать все о футболе), другому – «весь мир».

Подчеркнем, что первый из названных аспектов («человек витальный») – не обязательно самый важный, а неназванный «человек сексуальный» – несуществен. Разные школы в гуманитаристике считают базальными разные аспекты «я»: скажем, марксистская психология основным считает социальный аспект (человек как член общества), а психоанализ Фрейда – сексуальный. У разных реальных людей, у разных авторов или их персонажей на первый план выдвигаются разные стороны личности – как названные, так и неназванные. Выступая как доминант-

ные, ключевые аспекты в значительной мере обуславливают содержание остальных (и наоборот, остальные аспекты содержательно характеризуют один или несколько доминантных).

Разумеется, личность не сводится к одному-единственному аспекту (модусу существования). «Филологическая личность» каждого «я» (равно как и «неязыковые Я») – как матрешка или слоеное пирожное, вроде «наполеона». Отдельные «я» различаются как набором значимых «слоев личности», так и «весом» каждого слоя, и порядком их следования (иерархией значимости). У одного наружная «матрешка» – «человек социальный», как в случае с Алексеем Александровичем Карениным из романа Толстого, главное для него – социальные контакты и возможность реализовать себя в общественной, политической деятельности. У другого верхний, главный «слой» (хотя, собственно, какой слой «главнее» – верхний или нижний, вроде фундамента в здании?), как у Анны Карениной после встречи с Вронским, – «человек эмоциональный», для которого главное – возможность реализовать себя в эмоциональной жизни (у Анны – в любви). Но в каждом «социальном» человеке есть и «человек эмоциональный» (матрешка сразу под верхней или, может, самая маленькая и незаметная), в каждом «эмоциональном» – что-то от «человека социального» или «сексуального» и т.д.

Совокупность разноаспектных свойств (нечто от «человека социального» плюс нечто от «человека этического» и т.д.) составляет индивидуальность.

***Homo vitalis* и *homo socialis* как предмет прагматистики текста**

Мы привыкли к характеристике *homo sapiens* ‘человек разумный, знающий’ и нечасто вспоминаем, что доминантными качествами индивида могут быть совсем иные – в зависимости от того, на какой части «пирамиды Маслоу» центрируется его «я». Несравненно чаще *sapiens*’а встречаются иные типы: в частности, *homo vitalis* ‘жизненный’ – человек, центр интересов которого – физиологические, в узком смысле витальные потребности (воздух, вода, пища, жилище, сон, секс), и *homo socialis* ‘общественный’, содержание которого сводится к сумме социальных ролей, а устремленности – к расширению их спектра, желательно в направлении «верха» социальной иерархии.

Один из основателей современной социологии П.А. Сорокин еще в 1941 году в работе «Кризис нашего времени» поставил диагноз общей болезни западного человечества: «...главный вопрос нашего времени не противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, капитализма и коммунизма, пацифизма и милитаризма, интернациона-

лизма и национализма, а также не один из текущих расхожих вопросов, которые ежедневно провозглашаются государственными деятелями и политиками, профессорами и министрами, журналистами и просто уличными ораторами. Все эти темы не что иное, как маленькие побочные вопросы – всего лишь побочные продукты главного вопроса, а именно: чувственная форма культуры и образа жизни против других форм» [Сорокин 1992: 432].

С тех пор проблема обрела невиданную остроту. Филология должна внести в поиск решения свою лепту, основываясь, в частности, на представлении о том, что своеобразие человеческого «я» может быть выявлено средствами прагматистики текста [Volkov 1991], в фундаменте которой – намеченное в Пражской лингвистической школе представление о семантической доминанте, выражающей некий личностно значимый для автора (и/или персонажа, и/или читателя) смысл (еще в 1932 году Я. Мукаржовский писал: «Доминантой является тот компонент произведения, который приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов» [1967: 411]). Доминанты складываются в «семантические макроструктуры» [Дейк 1989], которые можно отобразить в виде (квази)идиотезаурусов текста (или его фрагмента), затем интерпретировать в рамках «концепции целого».

Так, в поэме Е. Евтушенко «Фуку!» семантическая доминанта агрессивного зла, замешанного на глобализации витального, публицистически остро развивается от мотива нищеты как зла социального до мотива фашизма как зла всеобъемлющего. Лингвистический маркер этой доминанты – метафора «агрессивное зло – как крыса». В трущобных районах Каракаса «крадется за крысой крыса / в горло младенцу голодному вгрызться»; во всем мире «брюхо набили крысы-ракеты / хлебом голодных детишек планеты»; важнейшим истоком зла является «окрысение» власть имущих. Логическое следствие «окрысения» – «всемирный кризис пожираний», который, с одной стороны, порождает Гитлера, что «был мышью-полевкой, доросшей до крысы», с другой – тоску «по некрысности, небиванью», надежду на то, что заиграет в чих-то добрых руках волшебная «дудочка крысолова».

Социальные характеристики в ответе на вопрос «Кто я/ты/он?», как правило, предшествуют психологическим и идут параллельно с витальными. В обиходном сознании «я» – это прежде всего, скажем, мужчина, приблизительно сорокалетний, плотного телосложения, анестезиолог, отец двоих детей, и только потом – человек уравновешенный (вероятно, флегматик), с хорошей памятью на цифры и неважной на слова и т.д. Аналогично строятся и характеристики персонажей художественной литературы, особенно наглядно – в классической литературе XIX века, где вводное «представление» героя читателю часто включает сначала существенные «витальные» характеристики (внешность, одежда), затем

«социальные», как, например, в первых двух абзацах романа И.С. Тургенева «Рудин»:

«К этой деревеньке, по узкой проселочной дорожке, шла молодая женщина, в белом кисейном платье, круглой соломенной шляпе и с зонтиком в руке. Казачок издали следовал за ней.

Она шла не торопясь и как бы наслаждаясь прогулкой. Кругом, по высокой, зыбкой ржи, переливаясь то серебристо-зеленой, то красноватой рябью, с мягким шелестом бежали длинные волны; в вышине звенели жаворонки. Молодая женщина шла из собственного своего села, отстоявшего не более версты от деревеньки, куда она направляла путь; звали ее Александрой Павловной Липиной. Она была вдова, бездетна и довольно богата, жила вместе со своим братом, отставным штаб-ротмистром Сергеем Павлычем Волинцевым. Он не был женат и распорядился ее именем».

Как видим, здесь «витальное» и «социальное» – рядоположны и относительно независимы, их взаимосвязь не акцентируется. Акцентировка взаимосвязи может вести либо к противопоставлению «биологического» и «социального», либо к анализу их взаимосвязи в составе целого.

Извечен спор гуманитариев: что лежит в фундаменте личности – биологическое или социальное? В истории психологии человека – «натуралистические теории» в противоположность «социологическому направлению» (см. [Леонтьев 1981: 350–357]). В современной гуманитаристике проблема соотношения биологического и социального решается «конъюнктивно», через «и»: есть и то, и другое, при доминировании социального, что и отличает человека от животного.

Признавая это, подчеркнем, что в разных типах личности (а не в усредненной «личности вообще») соотношение витального и социального может быть весьма различным. Критикуя «натуралистические теории», А.Н. Леонтьев в качестве одного из аргументов против «биологизаторского подхода» указывал, что он ведет к утилитаризму и прагматизму: «Утилитаризм, прагматизм представляет собой *необходимое* следствие механического переноса на уровень человека биологических взаимоотношений – ведь животные действительно являются как бы “практическими прагматиками” в том смысле, что для регуляции их поведения нет иных оснований, кроме биологической полезности. Но ведь для них не существует и тех проблем, которые стоят перед человеком и человечеством» [Леонтьев 1981: 353].

Не возражая, спросим: а разве для утилитарно, узкопрагматически ориентированной личности существуют «те проблемы, которые стоят перед человеком и человечеством»? Наиболее вероятно, что существуют, но в архиредуцированном виде, в той мере, в какой они связаны с повседневными заботами этого индивида.

Может быть, само противопоставление «натуралистической» и «социологической» школ вполне относительно, поскольку в рамках первой рассматривается один тип личности, а в рамках другой – иной тип?

В романе В. Орлова «Альтист Данилов» есть любопытнейший второстепенный персонаж – некто Кудасов, о котором известно лишь то, что он любит поесть и что он «лектор». Что он за «лектор», где читает свои лекции и на какие темы, остается неизвестным, зато первая составляющая кудасовского «я» разрабатывается Орловым с большим вкусом и тонким юмором.

Вот как автор представляет своего героя:

«На обеды, выпивки и чаепития у Кудасова особый нюх. Стоит ему повести ноздрей – и уж он сразу знает, у кого из его знакомых какие куплены продукты и напитки и к какому часу их выставят на стол. Еще и скалтерть не достали из платяного шкафа, а Кудасов уже едет на запах трамвая. Иногда он и ноздрей не ведет, а просто в душе его или в желудке звучит вещий голос и тихо так, словно печальная тень Жизели, зовет куда-то. Чувствует Кудасов и то, как нынче будут кормить и поить гостей, и если будут кормить скудно и невкусно, без перца, без пастилы к чаю или без ветчины от Елисеева, то он никуда и не едет. Но насчет обедов для Данилова, да и ужинов и завтраков, тоже у него сомнений нет. Тут все по высшему классу! Тут как бы не опоздать ж не дать угощениям остынуть. Тут своему нюху и вещему голосу Кудасов не доверяет, мало ли какие с теми могут случиться оплошности. Он с утра смотрит в афишу театра и догадывается: играет сегодня Данилов на своем альте или не играет. Весь репертуар Данилова ему известен. Обязательно Кудасов звонит и в театр: “Не отменен ли нынче спектакль?” Кудасов знает, что Данилова будут кормить у Муравлевых и в связи с отменой спектакля.

Кудасов и сам не бедный, он лектор, а вот тянет его кушать на леди. При этом он так устает от слов на службе, что за столом становится совершенно безвредным – молчит и молчит, только жует и глотает, лишь иногда кое-что уточняет, чтобы чья-нибудь шальная мысль не забежала горяча слишком далеко и уж ни в коем случае не свернула за угол. Молчит и его жена, но она неприятно чавкает» [Орлов 1988: 3-4].

Если развернуть идиотезаурус (индивидуальную картину мира) этого персонажа, открывается забавное зрелище: весь мир вращается вокруг когнитивного центра «есть/кормить»: где кормят (где можно поесть), чем кормят (что можно съесть), когда кормят, как добраться к месту кормления, каково качество еды и т.д. Квазитезаурусное отображение ядра кудасовского «я»: «виды кормежки»: *обеда, выпивки, чаепития*; «как узнать о кормежке»: *стоит... повести ноздрей, в душе... или в желудке звучит вещий голос*; «вкусно – это»: *с перцем, пастилой к чаю, ветчиной от Елисеева*; «чего избегать нужно»: *опоздать, дать угощениям остынуть* и т.д.

Кудасов – частный случай «человека витального», – «человек гастрономический», причем разновидность последнего с единственной доминантой «наесться», – иными словами, *чревоугодник*, то есть лицо, страстное к вкусной и обильной пище. Если же доминанта «наесться» контаминирует с доминантой «получить наслаждение, сродни эстетическому», то это уже иной «гастрономический» тип – *гурман*, то есть любитель и ценитель тонких изысканных блюд, и его картина мира – иная.

Типичный гурман – некто Амвросий из романа Булгакова «Мастер и Маргарита», завсегдатай Грибоедова – ресторана московской писательской организации МАССОЛИТ.

«...Качеством своей провизии Грибоедов бил любой ресторан в Москве, как хотел, и... эту провизию отпускали по самой сходной, отнюдь не обременительной цене.

Поэтому нет ничего удивительного в таком хотя бы разговоре, который однажды слышал автор этих правдивейших строк у чугунной решетки Грибоедова:

– Ты где сегодня ужинаешь, Амвросий?

– Что за вопрос, конечно, здесь, дорогой Фока! Арчибалд Арчибалдович шепнул мне сегодня, что будут порционные судачки а натюрель. Виртуозная штучка!

Умеешь ты жить, Амвросий! – со вздохом отвечал тощий, запущенный, с карбункулом на шее Фока румяногубому гиганту, золотисто-волосому, пышнощекому Амвросию-поэту.

– Никакого умения особенного у меня нету, – возражал Амвросий, – а обыкновенное желание жить по-человечески. Ты хочешь сказать, Фока, что судачки можно встретить и в “Колизее”, Но в “Колизее” порция судачков стоит тринадцать рублей пятнадцать копеек, а у нас – пять пятьдесят! Кроме того, в «Колизее» судачки третьедневочные, и, кроме того, еще у тебя нет гарантии, что ты не получишь в «Колизее» виноградной кистью по морде от первого попавшего молодого человека, ворвавшегося с Театрального проезда. Нет, я категорически против “Колизея”, – гремел на весь бульвар гастроним Амвросий. – Не уговаривай меня, Фока!

– Я не уговариваю тебя, Амвросий, – пищал Фока. – Дома можно поужинать.

– Слуга покорный, – трубил Амвросий, – представляю себе твою жену, пытающуюся соорудить в кастрюльке в общей кухне доме порционные судачки а натюрель! Ги-ги-ги!.. Оревуар, Фока!- И, напевая, Амвросий устремился к веранде под тентом.

Эх-хо-хо... Да, было, было!.. Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова! Что отварные порционные судачки! Дешевка это, милый Амвросий! А стерлядь, стерлядь в серебристой кастрюльке, стерлядь кусками, переложенными раковыми шейками и свежей икрой? А

яйца-кокотт с шампиньоновым пюре в чашечках? А филейчики из дроздов вам не нравились? С трюфелями? Перепела по-генуэзски? Девять с полтиной! Да джаз, да вежливая услуга! А в июле, когда вся семья на даче, а вас неотложные литературные дела держат в городе, – на веранде, в тени вьющегося винограда, в золотом пятне на чистой скатерти тарелочка супа-прентаньер? Помните, Амвросий? Ну что же спрашивать! По губам вашим вижу, что помните. Что ваши сижки, судачки! А дупеля, гаршнепы, бекасы, вальдшнепы по сезону, перепела, кулики? Шипящий в горле нарзан?! Но довольно, ты отвлекаешься, читатель! За мной!...» (Булгаков, 1988, т. 2, с. 384-385).

В центре картины мира Амвросия, в отличие от кудасовской, – не «есть/кормить», а «есть/наслаждаться»; другие существенные отличия – неактуальность параметра «где поесть»: Амвросию точно известно, что есть он будет только у Грибоедова – и нигде больше; неактуальны и параметры «когда», «как добаться»; вместо параметра «качество еды» – «качество наслаждения едой». Вместо параметра «чем кормят» у гастронома Амвросия – «что поесть», и реализуется он несравненно богаче и разнообразнее, чем у непритязательного чревоугодника Кудасова, ср.: *порционные судачки а натюрель, филейчики из дроздов, перепела по-генуэзски, суп-прентаньер*... Кроме того, поле «есть/наслаждаться» у гурмана Амвросия включает обязательные составляющие «комфорт и безопасность»: не думать о возможности получить «виноградной кистью по морде», *серебристая кастрюлька, веранда, тень вьющегося винограда, чистойшая скатерть*; «качество обслуживания»: *вежливая услуга*; и – едва ли не главное – «душевное состояние во время еды». Этот параметр представлен не прямыми именованиями типа «наслаждаюсь», а косвенно – во-первых, обилием восклицательных предложений, в которых оценивается качество пищи и обслуживания, ср.: «Виртуозная штука!», «Да, было, было!..», «Ну что же спрашивать!», «Шипящий в горле нарзан?!» и др.; во-вторых, оценочной лексикой – как мелиоративной, так и пейоративной (с общеязыковыми и контекстуальными коннотациями), относящейся к качеству пищи и обслуживания: ср., с одной стороны, лексемы с пейоративным ореолом *третьедевичные, соорудить, кастрюлька, общая кухня, дешевка*, с другой – мелиоративные *судачки, штука, филейчики, тарелочка* и др.

Разумеется, радикально различаются чревоугодник Кудасов и гурман Амвросий и манерой поведения за столом: хотя в романе Булгакова мы не видим, как ест «румяногубый гигант, золотистоволосый, пышнощекый Амвросий-поэт», но невозможно представить, что он, как Кудасов, «молчит и молчит, только жует и глотает...».

О внешности Кудасова в романе В. Орлова мы практически ничего не узнаем: он безлик. Булгаковский Амвросий – напротив, фигура, выплывающая ярко и щедро, сочными живописными мазками. Однако за этими

различиями скрыто единство: безликий Кудасов и румяногубый Амвросий, вероятнее всего, одинаково бездарны в главной своей работе – как «лекторской», так и поэтической; их призвание в другом – в потреблении пищи.

«Человек витальный» сравнительно редко выступает в художественном тексте «в чистом виде»; как правило, «витальное» используется в качестве маркера каких-то других свойств и аспектов «я».

В числе доминант поэтики русской классической литературы – «внешность – социальный статус». Характерные примеры – знаменитые гоголевские характеристики и рассказ Чехова «Толстый и тонкий».

Начало чеховского рассказа:

«На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флердоранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей, из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком – его жена, и высокий гимназист и прищуренным глазом – его сын».

Эпитет *толстый* в контексте чеховского рассказа – синоним (контекстуальный заместитель) понятия «высокий социальный статус», *тонкий* представляет «низкий (неввысокий) социальный статус». Уже из цитированного небольшого отрывка видно, насколько внятно-антонимично Чехов разворачивает два сходных по структуре, но разных по составу семантических поля – «толщины» и «тонкости», ср. «обремененность бытом»: никакой обремененности, – *чемоданы, узлы, картонки, жена, сын*; «качество жизни»: губы «как спелые вишни», *херес, флердоранж* (качество высокое), – «навьючен...», «худенькая женщина... – его жена», *ветчина, кофейная гуща* (качество жизни посредственное).

На фоне столь внятного различия характеристика «толстого» и «тонкого» как «двух приятелей» настораживает; последующие события читательскую настороженность оправдывают: ни о каком приятельстве бывших сослассников и речи быть не может, ибо различаются они не только внешностью и другими «витальными» факторами (кто что ест, как живет и т.д.), но и всем душевным строем. Для «толстого» различия социальных статусов в момент встречи старых приятелей не существует: он «восторженно глядит на друга» хотя, не может не видеть, что тот явно не преуспел в жизни. Для «тонкого» различие социальных статусов – абсолютное препятствие для дружеского общения; от бывлой привязанности и прекрасных воспоминаний не остается и следа, а на лице – лишь «благоговение, сладость и почтительная кислота».

Как видим, в контексте рассказа линия «внешность – социальный статус» развивается дальше: «внешность – социальный статус – психо-

логическое состояние», и эпитет *тонкий* обогащается новым контекстуальным смыслом: не только «относящийся к липу с невысоким социальным статусом», но и «...со слабо развитым чувством собственного достоинства, с неразвитой духовностью».

«Витальная» доминанта может выступать в качестве своеобразного концептуального стержня и в гораздо более емких и детализованных художественных конструкциях, чем короткий рассказ молодого Чехова.

Та же пара эпитетов – *толстый* и *тонкий* – у Гоголя в «Мертвых душах» выступает как основание типологии губернских чиновников, своеобразного «тезауруса типов и свойств чиновников».

Процитируем этот известный отрывок:

«Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни тоненькие, которые всё увивались около дам; некоторые из них были такого рода, что с трудом можно было отличить их от петербургских, имели так же весьма обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц, так же небрежно подседали к дамам, так же говорили по-французски и смешили дам так же, как и в Петербурге. Другой род мужчин составляли толстые или такие же, как Чичиков, то есть не так чтобы слишком толстые, однако ж и не тонкие. Эти, напротив того, косились и пяtilись от дам и посматривали только по сторонам, не расставлял ли где губернаторский слуга зеленого стола для виста. Лица у них были полные и круглые, на иных даже были бородавки, кое-кто был и рябоват, волос они на голове не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манер “черт меня побери”, как говорят французы, – волосы у них были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленные и крепкие. Это были почетные чиновники в городе. Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно. Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а всё прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрепещит и угнется под ними, а уж они не слетят. Наружного блеска они не любят; на них фрак не так ловко скроен, как у тоненьких, зато в шкастулках благодать божия. У тоненького в три года не остается ни одной души, не заложенной в ломбард; у толстого спокойно, глядь – и явился где-нибудь в конце города дом, купленный на имя жены, потом в другом конце другой дом, потом близ города деревенька, потом и село со всеми угодами. Наконец толстый, послуживши богу и государю, заслуживши всеобщее уважение, оставляет службу, перебирается и делается помещиком, славным русским барином, хлебосолом, и живет, и хорошо живет. А после него опять тоненькие наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских все отцовское добро».

Тонкий юмор всего описания (полнота и худоба – вроде мундира) – лишь внешний; на деле Гоголь характеризует вполне объективные различия между основными типами чиновников, группируя персонажей по забавному, но всеохватному и очень точному исходному «витальному» параметру.

Избегая пространных комментариев, назовем только те детализирующие параметры, которые наслаиваются на «полноту/худобу» и в итоге дают возможность весьма разветвленной, многоплановой характеристики чиновничества (называем в том порядке, в каком эти параметры следуют в гоголевском тексте):

- 1) отношение к женщине («увивались около дам»);
- 2) отношение к собственной внешности и моде («обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды»);
- 3) манеры («небрежно подсадили к дамам»);
- 4) язык («говорили по-французски»);
- 5) времяпрепровождение («вист»);
- 6) типичная должность или характер служебной деятельности («служат больше по особенным поручениям»);
- 7) устойчивость карьеры («уж они не слетят»);
- 8) материальное благополучие («в шкатулках благодать божия»);
- 9) способ завершения карьеры («делается помещиком»);
- 10) отношение к деньгам, нажитому («спускают... все отцовское добро»).

Удивительно, как Гоголь на одной странице сумел обо всем этом рассказать – убедительно, зрительно-объемно, с колоритнейшими деталями, с богатейшим подтекстом, откуда читатель черпает, пожалуй, больше сведений, чем из того, о чем сказано напрямую. И вся эта многоликость характеристики вырастает только из одной «витальной» антонимии: *толстый* – *тонкий*, которая оказывается эффективным эвристическим средством развертки конкретизированного идиотезауруса.

Здоровье как ценность. Вопрос о лингвистических механизмах самовосприятия состояния здоровья / болезни

Взаимосвязь между восприятием себя как здоровым или больным соотносится с так называемой «психосоматической проблемой» – проблемой соотношения психики и тела. У нее множество обличий – медицинское и психологическое, психотерапевтическое и философское, в том числе лингвистическое, психолингвистическое и лингвокультурологическое; о некоторых лингвистических аспектах и пойдет речь далее (см.: [Волков, Волкова 2006]).

Здоровье вполне осознается лишь на фоне своего оппозита (как говорят, о здоровье задумываешься, когда его теряешь). Отсюда и словарные определения *здоровья* через *болезнь*, через «отсутствие беспорядка», ср. классическое толкование «...состояние животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке; отсутствие недуга, болезни» [Даль: 1, 675].

Выдающийся отечественный ученый-медик Р.А. Лурия (1874–1944) в основополагающей работе по медицинской психологии «Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания»¹⁵ (1935) ввел понятие «внутренняя картина болезни» (как больной представляет и переживает свою болезнь, как оценивает ее симптомы и перспективы излечения) [Лурия 1977], которое вплоть до настоящего времени составляет фундамент психосемиотических представлений о болезни (см., например: [Николаева 1987; Тхостов 1993; Психологическая диагностика отношения к болезни 2005]). Медики обычно трактуют внутреннюю картину болезни как «продукт сознания, отражающий болезнь в психике субъекта» [Сирота, Ярославская 2011], то есть как явление, *вторичное* по отношению к болезни. Однако существует и активно используется (особенно в психотерапевтической практике) прямо противоположный подход к болезни – как к явлению, *производному* от направленности сознания, от «внутренней картины» конкретного недуга или от общей психоэмоциональной и лингвокогнитивной установки человека «на болезнь».

Болезнь, как показывают данные медицинских и психологических исследований, – это субъективная реальность и феномен культуры, а не только «организменное событие». Феномен болезни складывается из двух принципиально различных компонентов. Эти компоненты:

- 1) физиологический – «организменное событие», когда «что-то болит», «что-то не так»;
- 2) ментальный – сознание факта болезни, когда человек говорит себе: «Я больна, у меня болезнь».

С формально-грамматической и лингвокогнитивной точек зрения, между выражениями

- 1) *Я болен*,
- 2) *У меня болезнь* –

пропасть: и потому, что грамматические субъекты разные, и потому, что различие субъектов отражает разные механизмы самовосприятия: с одной стороны, страдаю «я сам» – как личность, с другой стороны, агенс – *болезнь* как нечто чуждое, внутри меня поселившееся.

¹⁵ *Иатрогенный* – в совр. написании *ятрогенный* – из гр. гр. *iatro* ‘врач’ (как в сущ. *педиатрия*, *психиатрия*) + *gennaō* ‘родить, производить’ < *genna* ‘происхождение, начало’ > род, поколение’ (ср. *генетика*): заболевание, возникающее как следствие неправильно истолкованных пациентом слов или поведения врача, сведений из медицинской литературы и т.п.

В восприятии «наивного», нерелексивного сознания, эти выражения семантически тождественны: в каждом из них утверждается связь между двумя семантическими представлениями:

- 1) о себе самом;
- 2) о болезни (состоянии болезни).

До момента, пока человек не делает этих утверждений – неважно, только во внутренней речи или вслух, – он субъективно воспринимает себя здоровым. И даже если «что-то болит», боль не ассоциируется с болезнью как таковой. Как только эти утверждения сделаны, самовосприятие, по принципу обратной связи первой и второй сигнальных систем, радикально меняется.

Следовательно, проблема «здоровья и болезни» – это прежде всего проблема самоощущения себя здоровым или больным, проблема внутреннего психологического состояния духовного здоровья.

Таким образом, мы имеем дело с тремя взаимосвязанными, хотя и существенно различающимися феноменами:

- 1) **состояние болезни**, находящее выражение в способах обозначения болевых ощущений, характеристиках физического состояния, в именовании болезней, в характеристиках способов их лечения и т.д. – во всем, что связано со сферой болезней и медицины, как они отображаются в обыденном и научном сознании, в том числе языковом;
- 2) **состояние здоровья**; также находящее свое выражение в различных языковых и речевых единицах, в том числе пословицах, фразеологизмах, песнях, фильмах и т.д.;
- 3) **состояние духовного (психологического) здоровья или неблагополучия**, которое, в свою очередь, также находит языковое и речевое выражение.

Все эти три феномена – субъективные реальности сознания, находящие свое специфическое выражение и в системе языка, и в речевой деятельности.

Как взаимосвязаны эти субъективные реальности?

С раннего детства нам внушают: «В здоровом теле здоровый дух». Призывают заниматься физическими упражнениями, следить за питанием и т.п. В период нынешнего журнального бума выходит множество изданий, рассказывающих о том, как следить за работой организма, открываются все новые спортивные клубы, придумываются новые виды спорта, вроде фитнеса или шейпинга, и мн. др.

Не будем ссылаться на хрестоматийного тургеневского Базарова, идейными наследниками которого, по сути, оказываются носители этого «телоцентрического» взгляда на устройство человеческой личности.

Сошлёмся на Писарева, который, как известно, был приверженцем вульгарного материализма. «Можно выразить, пишет он, – смелое пред-

положение, что разнообразие пищи, ведущее за собой разнообразие составных частей крови, служит основанием разносторонности ума и гармонического равновесия между разнородными силами и стремлениями характера» (цит. по: [Лосский 1991: 71]). Более того, он даже считал, что оживленная интеллектуальная деятельность в XVIII в. была результатом потребления возбуждающих напитков – чая и кофе.

И вполне «логичным» в рамках развития данной позиции оказываются призывы употреблять, например, наркотики, потому что они не только «дают кайф», но и стимулируют творческое воображение, делают человека соучастником бытия разных миров и т.д.

Заметим, что, по оценкам некоторых исследователей, одна из задач создателей современной молодежной массовой культуры – всячески пропагандировать наркотики, что эта культура окольными путями финансируется именно наркодельцами (см.: [Маркова 2002]). Как пишет Н.Е. Маркова, услуги дискотек, клубов, продукция рок-исполнителей имеют свой целевой рынок, своих покупателей – молодежь 12-25 лет. Эти потребители группируются вокруг посещаемых ими мест развлечений – дискотек, ночных клубов, баров, кафе, рок-концертов.

Необходимость борьбы с наркоманией понимают все. Но далеко не все осознают, что гораздо важнее бороться с первоисточником наркомании – с представлением о том, что человек – это прежде всего телесное, «организменное», а не духовное существо. Вовсе не ту закономерность имели в виду древние, которая в современном русском переводе получила вид «В здоровом теле здоровый дух». Речь шла об обратном!

Процитируем соответствующее место из X-й сатиры Ювенала [Бабичев, Боровский 1982: 446]¹⁶:

Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом.
Бодрого духа проси, что не знает страха пред смертью,
Что почитает за дар природы предел своей жизни,
Что в состоянии терпеть затрудненья какие угодно, –
Духа, что к гневу не склонен, страстей неразумных не знает,
Предпочитая отраду тяжких трудов Геркулеса
Чувству любви, и пирам, и роскоши Сардапала.

Как видим, стих *Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом* направлен против одностороннего увлечения телесными упражнениями. В настоящее время используется не первоисточник, а «перевёртыш», выступающий против односторонности – в обратном направлении, фактически – против духа.

Как соотносятся взаимосвязанные семантические поля «Болезнь», «Здоровье» и «Духовное здоровье» по их представленности в системе языка (прежде всего обиходного, отражающего реальности обыденного,

¹⁶ Перевод Д. Недовича и Ф. Петровского.

даже «обывательского», а не научного сознания) и в речевой практике носителей языка?

Общий ответ: их соотношение катастрофически неравномерно.

В обиходном языковом сознании, в активном, повседневном лексиконе носителя русского языка, в его речи – множество языковых единиц, связанных с полем «Болезнь», существенно меньше – связанных с полем «Здоровье» и практически ничего, что связано с полем «Духовное здоровье». Даже глагола со значением «быть здоровым» в русском языке нет (в отличие от латыни, где есть глагол *valere* ‘быть сильным, крепким, здоровым’) – на фоне широкоупотребительного *болеть*. Существует *медицина* как гигантская «совокупность научных знаний о болезнях, их лечении и предупреждении» [НБТС 528], но в словарях общеупотребительной лексики нет *валеологии* как «учения о здоровье», – только в словаре иностранных слов, где она трактуется сверх меры широко, как «наука о здоровье, содержащая рекомендации о правильном питании, оптимальном режиме дня, трудовых, спортивных и иных нагрузках, об отношениях человека с окружающей средой и т.п.» [Булыко 2008: 111].

«Здоровье» как субъективная реальность сознания осознается, как правило, лишь на фоне представлений о «Болезни», то есть субъективная реальность Здоровья связывается в сознании носителей русского языка с отсутствием болезней, а не с какой-то самостоятельной сущностью.

Полушутя признают, что «все болезни от нервов», но лечат не нервную систему и тем более не то, что определяет ее функционирование (дух), а пьют таблетки или ходят на процедуры, чтобы «следствие» (?) – телесное нездоровье – отступило.

Огромность, даже необъятность поля «Здоровье» становится очевиднее, если представим, какой круг наук и областей практической деятельности связан с языковыми средствами данного семантического поля.

Прежде всего, это:

- с одной стороны – здравоохранение как сфера практической деятельности и медицина как сфера научного и прикладного знания – прежде всего знания **о физическом здоровье** и телесных недугах, о средствах их лечения;
- с другой стороны – религия как одна из форм общественного и индивидуального сознания и церковь как социальный институт, задача которых – попечение **о духовном здоровье**, выявление недугов душевных (грехов) и содействие человеку в борьбе с ними, в снижении добродетели.

Другие области науки и практики: санитария и гигиена, физкультура и спорт, охрана окружающей среды (экология), и далее – все, что связано с понятием «здоровый образ жизни», включая организацию жилища (выбор мебели, дизайн квартиры и т.п.), способы проведения досуга (полезное для нервов вязание, важные для органов дыхания прогулки

и т.п.), питание – с учетом национальных традиций, индивидуальный особенностей организма... и т.д. и т.п.

С момента «самопризнания» в болезни человек субъективно воспринимает себя больным – и даже если «ничего не болит», всё равно даже привычные проявления организма, не вызывавшие ранее никакой тревоги, начинают ассоциироваться с истинным или мнимым заболеванием.

Тем не менее, современная практика медицины стремится свести всю реальность заболевания к чисто физическим причинно-следственным соотношениям. При этом в стороне остается факт особого семиотического характера, приобретаемого любым субъективным ощущением в контексте болезни: оно начинает означать не только само себя, но и то, что в принципе ему внеположно – болезнь.

Иными словами, человек сначала отметил: «Ой, что-то сердце колю-нуло». А затем продолжил: «Наверное, стенокардия, нужно к кардиологу сходить, кардиограмму сделать. А пока выпьем-ка мы корвалольчику и возьмём таблеточку валидольчика».

Логика этого внутреннего монолога очевидна:

- 1) от простой фиксации болевого ощущения –
- 2) через актуализацию соответствующего фрагмента семантического поля «Болезнь» (а именно, «Сердечные болезни и способы их лечения») –
- 3) к признанию себя больным.

Таким образом, формирование вторичных значений у различных физиологических ощущений связано с существующими в культуре взглядами на болезни, на их причины и механизмы.

Система таких взглядов складывается в поле семантических представлений о БОЛЕЗНЯХ. Это поле, будучи активировано самопризнанием «Я болен / больна, у меня болезнь», начинает управлять процессами восприятия проявлений организма.

С физико-химической точки зрения, в организме не происходит «ничего особенного». Однако ранее привычное, становясь – благодаря актуализации фактов языкового сознания – «знаком болезни», приобретает новые содержательные функции, начинает «убеждать», что субъект действительно болен.

Это мифологизация болезни. И чтобы не болеть, нужно сознавать себя здоровым.

Вопросы и задания

1. Соотнесите этимологическую внутреннюю форму и современные толкования терминов *мотив* и *мотивация*, *аксиология* и *телеология*, представленные в различных филологических профильных словарях (философских, психологических и др.).

2. Раскройте смысл понятий «аксиологическая лингвистика» и «аксиологический потенциал личности» [Полякова 2001].
3. В чем усматривается специфика различных «композитивных ответвлений» лингвистической аксиологии?
4. Как соотносятся различные антропологические модели (религии, искусства, социологии и др.) с иерархией потребностей, известной как «пирамида Маслоу»? В чем существо противоположенных способов интерпретации этой «пирамиды» – при ее прочтении «снизу вверх» и «сверху вниз»?
5. В чем существо методики психолингвистического ранжирования?
6. Заполните представленную в данной главе анкету «Ранжирование жизненных проблем». Сопоставьте свои результаты с представленными в таблицах, постройте развернутую интерпретацию наличных материалов.
7. Найдите самостоятельно *хото-именования*, не отраженные в материалах данной главы, интерпретируйте их.
8. Каким образом может быть скорректирована представленная в данной главе типология «личностей филологических»?
9. Основываясь на материалах русской художественной литературы, постройте возможные интерпретации «человека витального» и «человека социального».
10. Припомните или найдите пословицы, афоризмы или иные прецедентные тексты, отражающие устойчивые представления о здоровье/болезни, интерпретируйте их.
11. Оцените целесообразность использования арт-терапии и лингвотерапии в профилактике и коррекции различных болезненных состояний.

Литература

Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. – 224 с.

Библиотечно-библиографическая классификация: Рабочие таблицы для массовых библиотек. М.: Либерей, 1997. – 688 с.

Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2008. – 640 с.

Волков В.В. Введение в психолингвистику: Пособие по спецкурсу. Ужгород: Ужгородский госун-т, 1994. – 202 с.

Волков В.В. Проблема целостности человека в секулярном и религиозном сознании (Возвращение от *homo sapiens* к *homo religiosus*) // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы

XII Международной научной конференции. Иваново: Изд-во Ивановск. госун-та, 2013. – С. 377–384.

Волков В.В., Волкова Н.В. Концепт «Здоровье»: лингвистические механизмы самовосприятия // Вестник ТвГУ. 2008. № 9(69). Сер. «Филология». Вып 12. Тверь, 2008. С. 93–98.

Гобл Ф. Третья сила: психология Абрахама Маслоу – новый взгляд на человека (главы из книги) // Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – С. 392–463.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. – 452 с.

Данте А. Божественная комедия / Пер. с ит. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. – 627 с.

Данте А. Божественная комедия / Пер. с ит. О. Чюминой. М.: Эксмо, 2007. – 759 с.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

Жванецкий М.М. Собрание произведений: В 5 т. М.: Время, 2009.

Завгородняя А.Л. Творчество как экзистенциальная основа антропологической концепции Н.А. Бердяева в контексте современной гуманитарной культуры: Автореф. дис... канд. культурологии. СПб.: 2009. – 22 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 264 с.

Короткая Т.Я. Проблема ценностных оснований культуры в русской религиозной философии первой половины XX века: Автореф. дис... канд. филос. н. Тверь, 2007. – 21 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981. – 584 с.

Лингвистика и аксиология: Этносемиотрия ценностных смыслов. Коллективная монография. / Рук. проекта Е.Ф. Серебренникова. М.: Тезаурус, 2011. – 352 с.

Лосский Н.О. История русской философии. М.: Сов. писатель, 1991. – 479 с.

Лурия Р.А. Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания. 4-е изд. М.: Медицина, 1977. – 111 с.

Малинкин А.Н. Риккерт // Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. СПб.: Университетская книга; 000 «Алетейя», 1998. – С. 168–169.

Маркова Н.Е. Культуринтервенция. М.: Интернет-издание Вэб-Центра «Омега», 2002. [Электронный ресурс] URL: <<http://www.wco.ru/biblio/books/kulturint/main.htm>>.

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. – 352 с.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – 496 с.

Махов А.Е. Романтизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. – Стлб. 893–902.

Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М.: Прогресс, 1967. – С. 406–431.

Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику: Психологическое исследование. М.: Изд-во МГУ, 1987. – 167 с.

Орлов В.В. Альтист Данилов: Роман. – К.: Музична Україна, 1988. – 431 с.

Полякова А.А. Развитие аксиологического потенциала личности в контексте диалога культур: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 211 с. [Электронный ресурс] URL: <<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2911084>>.

Психологическая диагностика отношения к болезни: Пособие для врачей / Авторы-сост. Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, Э.Б. Карпова, А.Я. Вукс. СПб.: Санкт-Петербургский научно-иссл. психоневрологический ин-т. им. В.М. Бехтерева, 2005. – 32 с.

Сельчёнок К.В. Аксиологическая безопасность и методы ее обеспечения: Научно-исследовательский проект. Минск, 2000. URL: <<http://www.aquarun.ru/ped/axib.html>>.

Сирота Н.А., Ярославская М.А. Внутренняя картина болезни в контексте субъективной реальности болеющего индивидуума [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: Электрон. науч. журн. 2011. № 2(7). URL: <http://mprj.ru/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer04.php>.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

Тхостов А.Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1993. № 1. С. 3–16.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. – 377 с.

Хоружий С.С. Православная аскеза – ключ к новому видению человека: Сб. статей. М.: Вэб-Центр «Омега», 2000. [Электронный ресурс] URL: <<http://www.wco.ru/biblio/books/horuzhy1/Main.htm>>.

Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство: В 2 кн. М.: «Захаров», 2011.

Шеховцова Л.Ф., Зенько Ю.М. Элементы православной психологии. СПб.: ООО Изд-во «Речь», 2005. – 252 с.

Шохин В.К. Аксиология // НФЭ. Т.1. С. 62–67.

Volkov V. Pragmaštylistika textu. Košice: Univerzita P.J. Šafarika, 1991. – 208 s.

Глава 5 КАРТИНА МИРА

О понятии «картина мира»

Понятие «картина мира» в широком, не только филологическом смысле составляет предмет *когнитивной науки (когнитивистики)*¹⁷ («...область междисциплинарных исследований, изучающая познание и высшие когнитивные функции с помощью моделей переработки когнитивной информации. Включает в себя такие дисциплины, как эпистемология, когнитивная психология, исследования в области искусственного интеллекта, психолингвистика, нейропсихология, а в последнее десятилетие также нейрокибернетику и вычислительную нейробиологию» [ЭЭФН 364]), в том числе предмет *когнитивной лингвистики*, представляющей собой «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформации информации» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 53].

В небольшой заметке «Мотивы научного исследования» (1918) Альберт Эйнштейн писал: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головокружительном круговороте собственной жизни» [Эйнштейн 1967: 40].

«*Картина мира*» («образ мира», «модель мира», «картина реальности») относится к числу первичных понятий, основывающихся на интуитивном «схватывании» смысла, и в силу этого практически не поддается корректному логическому определению; в описательной характеристике, это «то, как видит мир человек / люди или другие существа», и эта характеристика в своей сути не отличается от толкования философов: «*Картина мира* – целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер; формируется в обществе в рамках исходных мировоззренческих установок» [Философский словарь 2001: 234].

¹⁷ Когнитивный – от лат. *cognitio* ‘познавание, узнавание, ознакомление > (по)знание, понятие, представление’ < от *cognoscere* ‘познавать, узнавать, постигать, знакомиться’ < *co-* ‘с помощью, при посредстве’ + (*g*)*noscere* ‘знакомиться, познавать, изучать’ (как в словах *гносеология, диагноз, инкогнито, прогноз, реконструкция*), букв. ‘относящийся к познанию».

Картина мира – операциональное понятие самых разных наук, и в этом качестве оно сводит теоретическое знание к эмпирическим процедурам его представления. Например, картина мира в библиографии – это универсальная десятичная (УДК) или библиотечно-библиографическая классификация (ББК, см. [1997]), в химии – периодическая система элементов, в географии – карты, в анатомии – атласы, в ботанике – систематика растений, в лексикографии – различные словари, прежде всего энциклопедические и идеографические, и т.д. (подробный обзор см.: [Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира 1988]). Разумеется, картина мира не сводится к операциональным средствам ее представления, поскольку существует прежде всего «в голове» и лишь затем «на бумаге» или других носителях (альбомы, классеры, глобусы, гербарии, муляжи, словари, хрестоматии, выставки, музеи и т.д.).

Существует множество различных классификаций картин мира. Самое общее представление, принятое в философии науки, связано с разделением *по степени общности* и *по средствам моделирования реальности*. По первому основанию различают всеобщие, частные и единичные, по второму – философские, политические, религиозные, исторические, мифологические, научные, эстетические и иные картины мира (см. [Лебедев 2004]).

Для гуманитаристики как «человековедения» важно различать картины мира **обыденного и научного сознания**. Они строятся на разном исходном материале, формируются на основе различных когнитивных операций, дают различные результаты (табл. 11).

Таблица 11

Различия между обыденным и научным познанием
[Дорфман 2005: 134]

Параметры	Познание	
	Обыденное	Научное
В целом	интуитивное	эмпирическое
Наблюдения	случайные, неконтролируемые	систематические, контролируемые
Свидетельства	субъективные, пристрастные	объективные, непристрастные,
Понятия	смутные, с избыточными значениями	ясные, выделена их специфика и состав
Инструменты	неточные, неопределенные	точные, определенные
Измерения	невалидные, ненадежные	валидные, надежные
Гипотезы	нетестируемые	тестируемые
Установки	некритические, соглашательские	критические, скептические

По разъяснению философов, **научная картина мира** – это «целостный образ предмета научного исследования в его главных системно-структурных характеристиках, формируемый посредством фундаментальных понятий, представлений и принципов науки на каждом этапе ее исторического развития. Различают основные разновидности (формы) научной картины мира: 1) общенаучную как обобщенное представление о Вселенной, живой природе, обществе и человеке, формируемое на основе синтеза знаний, полученных в различных научных дисциплинах; 2) социальную и естественнонаучную картины мира как представления об обществе и природе, обобщающие достижения соответственно социальным гуманитарным и естественным наукам; 3) специальные научные картины мира (дисциплинарные онтологии) – представления о предметах отдельных наук (физическая, химическая, биологическая и т.п. картины мира). В последнем случае термин “мир” применяется в специфическом смысле, обозначая не мир в целом, а предметную область отдельной науки (физический мир, биологический мир, мир химических процессов). Чтобы избежать терминологических проблем, для обозначения дисциплинарных онтологий применяют также термин “картина исследуемой реальности”. Наиболее изученным ее образцом является физическая картина мира. Но подобные картины есть в любой науке, как только она конституируется в качестве самостоятельной отрасли научного знания» [НФЭ 3, 32].

Наука в некотором отношении оппозитивна *культуре*: как часть – целому (поскольку наука – часть широко понимаемой культуры; в наиболее общем представлении, *культура* – это совокупность достижений человечества; накопленный им опыт, воплощенный в материальных и духовных ценностях). Различных «картин мира» в культуре как целом несопоставимо больше, чем в науке, – уже потому, что каждый язык, воплощающий коллективный опыт того или иного народа, отражает специфическую традицию мировосприятия, мироотношения, взаимодействия с миром. Чтобы терминологически дистанцироваться от собственной *научных* представлений о мире, от научной картины мира, используются синонимичные термины *модель мира*, *образ мира* и т.п.

Модель мира применительно к мифопоэтике В.Н. Топоров определяет как «...сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах. М. м. не относится к числу понятий эмпирического уровня (носители данной традиции могут не осознавать М. м. во всей её полноте). Системность и операционный характер М. м. дают возможность на синхронном уровне решить проблему тождества (различение инвариантных и вариантных отношений), а на диахроническом уровне установить зависимости между элементами системы и их потенциями исторического развития (связь “логического” и “исторического”).

Само понятие “мир”, модель которого описывается, целесообразно понимать как человека и среду в их взаимодействии; в этом смысле мир есть результат переработки информации о среде и о самом человеке, причём “человеческие” структуры и схемы часто экстраполируются на среду, которая описывается на языке антропоцентрических понятий. <...> ...М. м. реализуется в различных семиотических воплощениях...» [Мифы народов мира 1988: 2, 161].

В общем случае можно сказать что *научные* картины мира формируются в процессе *познания*, результат этого процесса – научное *знание*; другие картины мира (в частности, мифологические, религиозные, обыденные, эстетические) складываются в процессе *освоения* мира – в ходе эстетической или духовной (в том числе религиозной), производственной или обиходной *практики*, – на основе непосредственного *взаимодействия* с миром, природой, Богом, окружающими людьми, с самим собой, с наукой и культурой.

Мы многое знаем о том, как происходит научное *познание*, этим занимается методология науки, ее эпистемология и философия (см. [ЭЭФН]), – и очень мало о том, как происходит *освоение* мира в других сферах сознания, несмотря на колоссальный опыт и совершенно необозримую литературу, связанную, например, с религиозным опытом или художественным творчеством.

Основная причина – препятствия методологического характера, которые в последние десятилетия преодолеваются в филологии на основе разработки и использования понятия «концепт», развития представлений о «концептосфере языка» – о лингвокультурологической¹⁸ и лингвоконцептуальной картинах мира.

Концепт и концептосфера

Лингвоконцептуальная картина мира фиксирует феномены как обыденного, так и научного, и других видов сознания сознания, включая связанные с ними феномены бессознательного, предсознательного и сверхсознательного – в соответствии со спецификой значения термина *концепт* в лингвокультурологии.

Термин *концепт* – из лат. сущ. *conceptus* ‘накопление (речных вод) > водоём; воспламенение; зачатие, оплодотворение; произрастание; плод (зародыш)’ (в обобщенном смысле букв. «собранное, накопленное»), образованного от гл. *conspicere* ‘собирать, принимать, вбирать в себя, впитывать

¹⁸ *Лингвокультурология* – «научная дисциплина синтезирующего типа, ...характеризуется прежде всего целостным, паритетным и системным рассмотрением культуры и языка как совокупности единиц..., образующих полевые структуры» [Воробьев 2008: 4].

вать, поглощать > представлять себе, воображать > соображать, прикидывать > задумывать, замысливать, затевать', складывающегося из приставки *con-* в значении совместности и непроизводного высокочастотного глагола *capere* 'брать, взять; получать, принимать', к которому восходит значительный ряд производных слов, представленных в том числе в современном русском языке (*касса, капсула, перцепция, принцип* и др.).

Тем самым, этимологическая внутренняя форма сущ. *концепт* несет представление о постепенном накоплении, впитывании, росте [Волков, Кушнир 2009]; его этимологическим семантическим аналогом является *интеллект*: лат. *intellectus* 'ощущение, восприятие > разумение, понимание > понятие, рассудок; смысл, значение' – от глагола *intellegere* 'ощущать, воспринимать, подмечать, замечать > познавать, узнавать, мыслить', складывающегося из приставки *intel-/inter-* в значении 'между, посреди' и глагола *legere* 'собирать; выщипывать, вынимать, извлекать; сматывать, наматывать, скручивать; подбирать, выбирать, набирать; принимать > видеть, различать взором', к которому восходят такие слова, как *интеллигент, интеллигенция, легенда, легион, лекция, селекция*. Таким образом, значение «собрания воедино», «суммирования» того, что накоплено в самом разнообразном опыте, выступает как этимологическая доминанта, и современное прочтение термина *концепт* является своеобразным возвращением – на очередном витке восходящей спирали познания – к исходным латинским смыслам.

Русская калька лат. *conceptus* – сущ. *понятие*, складывающееся из приставки *по-* и связанного корневого элемента *-я-* (в виде алломорфа *-ня-*, как в однокоренных *обнять, поднять* и др., образованное от древнерусского глагола *пояти* 'схватить, взять в собственность > взять женщины в жены' [Степанов 2001: 43], однокоренного широкоупотребительно *иметь* (ср.: *взять / взимать* – от *иметь*; совр. прост. *поиметь*).

На протяжении многих лет в научном обиходе термин *концепт* трактовали через его русскую кальку *понятие*, рассматривая их как синонимы. В последние десятилетия значение термина *концепт* расширилось, ныне его этимологическая внутренняя форма соотносится с *концепция* – из латинского сущ. *conceptio* 'соединение, сумма, совокупность, система > формулировка (редакция) юридических актов; зачатие, принятие семени; словесное выражение', как и *концепт*, образованного от глагола *concipere*.

Однако *концепт* и *концепция* в современной лингвистической терминологии выступают скорее как родственные лишь этимологически, чем как находящиеся в отношениях синхронной производности (или взаимопроизводности). Если сущ. *концепция* воспринимается в общеупотребительном значении «система связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов на одно и то же явление» [МАС 2: 97], в ряду таких лексико-семантических аналогов, как *идея* и *теория*, то

существительное *концепт* приобрело новое самостоятельное значение, соотносительное с *идеями* и *теорией* лишь в отдельных семантических компонентах.

Это новое значение с трудом поддается строгому определению, в силу чего исследователи строят, как правило, описательные характеристики.

Д.С. Лихачев [1993] трактовал *концепты* как индивидуально-личностные смысловые образования, которые замещают в сознании человека значения общезыковые, объективно закрепленные в коллективном языковом сознании и зафиксированные в авторитетных источниках, например, в толковых и энциклопедических словарях. Совокупность концептов образует *концептосферу*.

А.А. Залевская, рассматривая концепт с психолингвистических позиций, как «достояние индивида», предостерегает: «...стремление вывести описание концептов из анализа языковой картины мира... может приводить к фактической подмене исследуемых сущностей конструктами как продуктами научного описания возможных форм репрезентации действительности у человека (понятий, фреймов, схем, сценариев и др.). Образ мира как достояние индивида симультанен, голографичен и многолик, он является продуктом переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании “знания” и “переживания” и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию» [Залевская 2005: 243].

Сжатая, «формульная» репрезентация данной характеристики: концепты – это *перцептивно-когнитивно-аффективные феномены*, составляющие основу коллективного и/или индивидуального языкового сознания, отражающие значительную часть структур бессознательного и сверхсознательного.

Понятие «концепт» ближайшим образом связано с лингвоконцептологией – центральной частью лингвокультурологии, учением о концептах, совокупность которых образует концептосферу языка.

В качестве квазисинонимов *концепта* в профильной лингвокультурологической литературе используются близкие по смыслу именованию, в частности: *лингвокультурема* [Воробьев 2008], *логоэпистема* [Верещагин, Костомаров 1999], *сапиентема* [Верещагин, Костомаров 2005], *мифологема*¹⁹ и др.

Заметим, что художественный текст по своей природе семантически изоморфен концепту, поскольку активизирует в языковом сознании читателя и перцептивно-образные (сенсорные), и когнитивные (в узком смысле слова ментальные), и эмоционально-аффективные структуры.

¹⁹ Термин *мифологема*, органичный для классической филологии и мифологии (ср., например: [Горан 1990; Мифологема женщины-судьбы... 2005]), в последние применяется и для анализа феноменов массового сознания (ср., например: [Туркина 2001]) – но в специфической соотносительности именно с понятием «миф».

Однако конкретный текст в его целостности или его фрагмент как непосредственно данная в момент чтения реальность, как правило, не наделен всеми свойствами концепта как интегральной, обобщенной структуры, окончательно складывающейся лишь на этапе интерпретации. Воспринимается и понимается феномен, «предлежащий» концепту, – в терминологии Пражской лингвистической школы, *семантическая доминанта*, выражающая некий личностно значимый для автора (и/или персонажа, и/или читателя) смысл.

Семантическая доминанта может рассматриваться как «промежуточная интерпретанта» глубинного содержания на пути когнитивного восхождения от внутритекстовых смыслов к концептам и макроконцептам лингвокультуры.

Основной методологический принцип исследования, в формулировке Т.В. Цивьян, – «параллельный анализ структуры модели мира и структуры языка», который «обнаруживает соответствие набора универсальных семиотических оппозиций модели мира набору языковых (лексико-семантических, грамматических) категорий, предполагающее взаимодействие структур в обоих направлениях: от модели мира к языку и от языка к модели мира» [1990: 9].

Система языка, будучи обусловлена объективными свойствами окружающего и закономерностями, «правилами» взаимодействия людей с окружающим, во многом автономна, самодостаточна, что обеспечивает возможность творчества, преобразования мира на основе «языковой игры»²⁰.

Между языковыми средствами и вербализованными в них концептами лежит семантическая доминанта – «промежуточный» феномен, содержательная природа которого, с одной стороны, основывается на языковых значениях, с другой – на обобщенных архетипических смыслах концептуального характера, принадлежащих индивидуально-авторскому и коллективному бессознательному.

Таким образом, в методологическом фундаменте лингвоконцептологии – два противоположенных пути:

- 1) дедуктивный – «от априорно декларированного набора концептуально существенных значений и смыслов – к средствам их реализации»;
- 2) индуктивный – «от текстуально акцентированных языковых средств – к вербализуемым ими концептам».

Оптимальным, разумеется, является «челночный» способ исследования: от дедуктивного к индуктивному – через выявление семантических доминант, затем концептов – и обратно, по принципу взаимоверифицируемости результатов.

²⁰ О роли игры, в том числе языковой, в развитии культуры и цивилизации: [Хейзинга 1997].

Реконструкция картины мира как задача идеографической лексикографии

Наиболее наглядное лексикографическое отображение картина мира находит в идеографических словарях. Термин *идеография* применительно к словаростроению используется в значении, четко соотносящемся с его внутренней формой (буквально – «описание идей», от гр. *idea* ‘общее свойство, понятие, представление’ (ср. *идея*) + *grapho* ‘начертывать, чертить, царапать; рисовать; писать’, ср. *графика, орфография*), а именно: идеографическая лексикография – это теория и практика конструирования словарей, отображающих тематические, семантические, прагматические поля [Волков 1997, 2013b]. В обобщенной характеристике основных принципов тезаурусостроения: «Теоретические основы идеографического словаря разрабатываются как синтез теории семантического поля с принципами ономаσιολογического подхода к изучению лексики» [Караулов 1976: 3].

Идеографические словари называют *тезаурусами* (из гр. *thesaurus* – ‘запас, сокровищница’). Необходимость использования, наряду с привычным *словарь*, этого термина связана с тем, что *тезаурус* предполагает: **структурированность, упорядоченность лексикона – его неотъемлемое, сущностное качество**, которое обязательно должно быть учтено при построении словарей (специально обратим внимание: не при **составлении**, а именно при **построении**, при **конструировании** [Караулов 1981] словарей, то есть при создании их не как **списков слов**, а как **упорядоченных совокупностей** словарных единиц). *Тезаурус общепотребительной лексики* – это лексикографическое отображение *картины мира*, как она складывается в сознании носителей языка.

Базовая лексикографическая единица в случае тематического словаря – тематическое поле, в случае семантического словаря – семантическое поле, а в случае прагматического – прагматическое (эмотивно-ценностное) поле.

Принципиальное различие этих полей в том, что в первом случае параметры членения вербального пространства задаются извне языка (модус существования обозначаемого – внеязыковая действительность), во втором – изнутри, из него самого, исходя из его собственной внутренней логики, в третьем – исходя из логики эмотивно-ценностного мира.

Какова возможная логика создания полного спектра идеографических словарей – то есть словарей, основывающихся на всех трех основных «входах» в лексикон как целостность?

Целесообразно различать тезаурусы естественные и искусственные (рис. 7). Естественный тезаурус – это упорядоченная система языковых единиц, которая сама собой складывается в языковом сознании отдельного человека и народа в целом в результате обобщения множества кон-

кретных «тематических картинок». В этом смысле тезаурус – сумма тех знаний о мире, которые «воплощены в слова», «аккумулированы» в слове. Но в этом смысле термин «тезаурус» – скорее метафора, чем научное понятие. Естественный тезаурус – нечто вроде кибернетического «черного ящика», который существует, работает, но механизмы которого неизвестны.

Рис. 7. Место идеографических словарей в системе лексикографии

Различные лексикографические, грамматические и квазилексикографические построения – списки слов, таблицы, словари и т.д., которые создают лингвисты в попытках осознать и отобразить естественную упорядоченность языковой системы, можно трактовать как тезаурусы искусственные. Они могут совершенствоваться и совершенствуются, как всякая модель, стремясь к полноте отображения реальной сложности оригинала. Первоначальным лингвистическим отображением естественного тезауруса можно считать достаточно полный академический словарь или совокупность филологических словарей, отражающих лексикограмматическую систему языка. Однако это отображение по преимуществу лишь состава, но не структуры естественного тезауруса.

Обычные «академические» словари по отношению к словарям идеографическим – необходимая предварительная база, источник конкретного материала. Идеографический словарь в идеале представляет собой отображение второго уровня, включающее сведения не только о составе, но и о структуре вербального пространства. Как всякое научное построение, он соотносится с естественным тезаурусом как небольшая часть и грандиозное целое, как ограниченная рамками принятых исследовательских процедур и потому условная модель относится к живому организму. Конструирование идеографических словарей как тезаурусов искусственных – одна из необходимых ступеней на пути к осознанию всей сложности реальных структур языкового сознания.

Создание идеографического словаря любого типа предполагает решение трех основных задач:

- 1) определить **состав** тезауруса, то есть список словарных единиц (слов, словосочетаний, фразеологизмов);
- 2) построить исходную **идеографическую классификацию** (именования отдельных классов и подклассов, групп и подгрупп) и получить **перечень дескрипторов** – слов или словосочетаний, выступающих в роли именований отдельных смысловых групп лексики;
- 3) определить **структуру** словарных статей с разными заголовочными словами (дескрипторами), то есть установить **сеть семантических отношений**, связывающих отдельные единицы в пределах той или иной статьи.

Центральная задача – построение классификации – практически тождественна задаче выделения отдельных фрагментов картины мира, как она видится лексикографу. Какой-либо общепризнанной классификации лексических единиц не существует, и в разных словарях используются разные классификационные схемы.

В русско-болгарском тематическом словаре (Бабов, Въргулев, 1961) использована классификационная схема, которую в целях обзорности и удобства восприятия мы представляем в виде таблицы (табл. 12).

В идеографической части словаря «Лексическая основа русского языка» (1984) исходная классификация включает 29 классов и 254 именованных разряда. Не воспроизводя ее целиком, представим в форме компактной таблицы только ее ядро (табл. 13).

Как правило, составители идеографических словарей не разграничивают (ввиду почти полной невозможности сколько-нибудь отчетливо разграничить) классификации тематические и семантические, не говоря уже о выделении «коннотативно-прагматических» классификаций в особую группу.

Несмотря на очевидную условность разграничения «тематического» и «семантического» аспектов картины мира, усилия в этом направлении необходимы.

Таблица 12

**Классификации предметных областей, использованная
в болгарско-русском тематическом словаре
(именования основных классов)**

Человеческое общество		Развитие. Экономический строй. Государство. Организации. Политика. Философия. Религия и атеизм. Правосудие. Оборона. Борьба за мир.
Человек	Развитие человека	Происхождение. Жизнь. Смерть. Биография.
	Тело человека	Наружность. Части тела. Двигательная система. Внутренние системы организма. Кожа и придатки. Органы чувств.
	Психические свойства личности	Интеллект. Эмоциональные переживания. Темперамент. Характер. Волевые черты характера.
	Семья	
Жилище		Дом. Одежда. Обувь.
Забота о человеке		Здравоохранение. Социальное обеспечение.
Экономика	Промышленность	Энергетика. Электропромышленность. Угольная промышленность. Нефтяная промышленность. Металлургия. Металлообработка. Металлы. Машиностроение. Лесная промышленность. Деревообрабатывающая промышленность. Химическая промышленность. Текстильная промышленность. Швейная промышленность. Другие отрасли.
	Сельское хозяйство	Растениеводство. Животноводство. Сельскохозяйственные машины и орудия.
	Строительство	Строительные материалы. Строительные машины. Строительный инструмент. Плотнично-опалубочный инструмент. Строительные работы. Дорожное строительство.
	Транспорт и сообщения	Сухопутный транспорт. Водный транспорт. Воздушный транспорт. Почтовая связь.
	Торговля	
	Финансы	
Просвещение и культура		Образование. Язык и литература. Книга. Радиовещание. Музыка. Изобразительные искусства. Театр. Киноискусство. Цирк.
Физкультура и спорт		Гимнастика. Мотоспорт. Конный спорт. Игры в мяч. Водный спорт. Воздушный спорт. Альпинизм. Зимний спорт. Охота.
Природа	Земля	
	Вещества и энергия	
	Растения	Основные типы растений. Строение растения. Жизнь растений. Сельскохозяйственные растения. Фруктовые деревья и фрукты. Южные растения и плоды. Ягодные. Лекарственные растения. Декоративные растения. Дикорастущие растения. Грибы.
	Животные	Типы животных. Млекопитающие.
	Числа и фигуры	
	Время	

Таблица 13

**Схема идеографической классификации лексики, использованная
в словаре «Лексическая основа русского языка»
(именования основных классов)**

Абстрактные отношения и формы существования материи	1. Существование, бытие. 2. Пространство. 3. Форма. 4. Время. 5. Изменение. 6. Движение. 7. Количество. 8. Качество. 9. Отношение. 10. Порядок. 11. Причинность					
Материальный мир	Общие понятия					
	Неорганический мир					
	Ор-га-ни-чес-кий мир	Общие понятия				
		Растительный мир				
		Животный мир				
	Че-ло-век	Общие понятия				
		Человек как живое существо				
		Че-ло-век как разумное существо	Общие понятия			
			Ощущения и восприятие			
			Эмоциональ-ные, волевые и ин-теллектуаль-ные действия и состояния	общие понятия		
				чувства и эмоции		
				воля		
			интеллектуальные дейст-вия и состояния			
			Душевный склад человека			
			Деятельность человека			
			Поведение человека			
			Чело-век в обще-стве	Человек как общественное существо		
Коммуникация мыслей и чувств						
Отношения в обществе						
Трудовая деятельность человека						
Социальная организация общества						

Причина в следующем. Если речевое **общение** связано по преимуществу с феноменом тематического поля (общение в рамках той или иной предметной области), то речевое **мышление** связано по преимуществу с феноменом семантического поля (операции с понятиями в пределах той или иной смысловой области); если обучение речевому общению связано с понятием **коммуникативная** лингвометодика, то обучение речевому мышлению – с понятием **когнитивная** лингвометодика; если, наконец, в первом случае нам необходим **тематический** словарь, то во втором – **семантический** словарь. Чтобы снять чрезмерную остроту

этого утверждения, можно выразиться иначе: в первом случае необходим тематически ориентированный, а во втором – семантически ориентированный словарь, при всем их значительном и неизбежном сходстве).

Картина мира и лингвометодика: вопрос о тематике и систематике коммуникативных занятий и письменных работ

Узкопрагматичное отношение к урокам родного (русского) языка в общеобразовательной школе – изучать язык ради формальной «грамотности» – ввергает в забвение важнейшую лингвометодическую истину, лежащую в основе мотивации учащихся: язык – основа культуры, знать его – значит владеть волшебным ключиком к ее содержательности.

Одна из причин такого положения – непроработанность лингвометодической проблематики, связанной с развитием спонтанной устной и письменной речи на заданные темы «нелитературного» характера. Иначе говоря, непроработанность проблематики обучения сочинению «по русскому языку», начиная с ее тематики как отображения картины мира.

Поскольку обучению сочинению посвящена огромная методическая литература, высказанная оценка нуждается в пояснениях. Дело в том, что работа по развитию речи в современной основной школе (5–9 классы), во-первых, ориентирована по преимуществу на изложение, а во-вторых, система обучения сочинению основывается не на тематическом, а на функциональном и жанровом принципах. Различаются три основных функциональных типа речи (повествование, описание, рассуждение) и считается полезным для школьников овладеть некоторыми жанрами деловой и публицистической речи (например, объявление, заметка в газету), а далее эта лингвометодическая основа сопрягается с тематикой, выбор которой обусловлен, как принято в таких случаях говорить, «методической компетенцией» (то есть субъективным мнением составителей программ, учебников и пособий).

Если не вдаваться в детали многообразных конкретных учебных программ, обобщенно можно сказать, что систематика сочинений по классам сводится в основном к следующему.

- Описание предмета или животного, повествования и рассуждения на темы из жизни учащихся. Деловые инструкции и объявления.
- Описание помещения, природы; рассказы об увиденном в жизни или на картине. Рассуждения на дискуссионные темы (о поступках людей). Аннотация, отзыв о книге или кинофильме, сочинении или устном ответе учащегося.
- Описание внешности и состояния человека (по личным наблюдениям и по картине), характеристика человека. Сочинения повествова-

тельного характера (по данному началу или концу, на основе данного сюжета, на материале жизненного опыта). Рассуждения на морально-этические темы с доказательством от противного. Заметка в газету, отчет о работе.

- Репортаж о событиях школьной жизни, об открытии или посещении памятника истории или культуры, о каком-либо интересном событии, спортивном мероприятии. Сочинения о человеке (о литературном герое, о знакомом, о себе). Автобиография.
- Рассуждения-объяснения и объяснения-доказательства. Сочинения в публицистическом и художественном стиле с использованием разных типов речи. Заявление, автобиография.

Совершенно очевидно, что этот перечень весьма далек от реального многообразия и той «взрослой» жизни, к которой призвана готовить детей школа, и их «детских» повседневных интересов. Другими словами, работа по развитию речи слабо «связана с жизнью». Энтузиазм учителя в какой-то мере позволяет восполнить недостаток этой связи, но лучше, если в основе такого энтузиазма окажется некое систематизированное представление об основных «сферах бытия».

Основываясь на лингвометодическом опыте отбора «разговорных тем» при обучении иноязычной речи [Скалкин 1981; 1989], построим возможную систематику «сфер бытия», понимаемых как «блоки возможных тем» для устной и письменной работы [Волков 1998; 2005].

1. Человек. Кто я? Кто ты? Кто он?

1. Семья, родословная. Родители, дети, братья, сестры и другие родственники (близкие и дальние). Отношения в семье. Семейные праздники и даты (день рождения, годовщина свадьбы и т.д.). Семейные события, торжественные случаи.
2. Возраст. Внешность (рост, телосложение, части тела, телодвижения, жесты и мимика).
3. Биография (рождение, детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость, смерть).
4. Интеллект (внимание, память, ум, воображение, интересы, способности, умения).
5. Характер и его проявления (отношение к людям, к самому себе, к труду, к своим обязанностям). Черты характера: общительность и замкнутость, вежливость и грубость, гуманность (отзывчивость) и бесчеловечность (черствость), искренность и лживость, лень и трудолюбие, бережливость и расточительство, скупость и щедрость, скромность и надменность, принципиальность и беспринципность, решительность и нерешительность, самообладание и невыдержанность, мужество и малодушие и др. Привычки.
6. Чувства и их выражение. Душевное состояние. Спокойствие и волнение, тревога; счастье и горе, радость и печаль, раскаяние и стыд,

обида и раздражение, злость; смелость и страх, любовь и ненависть, сочувствие и равнодушие, восхищение и разочарование, ревность и зависть и др.

7. Поведение. Поступки и действия.
8. Убеждения, взгляды, мораль.
9. Стремления, идеалы, жизненные планы.
10. Вера, религия.
11. Гигиена и здоровье. Занятия физкультурой. Элементарные медицинские знания (помощь при небольших ранениях, ушибах, обморожениях и т.д.).

II. Страна, город, дом. Материальные условия существования. ***Где я живу? Как я живу? Где и как мы живем?***

1. Моя страна, мой народ. Мой город. Городской район, квартал, улица, парк и т.д. Деревня (поселок, хутор). Окрестности, пригороды.
2. Мой дом: дом, квартира, комната, кухня, мебель, домашняя утварь. Украшения в доме. Гости.
3. Работа по дому, распределение домашних обязанностей между членами семьи (уборка, стирка, приготовление пищи, разнообразные покупки, оплата коммунальных услуг и т.д.).
4. Одежда (женская, мужская, детская), обувь, предметы туалета. Украшения. Мода.
5. Виды материальных доходов (зарплата, стипендия, пенсия, дополнительные заработки и т.д.). Расходы. Сбережения. Планирование семейного бюджета.

III. Учеба. Выбор профессии.

Где, как и зачем я учусь? Кем быть и каким быть?

1. Учеба в школе. Предметы «любимые» и «нелюбимые». Школьные трудности, огорчения и радости.
2. Распорядок рабочего дня.
3. Отношения с одноклассниками. Товарищи, друзья.
4. Виды трудовой деятельности. Разные профессии, специальности.
5. Характер будущей работы. Должность. Карьера.
6. Устройство на работу. Смена занятий.

IV. Увлечения (хобби).

Чем я занимаюсь «для души»?

1. Коллекционирование (марок, открыток, этикеток, моделей автомобилей и т.д.). Собираание книг.
2. Художественная самодеятельность.
3. Художественное творчество (например, живопись).
4. Музыка, танцы. Музыкальная школа или студия. Студия современного или бального танца.
5. Спорт. Спортивные секции, соревнования. Спорт в школе.

6. Садоводство и огородничество. Выращивание декоративных растений.
7. Компьютерная техника и компьютерные игры. Интернет.
8. Туризм, путешествия. Рыбная ловля.
9. Фотография. Кино-, видеолюбительство.
10. Разработка и создание различного рода вещей, предметов, имеющих утилитарное назначение (например, деревянных ложек, полоточек и т.д.).

V. Отдых. Культурные развлечения.

На что я трачу свободное время?

1. Выходной день. Каникулы.
2. Театр, кино, эстрадное представление, цирк, концерт.
3. Музей, выставка.
4. Зоопарк.
5. Экскурсии. Осмотр достопримечательностей.
6. Настольные и другие игры.
7. Чтение: художественная литература, газеты, журналы и др.
8. Телевидение, радио. Любимые теле- и радиопередачи.

VI. Общение с людьми, речевой этикет.

С кем, где и как мы общаемся?

1. Способы именования людей (антропонимика).
2. Обращение, приветствие, прощание. Встречи, расставания, проводы.
3. Поздравление, пожелание, благодарность, извинение, просьба. Выражение сочувствия. Утешение, соболезнование.
4. Согласие, разрешение, отказ, запрещение. Совет, предложение.
5. Приглашение. В гостях.
6. Одобрение, комплимент.
7. Разговор по телефону.
8. Деловое посещение частного лица, учреждения.

VII. Материально-техническая база, структура и институты общества. Как строится «моя большая семья» – общество и государство? Куда идет? Чего добивается? Какими болезнями болеет?

1. Государственное устройство. Конституция. Административное деление страны. Региональная, городская, сельская администрация.
2. Закон. Органы поддержания порядка. Судопроизводство.
3. Экономика, ее структура и характер. Финансы.
4. Промышленность, сельское хозяйство, транспорт.
5. Производственные организации и объединения. Предприятия (завод, фабрика, шахта, стройка, порт и т.д.).
6. Организационная структура предприятия.
7. Система образования.
8. Здравоохранение и социальное обеспечение.
9. Вооруженные силы. Служба в армии.
10. Наука. Научно-исследовательские учреждения.

VIII. Жизнь общества. Как живет «моя большая семья»? Какими событиями? Кем и чем гордится, чего стыдится?

1. История общества и государства, исторические события.
2. Национальные традиции и обычаи.
3. Текущие события, общенациональные кампании (например, выборы).
4. Знаменательные даты и праздники.
5. Деятельность общественных, политических, религиозных, спортивных, благотворительных, детских и юношеских организаций, творческих объединений.
6. События в других странах; культурные, научные и другие связи со странами мира.
7. Люди, которыми мы гордимся.
8. Средства массовой информации (пресса, радио, Интернет, телевидение).
9. Культурная жизнь (театр, кинематограф, изобразительное искусство, художественная литература).

IX. Природа. Как живет мир вокруг нас – от травинки до Вселенной?

1. Растения.
2. Животные.
3. Вселенная. Солнечная система. Планеты и другие космические объекты.
4. Земля. Горы, моря, реки, озера и т.д.
5. Погода, климат.

X. Основы человеческих знаний. Что такое наука – мир знаний? Что влечет меня в ней?

1. Наука и религия, вера.
2. Точные и естественные науки.
3. Гуманитарные науки.
4. Научные открытия и изобретения.
5. Отрасли техники.
6. Научно-технические проекты и планы (в том числе и реализованные).
7. Ученые и исследователи.
8. Прошлое и будущее науки. Проблемы современной науки и техники.

Как видим, в идеале тематика сочинений по русскому языку должна охватывать все основные компоненты языковой картины мира, то есть основные области человеческой жизни, как они отражены в системе русского языка и в русской культуре. Вполне очевидно, что этот идеал, как и всякий другой, недостижим. Насколько к нему удастся приблизиться, зависит и от учителя, и от ученика – от широты его интересов, любви к родному слову и желания разобраться в разных сторонах нашей очень непростой жизни.

Каждую из названных сфер можно конкретизировать в сотнях и тысячах самых разнообразных частных формулировок.

Например, в рамках первой тематической сферы («Человек») возможны такие формулировки (назовем несколько из многих сотен):

- Рассказ о себе.
- День рождения мамы (папы, бабушки).
- Чем измеряются достоинства человека (знаниями, деньгами, профессиональными успехами, семейным благополучием, умением ладить с людьми и т.д.)?

В рамках второй сферы назовем только одну конкретную формулировку: «Нужно ли следить за модой (в одежде, интерьере квартиры, спортивных пристрастиях и т.д.)?»

В рамках третьей сферы («Учеба. Выбор профессии») возможны, к примеру, такие конкретные формулировки:

- Зачем учить математику (литературу, химию и т.д.)?
- Можно ли спорить с учителем (родителями, вообще взрослыми)?

И еще один пример – к четвертой сфере («Увлечения»): «О чем говорит музыка – классическая и современная, танец – классический, эстрадный и “обычный” танец на дискотеке, живопись – “традиционная” и “авангардная”?»

Вопросы и задания

1. Постройте несколько вариантов объяснения (научное, обиходное, энциклопедическое, лексикографическое), *что такое «картина мира»*, в проекции на различную аудиторию (педагогическую, студенческую, школьную, организационно- или производственно-корпоративную, правоохранительную и т.д.).
2. Чем отличаются и в чем сходны обыденное и научное *познание / знание / сознание / картина мира*?
3. Что такое *концепт* и *концептосфера*?
4. Приведите и кратко охарактеризуйте *концепты*, значимые для современного русского языкового сознания.
5. В чем назначение идеографической лексикографии?
6. Какие уточнения следовало бы внести в примеры классификаций, представленные в данной главе?
7. В чем существо проблем, какова методика конструирования учебных тематических словарей русского языка для различных типов учебных заведений (в том числе общественно-политических, искусствоведческих и др.)?
8. В чем существо проблем, какова методика конструирования учебных терминологических словарей русского языка для различных

- типов учебных заведений (по языкознанию, литературоведению, биологии, физике, истории и т.д.)?
9. Как могли бы выглядеть идеографические словари русской морфемки, толковые словообразовательные, этимологические, семантико-словообразовательные словари?
 10. Что представляют собой *квазилексикографические материалы* идеографического типа в преподавании разных учебных дисциплин (языка и литературы, биологии и географии и т.д.)?
 11. Какой может быть методика использования материалов различных филологических словарей (толковых, синонимических, антонимических и иных) в практике преподавания русского языка?

Литература

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – С. 267–279.

Библиотечно-библиографическая классификация: Рабочие таблицы для массовых библиотек. М.: Либерия, 1997. – 688 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. – 1040 с.

Волков В.В. Внутренний лексикон и идеографические словари: Пособие для студентов и учителей. Тверь: Тверской госуниверситет, 1997. – 116 с.

Волков В.В. Как писать сочинение: Пособие для учащихся, учителей и родителей. Тверь: ЧуДо, 1998. – 99 с.

Волков В.В. Сочинение по русскому языку: Тематика и систематика // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология», Вып. 2(8). Тверь, 2005. – С. 102–107.

Волков В.В., Кушнир О.Н. Лингвоконцептология и лингвоконцептография: аспекты взаимодействия // Стратегии исследования языковых единиц: Материалы Тверской международной научно-практической конференции. Тверь, 2009. – С. 3–9.

Волков В.В. Полиmodalность языковой картины мира в антропоцентрической лингвистике // Тенденции и инновации современной науки: Материалы VI Международной научно-практ. конференции (тезисы докладов). Краснодар, 2013а. – С. 20.

Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста: Курс лекций. Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013b. – 147 с.

- Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография. М.: РУДН, 2008. – 336 с.
- Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. – 335 с.
- Дорфман Л.Я. Методологические основы эмпирической психологии: от понимания к технологии: Учеб. пособие. М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2005. – 288 с.
- Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. – С. 234–244.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
- Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. – 431 с.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. – 356 с.
- Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. – 368 с.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. № 1. – С. 3–9.
- Попова З.Д. Концептуальная природа абстрактных понятий // Вестник Воронежского государственного университета. – Сер. «Гуманитарные науки». 2003. № 1. – С. 132–141.
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебrenников. М.: Наука, 1988. – 216 с.
- Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи. М.: Рус. яз., 1981. – 248 с.
- Скалкин В.Л. Обучение диалогической речи (на материале английского языка): Пособие для учителей. К.: Рад. шк., 1989. – 158 с.
- Туркина В.Г. Мифологема героя и массовое сознание: Автореф. дис. ... канд. филос. н. Саратов, 2001. – 22 с.
- Хёйзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
- Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. – 207 с.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. – 238 с.
- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
- Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собрание научных трудов. В 4 т. Т. 4. Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики. М.: Наука, 1967. – С. 39–41.

Глава 6 СОЦИОЛИНГВИСТИКА И СОЦИОЛЕКТОЛОГИЯ. ИЗУЧЕНИЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Социология и социолингвистика

В толковых словарях читаем: «**Социология**... Наука о закономерностях развития и функционирования общества. *С города. С семьи*» [ОШ 752; ТСРЯП 924]; «**Социология**... 1. Наука об обществе и законах его развития. *Использовать данные социологии*. 2. Раздел этой науки, изучающий данные, касающиеся того или иного общественного института или определенной сферы общественной жизни. *С. религии. С. искусства. С. труда. С. города, деревни. С. семьи*» [НБТС 1244].

Как видим, у социологии два типа объектов: с одной стороны, общество «*в целом*», с другой – отдельные *институты* и *сферы* общественной жизни.

Семантическая внутренняя форма термина *социология* связана с лат. прилагательным *sociūm* ‘общий, совместный; находящийся в союзе’, однокоренным с *sequor* ‘идти вслед (за), следовать’, и существительным *socius* ‘товарищ, спутник; союзник’, соотносящимся с *sociare* ‘соединять, объединять; совместно предпринимать, сообща затевать’ [Дворецкий 1976: 937, 922, 937]. Следовательно, в буквальном смысле *социология* – это «наука о *социуме*», но – о *социуме* не в его исходном латинском, а в современном русском значении / значениях, ср.: «**Социум**... Коллектив людей, характеризующийся общностью социальной, экономической и культурной жизни» [Крысин 1998: 656]; «**Социум**... 1. Человеческая общность как результат исторически сложившихся форм деятельности людей. *Античный, средневековый с. Современный с.* 2. Группа людей, объединенных по каким-л. (профессиональным, культурным и т.п.) признакам. *Научный с. Аграрный с.*» [НБТС 1244]; «**Социум**... Человеческая общность определенного типа. *Такая уж, видно, тенденция образовалась в окружающем Николае социуме: нынче никто с ним особенно не церемонился, что, вне всякого сомнения, свидетельствовало о понижении его общественного статуса.* Акунин Б. Внеклассное чтение 1. *Средний класс есть само воплощение традиции и основа здорового социума.* Итоги, 1998, № 16. *Если уж подыскивать Герману Оскаровичу [Грефу] аналог среди истинно советских типажей (а не случись перестройки, он отлично вписался бы и в советский социум), большие всего он напоминает классического инженера, несколько чудаковатого, но принципиально-го научного сотрудника.* Профиль, 2000, № 12» [ТСРЯН 938].

Как видим, снова выявляются два типа объектов социологии: с одной стороны, «человеческая общность», с другой – отдельные *коллективы, группы* людей, объединенных по каким-либо признакам.

Заметим, что сущ. *социум* и *общество* по внутренней форме существенно различаются: *общество* – это не калька *социума*, а бывшее церковнославянское слово (рус. *общество*), семантический синоним.

У В.И. Даля: «**Общество** ср. собрание людей, товарищески, братски связанных какими-либо общими условиями. *Гражданское общество*, граждане одного государства, одной местности, все невоенное. *Дворянское, купеческое общества* составляют части *гражданского общества*. *Крестьянское общество*, мир, произн. *обществó*, собрание всех домохозяев, кому на миру, на сходке дано право голоса. *Ученое общество*, сословие. *Общество портных, сапожников*, община, цех. *У нас было общество*, собрание, гости, посетители. *Я в общество не бываю*, сижу дома, не езжу на сборища. *Мне общество этого человека противно*, сообщество, либо бытность, самое присутствие его» [2, 634].

Если в основе внутренней формы сущ. *социум* – идея *связи существующего раздельно*, то в основе сущ. *общество* – идея *изначальной целостности: общий* – «одинаково относящийся ко всем, ко всякому, или к тем людям, о коих идет речь» [Даль: 2, 634]; «принадлежащий, присущий всем или осуществляемый всеми», «одинаково касающийся всех»; «целый»; «весь» [ИЭС 1, 589].

В соответствии с этими различиями в значениях существительных *общество* и *социум* отчасти даже противопоставляются, с одной стороны, *обществоведение, обществознание* как учение об *обществе* людей «в целом», с другой – *социология* как учение о *коллективах и группах* людей, об *институтах и сферах* общественной жизни.

Вслед за этим и проблематика *социолингвистики* разделяется на два больших блока:

- 1) **«язык и общество»**: социолингвистика как «научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества» [ЯБЭС 481];
- 2) **«язык и социальные общности»** (группы, коллективы, сферы общественной жизни и т.п.) – проблемы, связанные с *социальной дифференциацией языка*, которая «многомерна и включает как стратификационную дифференциацию, обусловленную разнородностью социальной структуры, так и ситуативную дифференциацию, обусловленную многообразием социальных ситуаций» [ЯБЭС 481].

Для терминологической ясности второй аспект часто именуют *микросоциолингвистикой*, в соответствии с термином *микросоциология* («изучение малых социальных структур, групп, непосредственных межличностных отношений» [СЭС 182]), – с целью подчеркнуть, что имеет в виду функционирование языка в малых социальных группах.

Устная разговорная речь и социолектология

Социолектология, как явствует из внутренней формы этого термина, изучает **социолекты** («социальные диалекты») – особенности языка / речи различных социальных групп (см. [Словарь социолингвистических терминов 2006; Крысин 1989]).

Наиболее общие именованья для обозначения специфического языка и/или особенностей речи какой-либо социальной группы, то есть *социальной разновидности* языка / речи – *жаргон* (молодежный, морской, актерский, воровской, тюремный, спортивный и т.д.), *арго*, *сленг*.

Для именования различных «социальных подъязыков» («социальных жаргонов») также широко используется суффиксоид *-лект* (от гр. *lego* ‘говорить; рассказывать, излагать, называть’), с которым легко образуются необходимые терминологические номинации: *агролект*, *гендеролект*, *маргилект*, *технолект*, *юнилект*, *юрилект* и т.п.

«Социальные жаргоны», как правило, реализуются в устной разговорной речи как *первичной* форме существования национального языка и могут находить *вторичную* реализацию в письменной речи. В силу существенных различий между устной и письменной формами бытования национального языка в лингвистике укоренилось противопоставление **«кодифицированный литературный язык** (фундирующийся на письменной форме бытования) – **разговорная речь / разговорный язык** (исначально реализующийся в устной форме)».

«Разговорный язык, разговорная речь, – одна из двух разновидностей литературного языка, употребляемая в условиях непринуждённого общения и противопоставленная (в пределах литературного языка) кодифицированному книжному языку. Эту разновидность литературного языка некоторые учёные традиционно называют термином “разговорная речь”..., который возник в связи с тем, что первоначально исследования особенностей Р.я. основывались на их отражении в языке художественной литературы. Начиная с 60-х гг. 20 в. изучению подверглись магнитофонные и ручные записи непринуждённой естественной устной речи. Анализ её фонетики, морфологии, синтаксиса, словообразования, лексики, невербальных средств коммуникации, проводимый в 70–80-х гг., показал, что непринуждённая естественная устная речь характеризуется особенностями системно-языкового характера и что её правильнее называть термином “разговорный язык” (Р.я.), противопоставляя книжному кодифицированному языку, поскольку русский литературный язык существует в этих двух разновидностях. Тем не менее многие учёные сохраняют термин “разговорная речь”, отчасти не желая порывать с традицией, отчасти по соображениям принципиального характера. <...> Основная форма реализации Р.я. – произносимая, устная речь...» [Земская 1997: 406].

Таким образом, **изучение социолектов основывается на устной разговорной речи / разговорном языке.**

В зависимости от конечной цели различают два противонаправленных аспекта социолингвистического исследования:

- социальная группа → особенности языка/речи ее членов; конечный предмет исследования – языковые/речевые проявления социального;
- социально значимые особенности языка → социальная группа как их носитель; конечный предмет исследования – социолингвистический портрет социальной группы как отображение психологических, экономических, религиозных и иных ее особенностей.

В этой противонаправленности отражается фундаментальное свойство социолингвистики как междисциплинарной науки, данные которой в конечном счете могут использоваться по преимуществу «в интересах» либо лингвистики (знание о языке/речи), либо социологии (знание о людях, о человеческих группах / коллективах / сообществах).

Едва ли не главная теоретическая трудность конкретного социолингвистического исследования – определение его *объекта*.

Например, социологически дано: **семья** («группа людей, связанных *родством* или подобными тесными узами, в которой взрослые берут на себя ответственность за заботу и воспитание своих настоящих или приемных детей» [Большой толковый социологический словарь 1999: 2, 194]). Учитывая, во-первых, колоссальное разнообразие типов семьи (см., например: [Тюгашев 2006]), во-вторых, уникальность любой семьи, спрашиваем: можно ли говорить о специфических «семьелектах» («фамилиелектах») отдельно взятых семей и/или их типов?

Иными словами, социолингвистике «для ориентировки» необходима социологически аргументированная типология социальных общностей или хотя бы указание на основания такой типологии.

Один из основателей русской и американской социологических школ П.А. Сорокин писал: «Дабы определить социальное положение человека, необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, его происхождение и т.д. Только так можно точно определить его социальное положение. Но и это еще не все. Поскольку внутри одной и той же группы существуют совершенно различные позиции (например, король и рядовой гражданин внутри одного государства), то необходимо также знать положение человека в пределах каждой из основных групп населения» [1992: 299]. По П.А. Сорокину, в основе социальной стратификации лежат три параметра: экономическое расслоение, политическая и профессиональная дифференциация [1992: 302–304]. Однако являются ли эти параметры основополагающими для социолингвистики? Может быть, существеннее возраст, пол, конфессиональная принадлежность? Или иное?

О полевых исследованиях

Непосредственные наблюдения устной разговорной речи, живая работа с носителями языка – это *полевые исследования* в широком смысле данного термина.

В узком смысле полевые исследования связаны с ситуацией, когда «лингвист описывает язык, на котором он, во всяком случае в начале исследования, не умеет говорить и которым практически не владеет, наблюдая за речью говорящих на этом языке, как правило, в естественной речевой среде»; изучение «языков, которые обслуживают очень малочисленные группы людей», иначе – «комплекс лингвистических методов, направленных на самостоятельное, творческое (а не ученическое – по грамматикам и учебникам) изучение и описание живого языка, не являющегося родным для исследователя» [Кибрик 1972: 5, 9, 11].

В широком смысле полевые исследования связаны прежде всего с социолингвистикой, которая, помимо «кабинетных» исследований [Беликов 2007], предполагает непосредственную работу с носителями языка, выступающими в этом случае как *информанты, респонденты*²¹. Эта работа может основываться на различных *методах сбора социолингвистических данных* (лингвистические эксперименты, социолингвистическое анкетирование, интервьюирование, анализ документальных источников, тестирование, непосредственное наблюдение и др., см. [ЯБЭС 590–591, 482; Жеребило 2011]), которые часто объединяют общим понятием «наблюдение».

Непосредственное наблюдение может быть *контролируемым* (наблюдатель провоцирует и/или включается в речевую ситуацию, управляет поведением респондента) и *неконтролируемым* (наблюдатель находится вне естественно возникшей речевой ситуации). В зависимости от этапа и/или целей наблюдения и/или эксперимента различают *пробные, основные и контрольные* наблюдения и/или эксперименты.

Результаты наблюдений фиксируются в *дневнике полевых записей* и/или протоколах эксперимента и/или тестирования для последующей обработки, систематизации и анализа.

Итогом микросоциологического полевого исследования может быть *аспектное описание микросоциолекта* (фонетические, лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические и иные особенности, в том числе речевой этикет) или «*социолингвистический портрет*» микросоциолекта, характеризующий различные его системно-языковые, речевые и коммуникационные особенности.

²¹ *Респондент* – из англ. *respondent* ‘отвечающий, реагирующий; выступающий ответчиком в суде’ < *respond* ‘отвечать; реагировать, отзываться’ < лат. *respondere* ‘отвечать’ < *re...* + *spondere* ‘торжественно обязаться, клятвенно обещать’. Тот, кто отвечает на вопросы в рамках социологического исследования.

О методике полевой работы с информантами

Желательно, чтобы русский язык был родным для информанта / информантов, темы бесед должны быть ему/им понятны и близки; в целях достижения взаимопонимания о задачах языкового обследования можно рассказать (особенно если предполагается достаточно долгое общение, например, на протяжении нескольких дней).

Если реализуется задача наблюдения не *идиолекта* (индивидуально-специфических особенностей языка/речи одного из представителей микросоциальной группы), а *социолекта* в целом, то следует опрашивать возможно большее количество людей – это позволит отделить случайное, сугубо индивидуальное от регулярного.

Собранный материал (в звуко-, видеозаписи или «в карандаше») документируется (место записи, характеристика информантов: возраст, образование, с каких пор живет на данной территории и т.п.).

Типичная тематика: о себе / своей семье, о покупках, о доме, о знакомых, о своем селе / городе, где учился / отдыхал, с кем встречался, о работе / отдыхе / спорте, о прочитанной книге, о недавно просмотренном фильме, о новостях СМИ / политики / культуры и т.п.

Наиболее типичные ситуации общения: 1) в магазине – продовольственном, универмаге и др.; 2) на рынке; 3) на остановке автобуса, трамвая, троллейбуса; 4) в автобусе, троллейбусе, трамвае; 5) на станции и в поезде метро, в электричке; 6) в кафе или столовой; 7) у газетного киоска; 8) в книжном магазине; 9) в кинотеатре, театре, библиотеке и др. учреждениях культуры; 10) во время прогулки – на бульваре, в парке, зоопарке и т.п.; 11) на вечере отдыха.

Диалоги и/или монологи могут быть как сравнительно короткими (несколько реплик, даже однословных), так и развернутыми.

Примеры полевой записи связного текста²²

Диалог

А. – Доченька / у меня давление / у вас есть что-то? //

Б. – Только клофелин //

А. – А мне врачаха выписала / вот тут глянь //

Б. – Адельфан / это сильнодействующее /его нет сейчас / берите клофелин //

Монолог²³

– Вышла замуж за один день // Голову помыла / надела платье штапельное / и все // Однажды приходит Боря и говорит / что взял два биле-

²² Образчики записей см. в кн.: [Русская разговорная речь. Тексты 1978; Словарь современного русского города 2003].

²³ Одна косая черта указывает на границу между синтагмами, две – на границу между фразами.

та на фильм «Роза без шипов» / на девять часов // Кинотеатр на набережной // Я не хотела / на черта мне сдался? // А Боря говорит / пойдём // А была горюбая ночь / гроза без дождя // Пошли в кино / он был обходительный // Мы вышли / все не как просто // Сеанс последний / А мается до дороге как / мне жалко // Мы пошли в беседку / до грех / четырех часов ночи простояли // Утром пришла / Бася Петровна выгнала // По-знакомились во вторник / а в пятницу расписались // Нашел лачугу // День я на кровати / он на полу / потом наоборот // Поехали к маме / а она постелила постель / а мы ж чужие люди //

Ориентировочные вопросы для сбора материалов Русской устно-разговорной речи

Следует подчеркнуть: предлагаемый опросник – сугубо **ориентировочный**. Его назначение – лишь «подсказать» возможные направления языковых / речевых наблюдений. Используя опросник напрямую, следует избегать ответов типа «да» – «нет», важнее получить какой-либо иной лингвистически сходный материал.

Лексика. Особенности номинации

Тематические группировки разговорной лексики

1. Насколько употребительны бытовизмы (*солонка, жарить*)?
2. Какие встречаются наименования денежных знаков (*стольник, пятихатка*)?
3. Какие встречаются именованья людей, в том числе жаргонного характера (*кадр, чувиха*)?
4. Какие встречаются языковые единицы с оценочной семантикой (*клёвый, по-черному*)?
5. Какая терминологическая лексика встречается в речи разных людей (медицинская, техническая и т.д.)?
6. Какая общественно-политическая лексика встречается в речи разных информантов? Как она связана с текущими политическими событиями?
7. Какая религиозная / конфессиональная / оккультная лексика встречается? В связи с чем?
8. Какие встречаются языковые единицы тематической группы «косметические средства и их применение» (*помадиться*)?
9. Какие глаголы со значением 'ругать'?
10. Какие глаголы со значением 'пачкать' (*понапоттали*)?
11. Какие другие тематические группировки можно отметить как характерные для устной разговорной речи?

Семантически опустошенные слова

1. Какие языковые / речевые единицы (слова, словосочетания, целые высказывания, контексты разного объема) замещаются местоимениями (*Сидим, разговариваем, то-сё*)?
2. Какие семантически пустые существительные встречаются и каково их контекстуальное значение (*вещь, штука*)?
3. Какие семантически пустые глаголы встречаются и каково их контекстуальное значение (*Дуй сюда 'иди'*)?

Неоднословные номинации

1. Какие неоднословные именованья людей встречены, какова их синтаксическая структура (*Пришел с усиками*, – «предлог с + сущ. в Тв.п.»; *Помидоры продает не приходила?*)?
2. Какие неоднословные именованья места и времени встречены (*Выйдете где универмаг*)?
3. Какие неоднословные наименования предметов (*Давай купим чем писать*)?

Номинации-конденсаты

1. Какие субстантиваты встречены (*факультетские; дайте томатный; мне резиновые*)? Что они обозначают?
2. Какие существительные-конденсаты встречены (*У нее давление; Поедем на море*)?

Фонетика. Просодика

Произношение отдельных гласных²⁴

1. Как произносятся гласные фонемы <a>, <o>, <i>, <о>:
 - после твердых согласных
 - в первом предударном слоге;
 - во втором предударном и заударных слогах;
 - после мягких согласных
 - в первом предударном слоге,
 - во втором предударном и заударных слогах;
 - в абсолютном начале слова?
2. Встречается ли .полная количественная редукция гласных ([в'án'т] = *вянет*, [слав'эц] = *соловей*)? В каких позициях?
3. Встречаются ли случаи стяжения гласных ([скаáл] > [скал] = *сказал*, [къь]рдинаты > [къ]рдинаты = *координаты*)?

²⁴ В угловых скобках – фонемы.

Произношение отдельных согласных

1. Как произносятся согласные <г>, <ц>, <ш>, <ж>, <л>, <в>, <ч>, <р>?
2. Какой звук произносится на месте буквы Ц?
3. Как произносятся звонкие согласные в конце слова?
4. Как произносятся мягкие губные согласные на конце слова?
5. Не появляется ли [j] перед гласными?

Произношение сочетаний согласных

1. Как произносятся звонкие согласные перед глухими внутри слова?
2. Как произносятся твердые согласные перед мягкими:
 - губные перед мягкими губными;
 - зубные перед мягкими губными;
 - зубные перед мягкими зубными?
3. Как произносятся сочетания с двойными согласными?
4. Имеет ли место ассимиляция согласных на стыке слов:
 - по глухости-звонкости ([скóбгжы] = *сколько же*);
 - по способу образования ([фшэж'жэ] = *в шесть же*)?
5. Имеет ли место упрощение групп согласных ([jэс'] = *есть*, [удопст] = *удобств* (нет), [гвос'] *программы*, пове[с]ка)?
6. Подвергаются ли интервокальные согласные редукции ([вúит] = *видит*, [ч'ýлаэк] = *человек*)?

Произношение слов иноязычного происхождения

1. Каково произношение согласных перед <э> (на письме – буква Е)?
2. Каково произношение безударных <о>, <э>?

Место ударения, степень ударности

1. Какие слоги во фразах является чаще всего ударными (первый, второй и т.д.)?
2. Встречается ли стечение двух ударных слогов подряд?
3. Каков обычный интервал между ударными слогами (один безударный слог, два и т.д.)?

Ударность-безударность слов разных частей речи

1. Ударными или безударными являются служебные слова? Какие?
2. Ударными или безударными являются местоимения? Какие?

Фонетическая деформация в зависимости от степени ударности

А. Деформация безударных слов.

Встречаются ли служебные слова – энклитики и проклитики? А знаменательные? Какова степень редукции гласных в этих словах?

Б. Деформация слабоударных слов.

1. Наблюдается ли редукция ударного гласного в слабоударном слове ([в'ът] = *вот*)?
2. Какие фонетические процессы происходят на стыке двух слов, из которых одно слабоударно?
3. Встречается ли утрата слогов в слабоударных словах ([гр'ъ] = *говору*)?

В. Деформация ударных слов.

1. Имеют ли место фонетические изменения слов, не затрагивающие их слоговой структуры, при полной редукции гласных ([н'ьзал] = *не знала*)?
2. То же – затрагивающие слоговую структуру слова ([птам'у-штъ] = *потому что*)?
3. Деформируется ли окончание?
4. Какие слова наиболее подвержены фонетической деформации? (Составить список самых частотных слов.)

Словообразование

Именное словообразование

1. Продуктивные суффиксы именований лиц (*телефонщик, кавээнщик*).
2. Продуктивные словообразовательные модели именований лиц женского пола (*деканца*).
3. Продуктивные словообразовательные модели именований предметов (*взбивать – взбивалка*).
4. Слова со значением единичности (*сигаретина, земляничина*).
5. Продуктивные суффиксы прилагательных (*лентяйстый, рукастый, приставучий, читабельный*).
6. Какие другие словообразовательные значения встречены вами в производных словах, принадлежащих УРР:
 - совместность (*состудентка*);
 - степень признака (*суперчестный*);
 - наречность (*по-наглому*);
 - неполнота (*недорасказ*) и др.?
7. Экспрессивные (модификационные) суффиксы существительных (*штурмяга, котяра, магнитофоша, стипешка и т.п.*).
8. Экспрессивные суффиксы прилагательных (*вот такусенький*).
9. Случаи усечения (*играл в бад, слушали маг*).
10. Какие другие явления именного словообразования встречаются?

Глагольное словообразование

1. Продуктивные глагольные префиксы, их значения (*подначитался – ‘немного’*).

2. Продуктивные глагольные суффиксы (*скарлатинцил, комплексовал, огородствовала*).

Деривация с целью языковой игры²⁵

Назовите дериваты, созданные с установкой на шутку, языковую игру (*перечай*, ср. «перекур», *шедевральная книжка*).

Морфология

Черты аналитизма в морфологии

1. Используются ли неизменяемые междометно-глагольные слова (*хлоп, ля-ля, хи-хи* и др.)?
2. Используются, ли оценочные неизменяемые слова и выражения (*колбаса не того, ответ очень даже*)?
3. Черты аналитизма в склонении. Отсутствует ли словоизменение:
 - числительных (*Не хватило пять рублей*);
 - существительных (*Лихославль он живет*);
 - в словосочетаниях (*Я только из дом отдыха. Не любит Жюль Верна*)?
4. Активизация роли предлогов. Модели:
 - предлог + предлог + существительное (*Оставим это на после каникул*);
 - предлог + наречие (*Бери на сейчас*);
 - предлог + инфинитив (*Как ты насчет погулять?*).
5. Используется ли форма именительного вместо косвенных падежей (*Какая порода эта собака?*)? Вместо каких падежей?

Регулярность в действии морфологических моделей

1. Имеет ли место употребление непереходного глагола в качестве переходного (*Я допнул шарик, Загораю спину*)?
2. Является ли образование форм сов. вида глаголов с помощью префиксов более свободным по сравнению с КЛЯ (*Это надо пронаблюдать*)?
3. Является ли образование форм несов. вида глаголов с помощью суффиксов более последовательным по сравнению с КЛЯ (*Ее никто не обхамливал. Все это примелькивается*)?
4. Употребление степеней сравнения.
А. Синтетических. Встречается ли образование форм сравнительной степени от:

²⁵ О языковой игре см. обширную работу: [Санников 2002].

- относительных прилагательных (*Этот творог творожнее, чем тот*);
- адъективированных причастий (*Я попробую сказать развернутее*);
- от прилагательных на -ский, -кий (*героическое, трудоёмче*);
- от существительных (*Живем куда уж центрее*)?

Б. Аналитических. Имеет ли место употребление форм сравнительной и превосходной степени:

- с относительными прилагательными (*Это более достоевский роман*);
 - с существительными (*Она более балерина. Сейчас самая весна*);
 - в сочетаниях с обстоятельственными значениями – времени, места и др. (*У нас более в лесу. Приехал в самую жару*)?
5. Встречается ли употребление существительных со значением вещества с числительными (счетные формы типа *два молока, три кефира*)?

Специфика грамматических форм

1. Какова активность использования служебных слов: предлогов, союзов, частиц? Какие из них употребительны, малоупотребительны?
2. Встречаются ли звательные формы (*Мам! Дядь Вася!*)?
3. Какие формы Род. п. в количественном значении преобладают: с флексией -а или -у (*сахара – сахару*)?
4. Какие глагольные формы используются: спрягаемые; инфинитив; причастия (какие?), деепричастия?
5. Встречаются ли пассивные конструкции?
6. Какие формы сравнительной степени прилагательных преобладают: на -ее или на -ей?

Специфические значения морфологических единиц

1. Функционируют ли формы сов. и несов. вида со значением:
 - условным (*Чашку разобьешь / ушибь. Столько ягод съесть / живот заболит*);
 - гипотетически-негативным (*Поженитесь вы / а кормить вас кто будет? Ну выполнил он вашу просьбу / а дальше что?*);
 - потенциальным (*Улица Суворова / как пройти? В общем уже домой не забежишь. Попробуй сделай-ка из таких продуктов приличный обед*);
 - твердого намерения, отнесенного к будущему (*Я пошел*);
 - императивным (*В восемь поешь и ляжешь*);
 - вынужденной необходимости (*Ты поел / а жена посуду мой*?);
 - интенсивно-начинательным (*Он бежать / мы за ним // А он ну кричать*)?

2. Имеет ли место трансформированное функционирование числовых форм имен существительных:
 - единственное обобщенное (*Комара в этом году много*);
 - единственное экспрессивное (*Купишь сосиску и яйцо*, – известно, что речь идет более чем об одной штуке каждого вида продуктов);
 - множественное обобщенное (*Почему дети плачут?* – об одном ребенке);
 - множественное экспрессивное (*Вы будете по выставкам ходить / а я занимайся?*)?
3. Встречается ли употребление форм мужского рода по отношению к лицам женского пола для выражения ласки, нежности (*Ты мой хороший. А Зяя [ласковое прозвище] мальчика родил*)?
4. Местоимения используются:
 - для указания (*Вон тё мне принеси*);
 - для экспрессии (*Такие конфеты!*);
 - как заполнители пустот (*А он это и говорит // Ты это самое / приезжай пораньше*)?

Синтаксис

Конструкции, выполняющие роль номинации или частей номинации

1. Конструкции с относительными местоимениями:
 - глагольные (*Возьми на чем сидеть. Купи чем стирать*);
 - безглагольные (*Она живет где гастроном. Заходи когда отпуск*).
2. Конструкции типа «предлог + сущ. в косвенном падеже» (*За вами стояла в синем платье? Цветы на окне тебе кто подарил?*).
3. Конструкции с личным глаголом типа *Напротив живет / замуж выходит?* (т.е. «та, что живет напротив»).
4. Высказывания с нулевыми глаголами-сказуемыми:
 - глаголами движения (*Он завтра в Петербург / потом в Киев*);
 - речи (*Это ты про меня?*);
 - в значении, близком к «обращаться» (*Давай с этим прямо к директору*);
 - в значении, близком к «звать, называть» (*Была бы у меня дочь / я бы ее только Анной*);
 - в значениях, близких к «заниматься, делать» (*Он каждое утро гимнастикой // Регулярно*);
 - в значении, близком к «читать, изучать» (*Мы за полгода весь курс*);

- в значении, близком к «играть» (*Я в институте в баскет немного*);
- в значении, близком к «бить» (*А здорово они его*);
- в значении, близком к «удариться, ушибиться» (*Он прыгнул и почему-то головой о планку*).

Специфические виды синтаксической связи

1. Высказывания со связями свободного соединения (*А что это за фильм я прочитал будет? Подай мне карандаш лежит там*).
2. Наложение двух предикативных единиц (*Сидела дома работала. Я подожду тебя около метро встретимся*).
3. Конструкции с именительными темы (*А дочка ваша / она историк? А как еще есть у тебя братик / зовут его?*) (Модель: в первой части существительное в И.п., во второй – соответствующее ему местоимение в том же или в другом падеже.)
4. Конструкции добавления (*Они все промокли / сапоги*)? (Модель: в первой части местоимение, во второй – существительное.)
5. Двупредикативные конструкции с *кто* (*Кто платить / проходите сюда. К столу подойдите кто записывается*).

Вопросительные конструкции с дополнительной фразовой границей

1. Высказывания с местоимениями и местоименными наречиями (*А лицо что? / загромировано? // Мы теперь куда? / домой?*).
2. Высказывания со словами *да, нет*:
 - в функции отрицательных либо утвердительных частиц (*Он ведь никогда / да? // в Мурманске не был? Это в ту сторону / нет? / иди*);
 - в значении наличия или отсутствия (*Желающие есть / да? / пообедать. Ни у кого расписания нет? / на автобус*).
3. Высказывания с повторами:
 - сочетаний слов (*А ты все-таки поговори / с Ивановой поговори; И он вечером / вечером он конечно тоже работал*);
 - фраз (*Ему меду надо дать // Мед. Кажется все-таки что-то выйдет // Кажется*).

Вопросы и задания

1. Прочитайте приведенное ниже словарное разъяснение из энциклопедии «Русский язык». Поясните, в чем различие понятий «разговорный язык» и «разговорная речь».

«Разговорная речь – 1) то же, что разговорный язык (см.); 2) любая речь, проявляющаяся в устной форме: научный доклад, лекция, выступление по радио, телевидению, бытовая речь, городское просторечие, территориальные диалекты; 3) любая устная речь городского населения; 4) бытовая речь городского и сельского населения. В работах ряда исследователей (Е.А. Земская) термин «Р.р.» в 1-м значении заменяется термином “разговорный язык”, во 2-м значении – термином «устная речь», в 3-м значении – термином “городская (устная) речь”, в 4-м значении – термином “бытовая речь”, поскольку все эти разновидности литературного языка имеют существенные различия, а понятия – разное лингвистическое содержание. Е.А. Земская» [Русский язык: Энциклопедия 1997: 406].

2. В чем своеобразие проблем макро- и микросоциолингвистики? Приведите примеры «микросоциолектов», которые могут рассматриваться как потенциальные объекты микросоциолингвистики.
3. Дополните представленную в данной главе тематику бесед и перечень коммуникативных ситуаций, в рамках которых могут выполняться полевые социолингвистические исследования.
4. Выберите какую-либо микросоциальную группу (корпоративную, семейную, возрастную и т.п.), на основе представленных в данной главе ориентировочных вопросов соберите материал русской устно-разговорной речи, характерный для выбранной микрогруппы.
5. Обработайте, систематизируйте и проанализируйте собранный материал (задание 4).
6. В чем своеобразие полученных вами данных (задания 4, 5) по сравнению с ориентировочным перечнем вопросов для сбора материала?

Литература

Беликов В.И. Полевая лингвистика: Сборник материалов Первого международного симпозиума. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. – С. 21–26.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. – 172 с.

Грузберг Л. Городское просторечие // Филолог: Научно-методический, культурно-просветительный журнал Пермского государственного педагогического ун-та. Вып. 13. Пермь, 2010. URL: <http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_13_258>.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. – 600 с.

Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. – 280 с. URL: <<http://www.twirpx.com/file/663625/>>.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. – 276 с.

Земская Е.А. Разговорный язык // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 406–408.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2011. – 240 с.

Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд-во МГУ, 1972. – 181 с.

Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи: Монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. – 196 с. URL: <<http://www.twirpx.com/file/883884/>>.

Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Монография: В 2 ч. Череповец, 2005. Ч. 1. – 245 с. URL: <<http://www.twirpx.com/file/597337/?rand=5627848>>.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. – 186 с.

Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 400 с.

Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1973. – 485 с.

Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М.: Наука, 1978. – 307 с.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

Сиротинина О.Б. Всё, что нужно знать о русской речи: Пособие для эффективного общения. М.: Либроком, 2010. – 224 с.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. – 144 с.

Словарь современного русского города: Около 11 000 слов; около 1000 идиоматических выражений / Под ред. Б.И. Осипова. М.: ООО «Изд-во “Русские словари”»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. – 565 с.

Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания, 2006. – 312 с.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

Тюгашев Е.А. Семейведение: Учебное пособие. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2006. – 194 с.

Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 320 с.

Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Глава 7 МЕНТАЛИТЕТ И МЕНТАЛИТЕТЫ

Что такое менталитет?

Знакомые всем со школьных лет темы сочинений, нацеленные на характеристику нашего национального своеобразия: «Татьяна, русская душою...», «“Мысль семейная” (или “Мысль народная”) в романе “Война и мир”», «Духовные искания главных героев “Войны и мира”», «Судьба русского воина в “Судьбе человека” Шолохова», «Тема Родина в творчестве Есенина» и т.д. Искренность в любви и верность в браке, «дух войска» и «скрытая теплота патриотизма» как двигатели истории и источники военных побед, «герой-искатель» как нравственный идеал... Весь школьный курс литературы – художественно опредмеченные черты нашего национального характера (как эти черты понимаются составителями программ и авторами учебников).

Казалось бы, если такие вопросы задают школьникам, то уж науке должно быть «всё ясно». Однако «неясности» начинаются уже с определения исходного объема понятия «менталитет» – с вопроса о том, что входит в это понятие.

Образ жизни (и модное англ. *life-style*), «дух народа», «армейский дух», «корпоративный дух», «корпоративный стиль», *партийная / национальная / корпоративная / профессиональная... солидарность*, «женское» и «мужское», «детское» и «старческое», *аристократический / инженерный / мещанский / простонародный... взгляд на жизнь, городская / сельская / фабричная... ментальность* и т.д. – это всё *менталитет / о менталитете*?

Рассуждения о менталитете – это результат *о-сознания* своеобразия *кого-то / чего-то*, воспринимаемого извне, с «позиции наблюдателя», или *само-осознание* этого *кого-чего-то* – в его собственных глазах?

И где граница дробности объекта – «носителя» менталитета? Можно ли говорить о «менталитете» отдельной личности – не только как носителя менталитета *кого-чего-то*, но и своего собственного?

Героиня юмористического монолога Жванецкого «Я не знаю, кто я» искренне не понимает, как можно от человека, лишенного возможности нравственного выбора, ожидать ясного нравственного самоопределения [5, 56]:

«Я и не знаю, честная я или нечестная.

Меня посади квартиры распределять и проверьай.

А когда мне нечего украсть, может, я и честная.

Я и не знаю, добрая я или недобрая...

Вот будет, что дарить, – проверю».

Это ее индивидуальный *менталитет*, в котором отражает нечто, общее нам всем, или только частный *характер*?

Сущ. *менталитет* – от прил. *ментальный*, из лат. *mens, mentis* ‘ум, мышление; образ мыслей; характер, душевный склад; сознание, совесть’. буквально – «относящийся к мышлению, сознанию».

В предисловии к книге «Русская ментальность в языке и тексте» В.В. Колесов пишет, что им двигала в работе над ней «проблема смысла»: «Смысла, который дорог русскому человеку, как и всякому человеку вообще: *кто я? кто мои предки? для чего живу в этом мире? куда идти?* Так и писалась книга – как желание понять и объяснить коренные свойства русской духовности и просвещения, которые на новый лад называют теперь ментальностью и цивилизацией» [2007: 5].

По определению культурологов, *ментальность* – это «общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества» [Гуревич, Шульман 1998: 25]. По современному энциклопедическому философскому определению, *ментальность* – это «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и predispositions индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом» [Визгин 2010: 525]. Толковые словари разъясняют термин *менталитет* иначе – посредством открытых списков составляющих его аспектов: «Совокупность психических, интеллектуальных, идеологических, религиозных, эстетических и т.п. особенностей мышления народа, социальной группы или индивида, проявляющихся в культуре, языке, поведении т.п.; мировосприятие, умонастроение. *Русский, немецкий, английский м. Армейский м. М. правительства*» [НБТС 533]; ограничиваясь синонимизацией: «Мировосприятие, умонастроение, склад ума. *Национальный м. М. старшего поколения. М. народа*» [ТСРЯП 439].

Как видим, для обозначения национально-специфических черт особенностей мировоззрения и поведения используются словообразовательные синонимы *ментальность* и *менталитет*. В научном обиходе более употребителен термин *менталитет* – вероятно, в силу отсутствия прямой словообразовательной связи с прил. *ментальный*, способной вызвать по своему второму значению нежелательные в строго научном дискурсе квазинаучные ассоциации, ср.: «**Ментальный**... 1. к Менталитет. *М-ая характеристика нации*. 2. В парапсихологии: связанный с энергетическим полем, создаваемым человеком, и служащий отражением его психики, сознания, душевного склада. *М. план*» [НБТС 533].

Синонимичное двусловное именование – *национальный характер*, которое «проигрывает» однословным не только в силу большей протяженности, но и в силу специфического понятийного ограничения «по национальности», тогда как менталитет (ментальность) может быть групповым, конфессиональным, корпоративным, семейным и т.д.

Вопрос об основных особенностях русского менталитета

Подступаясь к вопросу об основных чертах русского (или любого иного) менталитета²⁶, целесообразно для начала разделить два вопроса: *где (в чём) эти черты искать?* и *что именно искать?* – «всё подряд», «по максимуму», или в нацеленности на некие фундаментальные (по определению немногочисленные) особенности?

Социологи, склонные сводить тайну менталитета к особенностям социальности, подчеркивают его социально-психологическую обусловленность, ср.: «По нашему мнению, менталитет... – это вовсе не особый национальный логос и не априорная система ценностей (часть идеологии), а определенное социально-психологическое состояние субъекта – нации, народности, народа, его граждан, – запечатлевшее в себе (не “в памяти народа”, а в его подсознании) результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания субъекта менталитета» [Бутенко, Колесниченко 1996: 94], – обращают особое внимание на историческую обусловленность менталитета, его принадлежность не только нации как целому, но и каждому отдельному гражданину.

Понятие менталитета как совокупности мировоззренческих (идеологических, религиозных, эстетических и др.) представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом, как основания концептуализации жизненного опыта, соотносится в гуманитарном знании с понятиями «этническая картина мира», «коллективные социальные установки», «системы ценностей» – деньги или власть, юность или старость, жизнь или смерть (см., например: [Лурье 2004]), «коллективное бессознательное», «архетип» (ср: «“Архетип” – это пояснительное описание платоновского *eidōs*. Это наименование... значит, что, говоря о содержании коллективного бессознательного, мы имеем дело с древнейшими, лучше сказать, изначальными типами, т.е. испокон веку на личными всеобщими образами» [Юнг 1991: 98]) и т.д. Попытки исчислить элементы «этнических картин мира», «архетипов», констант и/или концептов русской культуры²⁷ с неизбежностью регрессируют в «дурную бесконечность», когда за каждым вводимым элементом необходимо вскрывается очередной, за одной классификационной группой другая – и так без видимого завершения.

Пожалуй, наиболее известная попытка определить основные черты, ядро русского менталитета принадлежит графу Уварову. Стремясь проти-

²⁶ Говоря «русского», имеем в виду и «российского», по очевидным причинам.

²⁷ См., например, фундаментальный труд Ю.С. Степанова, трактующий основные концепты русской культуры, большинство которых воспринимается именно как отображение глубинных черт национального характера [2001], обобщающие лингвокультурологические и лингвофилософские труды В.В. Колесова [2002; 2007].

вопоставить идеям Великой французской революции *свобода, равенство, братство* отечественные духовные ценности, на исходе 1833 года он в докладной записке императору Николаю I «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения», лозунгом своего управления министерством назвал «соединенный дух Православия, Самодержавия и Народности» [Уваров [http](#)]. В последующие полтора столетия эта уваровская триада была постоянной мишенью для иронической критики, как и ее перифраза «Бог (Вера), Царь и Отечество», – до рубежа XXI века, до своего возрождения как под старыми, так и под новыми именованиями – «духовность», «вертикаль власти», «национальная идея» (*родина*²⁸, *патриотизм*).

В ряду наиболее удачных попыток выделения одной доминантной черты – *соборность*, детально разработанная в философской системе А.С. Хомякова²⁹ и положенная в основу ряда современных исследований (например: [Анисин 2011; Колесова 2002]); наиболее авторитетная попытка систематизации – в работе Н.О. Лосского «Характер русского народа» (1957) [Лосский 1991]. Его опыт исчисления «нравственных свойств русского народа» удачно суммировали в прикладных целях педагоги В.М. Кларин и В.М. Петров [1994: 79], см. табл. 14.

Таблица 14

Нравственные свойства русского народа
(по книге Н.О. Лосского «Характер русского народа»)

Основные положительные качества	Оборотная сторона положительных качеств
<ul style="list-style-type: none"> • активное искание абсолютного добра и смысла жизни; • способность к высшим формам опыта; • чуткое восприятие чужой душевной жизни, доброта; • живое, задушевное индивидуальное общение с людьми; • страстность; • сила воли; • разносторонняя одаренность 	<ul style="list-style-type: none"> • пассивность, рожденная несовершенностью жизни; • равнодушие к средним областям культуры; • нигилизм и даже хулиганство, жестокость; • неумение столкнуться для общего дела, склонность критиковать; • максимализм и экстремизм; • обломовщина, леность; • недостаток самодисциплины, склонность к анархии, а отсюда и невыработанность характера

²⁸ См., например, подробный анализ различных дискурсивных практик, связанных с концептом Родина, в книге: [Сандомирская 2001].

²⁹ Плодотворность такого редукционизма подтверждается современными продолжателями славянофильской религиозно-философской традиции, ср.: [Хоружий 2002].

Разумеется, этот список, как и любой другой, содержит много спорного. Ограничимся только двумя замечаниями.

Во-первых, относительно «лености», якобы характерной для русских. В культурологии «русскую лень» связывают с «темпоральным своеобразием русской культуры», суть которого усматривается в «вычеркивании» настоящего ради соединения прошлого с будущим: «Настоящее мы обычно клянем, порой сравнивая с невозрождаемым прошлым (миф о том, что раньше жили лучше). В настоящем – толком не живем, а живем призрачными надеждами на будущее, кардинально отличающееся от настоящего и напоминающее прошлое» [Большаков 2002: 66]. Отсюда якобы ленивая мечтательность и периодическая порывистость.

В сборнике интервью «Церковь в мире людей» диакон Андрей Кураев в ответ на замечание собеседника: «Известно, что в свое время именно христианство беспримерно подняло авторитет труда. Сейчас наше общество разъедает религия потребления», – объясняет причины русской «лени» следующим образом: «Русская трудовая этика была. И православная трудовая этика была. Но дело не только в экономических или религиозных условиях. Эта черта русского национального характера связана с нашим климатом. У нас очень долгая зима, и люди, жившие в сельской местности, вынуждены были бездельничать. Русский человек долго запрягает, но быстро ездит. ... Русский человек может долго жить в полной апатии и равнодушии, а потом за несколько дней может сделать месячную работу. Эта “рваность” характера, импульсивность является, очевидно, достаточно коренной чертой...» [Кураев 2009: 116–117].

Так что никакой лени как типологической черты. И кроме того: никакой народ не в состоянии не то что великую страну создать, но даже просто выжить, если лень – основание его характера.

Во-вторых, заглавное «основное положительное качество» охарактеризовано исследователями, якобы вслед за Н.О. Лосским, как «активное искание абсолютного добра и смысла жизни». Это неверно. «Искание абсолютного добра» – лишь часть определения, причем производная от *религиозности*, которая осталась в цитате неназванной.

Глава, открывающая книгу Лосского, называется «Религиозность русского народа» и начинается прямым утверждением: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» [Лосский 1991: 240]. Эта формулировка – как диагноз, указание на причину главного катаклизма нашей истории XX века: поскольку Царство Божие на земле недостижимо, русский народ легко поддался на обман – на «коммунистическую идею». В характеристике Н.А. Бердяева: «...народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без

всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога» [Бердяев 1991: 102]. Так «активное искание абсолютного добра» обратилось в активное и последовательное саморазрушение.

Как видим, основополагающая черта русского национального характера, по Н.О. Лосскому, – *религиозность*, которая исключает «искание смысла жизни», поскольку этот смысл религиозному сознанию известен: смысл этот – в *вере* («Верующий в Сына имеет жизнь вечную...» (Ин. 3, 36)) и в *спасении*³⁰, в снискании Царства Божия, в обретении «первобытного состояния красоты и благолепия» [Полный православный богословский энциклопедический словарь 1992: 2, 2101]. «Религия и философия всех народов задолго до христианства установила, что человек и даже все мировое бытие влечется сознательно или бессознательно ввысь к абсолютному совершенству, к Богу. Различие между людьми и народами состоит в том, в какой форме и в какой степени осуществляет у них это стремление вверх...» [Лосский 1991: 241].

В ряду самых разнообразных перечислений наших национально-специфических свойств едва ли не единственным устойчиво повторяющимся мотивом является указание на *двойственность*, *полярность* русского менталитета и русской культуры как на их основополагающую структурную особенность; в других формулировках, это *антиномизм* – «соединение несоединимого», *антиномичная дуальность*, *бинарность*.

Мировоззренческий аспект дуальности исторически обусловлен особенностями восточного христианства, ср.: «Загробный мир католического западного христианства разделен на три пространства: рай, чистилище, ад. Соответственно, земная жизнь мыслится как допускающая три типа поведения: безусловно грешное, безусловно святое и нейтральное, допускающее загробное спасение после некоторого очистительного испытания. Тем самым в реальной жизни западного средневековья оказывается возможной широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни “святыми”, ни “грешными”, ни “государственными”, ни “антигосударственными”, ни хорошими, ни плохими. <...> Система русского средневековья строилась на подчеркнутой дуальности. Если продолжить наш пример, то ей было свойственно членение загробного мира на рай и ад. Промежуточных нейтральных сфер не предусматривалось. Соответственно и в земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым. Это распространялось и на внецерковные понятия: так, светская власть могла трактоваться как божественная или дьявольская, но никогда как нейтральная по отношению к этим понятиям» [Лотман, Успенский 1977]. Отсюда общеизвестный максимализм русских, склонность к крайностям.

³⁰ *Спасение* – от глагола *спасаться*, по В.И. Далю, «стараться жизнь свою достигнуть вечного блаженства, искать душе спасенья, спасать душу свою» [4, 287].

В культурологии констатируется: «Антиномичность – неотъемлемое свойство культуры, число антиномий культуры неопределенно...» [Горнова 2011]. *Бинарность* русской культуры обусловлена прежде всего оппозиций «Запад – Восток»: «Сопоставление учеными и писателями, путешественниками и завоевателями культур Запада и Востока выявило почти необозримый ряж смысловых антиномий между ними. Демократия (свобода, равенство) – деспотизм; аскеза – мистика; научное знание, рациональность – интуиция, вживание в мир; динамизм, развитие – неподвижность, стабильность; модернизация, инновативность – традиционность, ритуал; индивидуализм, личность – коллективизм, государство; “логос” – “дао”; активное технико-технологическое преобразование мира – достижение гармонии с естественно-природной средой обитания; рыночная экономика и натуральное хозяйство, частная собственность и буржуазность – бесклассовое общество, коллективизм, коммунизм» [Кондаков 2003: 481]. Антиномичное соединение противоположных устремленностей обуславливает специфическую для русского человека остроту вопроса о целостности «я» [Волков 2013], размывание *религиозности* как основы русской ментальности.

В современном десакрализованном гуманитарном сознании характеристика *homo religiosus* как антропологический фундамент «русскости» глубоко вторична, а в пределах агрессивно-секулярной гуманитаристики – периферийна или даже избыточна. Человек в рамках этого типа сознания не воспринимается как нечто богосотворенное, священное и, как следствие, представление о религиозных основаниях национального менталитета замещается многообразными частными характеристиками.

В прикладном, в частности управленческом, прочтении дуальность русского менталитета каузирует необходимость учета антиномичности таинственной «русской души» – понимания, что сотрудниками могут двигать прямо противоположные устремления одновременно.

Разумеется, организационный менеджмент не может основываться на представлениях об *аде*, *рае* или *чистилище*, – конкретность управленческих задач требует и соответствующих формулировок. Удачный пример систематики дуальных особенностей русского менталитета, основывающийся на опыте менеджмента, представлен в статье «Методологические принципы формирования российского менеджмента» [Картавый, Нехашкин 1999], авторы которой в теоретический фундамент организации работы с персоналом полагают «закон соответствия менеджмента и менталитета», характеризуют двадцать возможных факторов, которые по-разному проявляются в конкретных национальных ментальностях (*индивидуализм, группизм, прагматизм, рационализм, стремление к богатству (алчность), пунктуальность, консерватизм, патернализм* и др.), выстраивают таблицу основных взаимно противоречащих черт российской дуалистичной системы управления (табл. 15).

Таблица 15

Основные прогнозируемые черты российской системы управления
[Картавый, Нехашкин, 1999]

№	Характерные черты менталитета	Предпосылки использования форм менеджмента	Особенности управления в зависимости от черт менталитета
1.	Группизм	Там, где преобладает коллективизм	Управленческие решения принимаются коллективно...; коллективная ответственность; коллективный контроль; ориентация управления на группу; оплата труда по показателям работы группы
	Индивидуализм	Регионы с более развитой рыночной экономикой	Ориентация на личность; индивидуальный контроль; оплата по личному вкладу; личные способности – двигатель карьеры
2.	Трудолюбие	Наличие трудолюбивого контингента	Высокая производительность при всех прочих равных условиях; отсутствие жестких управленческих решений по отношению к персоналу
	Леность	Контингент людей, не желающих работать	...необходим пресс – давление; низкая производительность труда, в т.ч. и управленческого...
3.	Преобладание авторитарных форм мышления	Производственная необходимость	Авторитарный стиль управления; строгий контроль; ограничение самостоятельности
	Анархизм	Недоверие к управляющим работникам	Форма управления без четко выраженной власти; стимулирование развития личностного фактора
4.	Практицизм	Наличие практических работников	...рациональность системы управления; неформальные отношения между управляющими и работником
	Устремленность к трансцендентному	Коллективы ученой интеллигенции	Мягкость (мечтательность) в управлении; попустительство...; распыляемость... системы управления
5.	Стремление к новому	Коллектив творческих людей	Предоставление свободы действия творческим личностям, поощрение неординарных поступков
	Догматизм	Религиозная среда	Затрудненное восприятие нового; отрицание достижений НТП...
6.	Настойчивость	Контингент настойчивых	Стремление к достижению цели; поиск новых путей...
	Расхлябанность	Контингент «расхлябанных»	Отсутствие ясных целей, воли и желания их осуществлять
7.	Атеизм, нигилизм	Среда неверующих	...отсутствие моральных ценностей в формах и методах управления
	Христианство – православие	Религиозная среда	Осуждение богатства; пуританство; презрение грязных денег...

М.А. Картавый и А.Н. Нехашкин утверждают существование особого «закона соответствия менеджмента и менталитета»: «Если человек привык к группо-

вой жизни, то специфической основой, формирующей систему управления, является опора на коллектив, коллективный контроль и принятие решений. Если в обществе установилась система ценностей, основанная на индивидуализме, обостренном чувстве собственного достоинства и т.д., то каркасом несущей конструкции, вросшей в систему управления, является опора на индивидуальные качества, использование индивидуальных форм контроля.

Не исключено, что в стране “лимония” или “банания” главной отличительной чертой менталитета будет лень ее жителей, вызванная обилием лимонов и бананов. В таких условиях система управления будет неизбежно отражать это качество. Менеджеру, желающему добиться определенного результата, придется использовать для принятия и реализации управленческих решений жесткий контроль, вводить четкий график работы, специальные методы стимулирования, трансформирующие ленивого работника.

Преобладание трудолюбия, бережливости, пунктуальности и т.д. также будут определять формы и методы управления, пронизывать поведение, действия управленцев. Последним необходимо учитывать их, играя на человеческих слабостях и сильных сторонах характера, как на клавишах “фортепьяно”.

Таким образом, управление – форма проявления внутренней, глубинной социально-психологической программы, заложенной в человеке. В этом качестве менталитет – всеобщая основа поведенческого менеджмента, его элемент, его существенная сторона.» [Картавый, Нехашкин 1999].

Противоречия между антиномичными свойствами «русской души» в гуманитарной практике (например, в управлении персоналом предприятий и организаций и в сфере образования) могут быть частично сглажены на основе интерактивного субъект-субъектного согласования интересов в целях достижения разумных компромиссов.

Менталитет в зеркале психолингвистического эксперимента (русский характер глазами школьников и студентов)

Когда мы размышляем о менталитете как совокупности национально-специфических черт, то в типичном случае исходим из некоторых субъективных представлений и предпочтений – пусть даже они основываются на бесспорном авторитете выдающихся деятелей культуры или большого личного, профессионального и научном опыте исследователя. Повысить объективность характеристик нашей ментальности может экспериментальное психолингвистическое исследование, которое и было предпринято со студентами Тверского государственного университета и учащимися выпускных классов общеобразовательной школы.

Эксперимент проводился на основе методов семантического дифференциала (субъективного шкалирования) и свободного ранжированного ассоциирования типа «экспертная оценка» в два этапа:

- 1) выявление особенностей восприятия фундаментальных сверхценностей русской духовной культуры;

- 2) выявление тех специфических черт русских мужчин и женщин, которые воспринимаются современной молодежью как отличительные приметы «русскости».

Сверхзадача эксперимента – интерпретировать полученные результаты в контексте понятия *духовное здоровье*. В качестве основной гипотезы предполагается, что духовное здоровье молодых людей находится в прямой взаимосвязи с принятием традиционных ценностей и осознанной национальной идентификацией, иными словами – с развитым чувством патриотизма.

Эксперимент первый (субъективное шкалирование)

В основу перечня сверхценностей для анкетирования была положена перифразированная уваровская триада (*Православие, Самодержавие, Народность*), иначе интерпретируемая как *Бог, царь и Отечество* или как *вера, власть, патриотизм*. Из этой триады в анкетном перечне отражены *Бог и Отечество* (в выражении «другие люди, мир в целом»); дополнительно введены «я сам(а)» и «любовь».

Итоговый список:

- 1) я сам(а);
- 2) другие люди, мир в целом;
- 3) любовь (отношения между женщиной и мужчиной);
- 4) Бог.

Эксперимент проводился с двумя группами информантов (Ии.), каждая из которых делилась на две подгруппы, а именно:

- 1) школьники (учащиеся 10-х классов общеобразовательной школы) – девушки и юноши;
- 2) студенты первого курса филологического факультета – девушки и юноши.

Общее количество опрошенных школьников – 34 (27 девушек и 7 юношей), опрошенных студентов – 22 (14 девушек и 8 юношей).

Каждому из участников эксперимента было предложено ответить на вопросы анкеты, обведя в кружок ту цифру на биполярной градуальной шкале, которая, по мнению информанта, наиболее точно отражает существо испытываемого им переживания-отношения к самому себе, людям, любви и Богу. Чтобы информантам было легче представить, что понимается под каждым из этих «отношений», мы включили в анкету условную характеристику внутренних состояний, соответствующих крайним полюсам шкал.

Анкета имеет следующий вид:

Анкета

«Как Вы относитесь к...»

Вы согласились принять участие в исследовании, которое проводит филологический факультет Тверского государственного университета. Цель исследования – выяснить, как относится современная молодежь к основополагающим элементам культуры (и жизни).

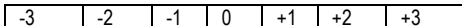
Обведите в кружок ту цифру, которая наиболее точно соответствует существу Вашего отношения.

1. Отношение к себе самой (самому).

Нет!

-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
----	----	----	---	----	----	----

 Да!

«Нет! Я собой недовольна (недоволен).

Не хочу себя принимать такой, какая есть».

«Да! Я собой довольна (доволен).

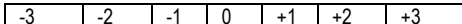
Принимаю себя такой, какая есть».

2. Отношение к миру, другим людям.

Нет!

-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
----	----	----	---	----	----	----

 Да!

«Нет! Мне не нравится, как устроен этот мир.

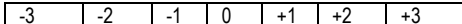
другими».

«Да! Я принимаю мир и людей»

ничего другого».

3. Отношение к мужчине (женщине), то есть – к любви.

Нет!	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Да!
------	----	----	----	---	----	----	----	-----

«Зачем ты мне? Думаю, ты мне

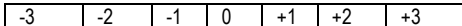
совсем не нужна».

«Да! Жду тебя, приходи. А если ты уже

рядом, то только позови».

4. Отношение к Богу.

Нет!	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Да!
------	----	----	----	---	----	----	----	-----

«Нет! Я не знаю тебя. И даже если ты есть,

знать тебя не хочу».

«Да! Я дочь Твоя (сын Твой). Частичка

Твоя».

Ожидаемые результаты и реальные данные эксперимента.

До проведения эксперимента предполагалось, что практически все ответы окажутся «в плюсе», в позитивной части шкалы, и ценность экспериментального материала будет состоять в том, что появится возможность ранжировать сверхценности. Получилось совсем иначе. Количество школьников, давших отрицательную оценку одной, двум и даже трем рассматриваемым сверхценностям, существенно больше половины. Негативные оценки зафиксированы у 59% девушек (16 Ии. из 27 опрошенных) и у 88% (!) юношей. Думается, эти данные можно интерпретировать как «**недоверие к жизни**», которое связано с «кризисом роста» у подростков и с началом студенческой жизни проходит, как сезонный насморк, поскольку у студентов первого курса этот показатель близок к ожидаемому: негативные оценки зафиксированы у 14% девушек и у 25% юношей. Полученные усредненные результаты отражены в табл. 16.

Таблица 16

Ранжирование сверхценностей

Ранг	Школьники		Студенты	
	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши
1.	Любовь (+1,85)	Я сам (+1,58)	Любовь (+2,71)	Я сам (+2,13)
2.	Бог (+0,66)	Любовь (+0,29)	Я сама (+1,71)	Любовь (+1,38)
3.	Мир, люди (+0,52)	Мир, люди (0,0)	Бог (+1,57)	Мир, люди (+0,88)
4.	Я сама (0,29)	Бог (- 0,57)	Мир, люди (+1,5)	Бог (+0,63)

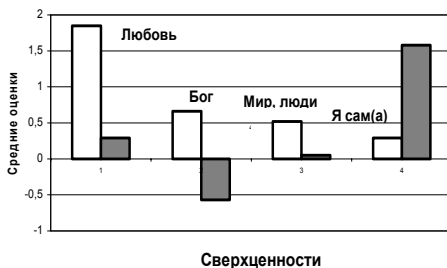
В чем причины большого количества оценок, принадлежащих негативной части шкал? Думается, помимо юношеской тревожности («недоверия к жизни»), срабатывал в ходе анкетирования и юношеский максимализм. Информанты, размышляя над анкетой, оказывались в ситуации внутреннего **конфликта между должным и наличным**. Рассудочная часть их «я», разумеется, осознавала необходимость ответов «Да!» на каждый из предложенных вопросов – «Да!» не столько «для экспериментатора», сколько «для самих себя». Эмоциональное же «я» требовало отвечать, вслушиваясь в субъективную правду внутренней позиции. Этот «конфликт ума и сердца», в силу анонимности эксперимента, информанты разрешали «в пользу сердца», отвечали с установкой на искренность, на «вытаскивание правды» из своей души. А в душе – тревога, связанная с необходимостью «войти в большой мир»...

Ранжирование (табл. 16) выявило два ценностных полюса – *Любовь* и *Бог*. Что любовь у студенток-первокурсниц приоритетная сверхценность, не удивляет. А вот что Бог у мальчишек-школьников (десяти-

классников) «в минусе», вызывает если не тревогу, то как минимум недоумение, смешанное с надеждой: должны повзрослеть...

Перейдём к попарным сопоставлениям групп информантов.

1. Школьники: девушки – юноши.

Как видим, реакции девушек и юношей на все четыре сверхценности радикально различаются. Несколько типичных высказываний школьников, участвовавших в анкетировании, полученных в ходе послеэкспериментального интервьюирования, разъясняют причины:

Юноши о любви:

- «Да, девчонки мне нравятся. Но любовь – это, наверное, совсем другое».
- «Любовь, любовь... не надо преувеличивать. Это всё литература. Будет семья. Может, и любовь будет».
- «Вы журналы читаете? Для молодых, я имею в виду, для школьников? Нет? Ну, так почитайте».

Юноши о Боге:

- «Может, он и есть. Кто его видел? Попаам бабки нужны, вот и пропандируют».
- «Я Булгакова читал. «Мастер и Маргариту». Воланд – это классно. Но ведь он сатана? Так?»
- «Вы доказать можете про бога?»

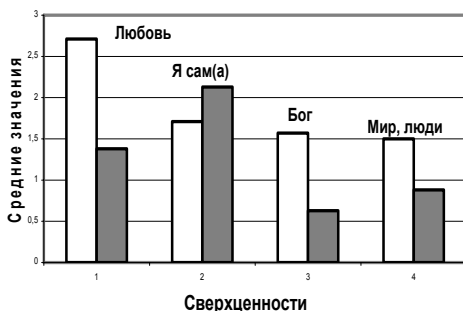
Юноши о мире, других людях:

- «Самопожертвование – это в кино красиво. Или когда реальность – на войне, например, когда семью надо защищать, Родину... Вы ведь про обычную жизнь спрашивали? А в обычной жизни каждый сам за себя. Надо себя отстаивать, свои интересы, а не о других думать».
- «Каждый за себя. Друзья вот еще, родители... А другие – от них что, обязательно хорошего надо ждать?»

Девушки о пункте анкеты «Я сама»:

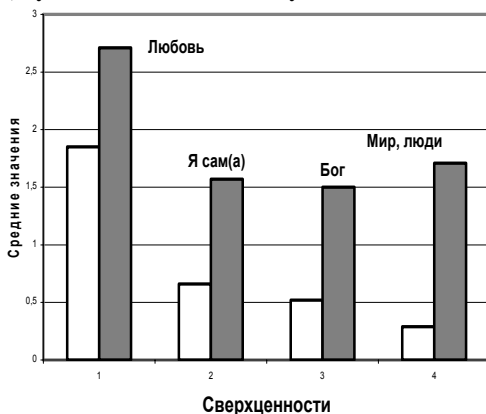
- «Почему у нас получились такие низкие самооценки? Не знаю. Надо еще в жизни устроиться. Профессию получить... Потом замуж...»
- «Мне трудно о себе судить, тем более хвалить. Правильно говорят, что русскую женщину украшает именно скромность. Вот и я ответила «плюс один». Можно считать, на всякий случай. Чтобы не зазнаваться».

2. Студенты: девушки – юноши.

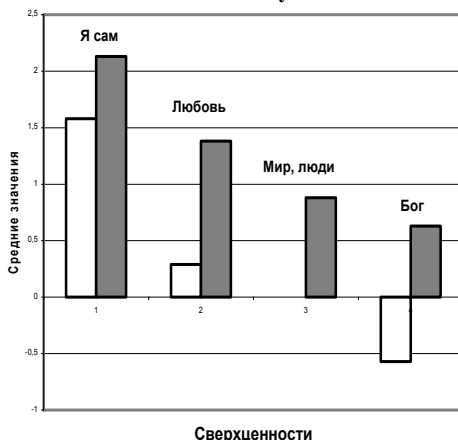
Как видно на диаграмме, студентки, как и школьницы, три сверхценности оценивают существенно выше, чем юноши; исключение – «Я сам(а)» (интегральная самооценка). Это соответствует общей гендерной закономерности.

3. Девушки: школьницы – студентки.

Значительно более высокие оценки всех сверхценностей студентами, по всей вероятности, обусловлены радикальным изменением социального и психологического статуса: неопределенность и личного, и профессионального будущего у школьников сменяется достаточно высокой определенностью и того, и другого у студентов. В отличие от школьников, студентов не пришлось расспрашивать, почему после обработки получились «странные» результаты, как бы они их объяснили.

4. Юноши: школьники – студенты.

Для юношей переход от школьной к студенческой жизни, по всей вероятности, более болезнен, чем для девушек. Диаграмма показывает, во-первых, как резко меняются реакции на исследуемые сверхценности; во-вторых, насколько весомее прочих оказывается «Я сам» как сверхценность.

Думается, не будет несправедливым свести общий вывод относительно участвовавших в эксперименте представителей «сильного пола» к одному словосочетанию – **душевно-духовная дисгармоничность**. Неприятие или недооценка людей, любви и Бога на фоне чрезвычайно высокой оценки параметра «Я сам» – это неприятие или недооценка важнейших частей собственной личности. Выше всех ставя себя, юноши оказываются на грани трагедии одиночества – наедине с собой. Вспомним из «Евгения Онегина»:

Но дружбы нет и той меж нами.
 Все предрассудки истребя,
 Мы почитаем всех нулями,
 А единицами – себя.
 Мы все глядим в Наполеоны;

Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.

Неужели современные юноши внутренне ощущают себя столь же «лишними людьми», как и хрестоматийные Онегин с Печориным? Если так, то тогда понятна и «озабоченность» девушек такой сверхценностью, как Любовь, получившей – особенно на фоне других параметров – чрезвычайно высокие оценки. Интервьюирование информанток дало любопытное подтверждение этому предположению:

- «Мужики повывелись. Всё недоноски какие-то» (прошу читателя извинить за обязанность цитировать точно).
- «В основном козлы. Причем инфантильные. Бездельники и пьяницы. А «крутые» еще хуже. Тупизна полная».

Эксперимент второй (ранжированное ассоциирование типа «экспертная оценка»)

Интерпретируя данные предыдущего эксперимента, мы поставили современному молодому поколению условный диагноз – **душевно-духовная дисгармоничность**, имея в виду внутренний разлад с миром, Богом и людьми у представителей «сильного пола» и болезненную реакцию на этот разлад – у представительниц «слабого пола». Как реакция на разлад в юношеской душе, который ставит современных молодых людей (во всяком случае, информантов, что участвовали в эксперименте) в один ряд с хрестоматийными «лишними» Онегиным, Печориным и Обломовым, в душе девичьей возникает «обеспокоенность любовью».

«Как строить жизнь, если вокруг не видно таких, кто в полном смысле слова **мужчина?**» – так можно выразить существо внутренней обеспокоенности многих информанток. Поскольку соглашаться с этой позицией (с тем, что в современной России «нет настоящих мужчин») нельзя, приходится искать ответ на вопрос: в чем причины такой внутренней позиции?

Выскажем два взаимосвязанных предположения:

- 1) национально-специфические черты русского менталитета не вполне согласуются с тем важнейшим «требованием современности» (пришедшим в Запада), которое находит свое выражение в слове **Успех**, точнее – **Личный Успех**;
- 2) те этнопсихологически своеобразные черты, которые обуславливают **специфическую ценность** «русского характера», оказываются попросту вне поля зрения информанток: их не замечают или считают незначимыми по причине «загипнотизированности» стереоти-

пами западной культуры, которые старательно навязываются средствами массовой информации (названный выше *Уснех*).

Наш опыт многочисленных бесед со студентами и школьниками о своеобразии русского национального характера свидетельствует: представления молодежи о своей национальной идентичности крайне скудны, а «любовые» вопросы на основе данных, суммированных в табл. 2 (типа «Что, на ваш взгляд, характернее для россиян – настойчивость или расхлябанность, склонность к атеизму или религиозности?»), попросту ставят в тупик.

Из наблюдений родилась гипотеза: у современной молодежи слабо развито (точнее, «девальвировано») ощущение национальной идентичности; молодые люди плохо сознают свою «русскость», в особенности «русскость» русских мужчин. Гипотеза обусловила и основную цель – выяснить, какие этнопсихологические особенности русских людей информанты (девушки) оценивают как наиболее показательные.

Для свободного ранжированного ассоциирования типа «экспертная оценка» предлагалось три вопроса:

1. В чем состоят специфические черты русского национального характера в целом?
2. Каковы специфические черты русских мужчин?
3. Каковы специфические черты русских женщин?

Ответы предлагалось упорядочить по субъективной значимости: под номером «1» указать наиболее значимые (на взгляд информантки) черты, под номером «2» – менее значимые и т.д. Количество возможных позиций не ограничивалось (в максимуме оказалось восемь).

Результаты обработки полученного материала представлены в табл. 18–19; процедура интерпретации основывается на следующем:

- 1) выделяются наиболее частотные черты менталитета, названные Ии.; в сводных таблицах они приведены в начале списка, в скобках указано число информантов, давших соответствующие ответы;
- 2) выявляются наиболее объёмные лексико-семантические группы ассоциатов – как по отдельно взятым рангам, так и по их совокупности (с первого по восьмой);
- 3) выборочно рассматриваются единичные ассоциаты, в особенности представляющие собой относительно пространную речевую единицу (словосочетание или даже предложение), в сводных таблицах такие речевые единицы выделены курсивом.

Русский менталитет в целом (табл. 17). Основные выводы:

- 1) по количеству: преобладают положительные черты (хотя смысловое ядро поля положительных качеств отчетливо не выделяется);
- 2) по структуре ассоциативного поля: чётко определяется состав лексико-семантических групп ассоциатов (а следовательно, и мнение информантов), отражающих отрицательные качества русского менталитета; состав групп ассоциатов, отражающих положительные

качества, определяется по принципу «квази» (условное объединение в одну группу при больших семантических расстояниях), а следовательно, мнение информантов о русском «позитиве» нужно интерпретировать как неопределенное, размытое.

Интерпретация: Информантки субъективно склонны к положительной оценке менталитета народа, которому принадлежат, но смутно представляют, в чем конкретно заключаются его положительные качества. Поэтому оказываются названными лексемы, в значительной степени случайные, слабо отражающие глубинное осмысление собственного национального характера.

В ходе беседы после анкетирования информантки удивлялись, что до эксперимента задумываться всерьез над поставленными вопросами, «в общем-то, не приходилось». Говорили, что, припоминая курс истории или литературы, могут назвать *простоту, доброту, мужество* и т.п., но сомневаются, является ли это достаточно содержательным и действительно главным. Отмечали, что то ранговое упорядочение качеств, которое они по условию эксперимента произвели, во многом условно, что они могли бы расположить названные качества и в ином порядке. Кроме того, ссылались на необходимость думать о конкретных ситуациях проявления национально-своеобразных черт характера (поскольку в разных ситуациях разные черты являются главными).

Доминирующие в анкетах **отрицательные** черты:

- 1) *лень (леность, ленивость)*, близкие по значению лексемы: *апатия, безразличие, равнодушие, расхлябанность, разболтанность, безответственность* – и развернутые оценки: *часто – лень непробиваемая; нежелание решать какие-то проблемы (проще всё свалить на Божью власть);*
- 2) *пьянство, алкоголизм;*
- 3) черта, следуя данным Ин., можно обобщенно охарактеризовать как *любовь к крайностям* и которая может быть обнаружена в таких ассоциативных реакциях, как *доброта и жестокость, равно необъяснимые; непостоянство, вселенская тоска, непредсказуемость.*

Интерпретация: совершенно очевидно, что в выборе отрицательных качеств русского менталитета Ин. ориентируются на расхожие стереотипы (*лень, пьянство*), хотя фиксируют и объективно наиболее значимую негативную черту – **дуализм**, внутреннюю противоречивость. Известно, впрочем, что эта черта может оцениваться не как недостаток, но как фактор силы, в том числе как способность к соединению восточного и западного в одной культуре. Однако в проекции не на культуру в целом, а на конкретного человека в своеобразии его индивидуальной судьбы, как нам представляется, дуализм – скорее беда, чем основание радоваться.

Таблица 17

Черты русского менталитета в целом

Ранг	Черты русского менталитета	
	Положительные	Отрицательные
1.	Национальный характер (2), нестяжательство (2), патриотизм, стремление к коллективу, коллективизм, стремление к самовыражению, щедрость, простота души, талантливость; <i>практицизм, организация своей жизни для зарабатывания на хлеб насущный; бесшабашность, способность делать что-нибудь бескорыстно (не брать денег)</i>	Лень (3), леность, наивность (3), расхлябанность (3), болтливость, разболтанность, простодушие, алкоголизм, апатия, безразличие ко многим вещам, недоверие
2.	Доброта (3), доброта и отзывчивость, культура, язык, душевность, духовность, радушие; <i>организация, обустройство своей жизни; правдоискательство, преданность, гостеприимность; группизм, принятие решения на основе единогласия</i>	Лень (3), ленивость (2), часто – <i>лень непробиваемая</i> , леность, вселенская тоска → пьянство, воровство, ненависть к ближним, стадность, расхлябанность, неаккуратность (бардак)
3.	Патриотизм (2), культура, искусство, православность, щедрость, искренность, ответственность, свободолобие, радушие, доброта, чувство юмора, сила (физическая, духовная), простота, группизм, добродушие, простодушие; <i>леность и внутренняя духовная активность</i>	Лень (3), леность, зависть, жадность, пьянство, непредсказуемость, отсутствие практичности
4.	Литература, гостеприимство (2), веселость, усердие; глубокая вера в Бога, <i>вера в Бога: «Всё в руках Божьих»</i> ; вера, самопожертвование, открытость; <i>способность думать не только о себе, но и о других; личные качества, которые становятся двигателями карьеры, успеха</i>	Праздность, жадность, отсутствие культуры, алкоголизм, консерватизм, надежда на «авось», простодушие, пьянство, зависть
5.	Выносливость, доброжелательность, неприхотливость, взаимопонимание, увлеченность, <i>коллективность (в противоположность индивидуализму американцев)</i> , стремление к совершенствованию; <i>вера, часто смешиваемая только с внешними ее проявлениями</i>	Лень, леность, пьянство, тупость, любовь к крайностям во всём
6.	Юмор, взаимовыручка, бескорыстие, предрасположенность к богоисканию	Пьянство (2), <i>расхлябанность, нежелание решать какие-то проблемы (проще всё свалить на Божью власть); безответственность; доброта и жестокость, равно необъяснимые</i>
7.	Совестливость, поиск Бога в себе и в мире	Расположенность к уединению (лень), зависть, непостоянство
8.	Умение отдыхать красиво, стремление к новому	Наивность

Доминирующие в анкетах **положительные** черты:

- 1) **коллективизм**, близкие по значению лексемы: *щедрость, простота души, доброта и отзывчивость, душевность, радушие, группизм, взаимопонимание, добродушие, простодушие, самопожертвование, взаимовыручка, бескорыстие* – развернутые оценки: *способность думать не только о себе, но и о других; группизм, принятие решений на основе единогласия; коллективность (в противоположность индивидуализму американцев); способность делать что-нибудь бескорыстно (не брать денег);*
- 2) **патриотизм**;
- 3) **вера, глубокая вера в Бога**, смежные по значению характеристики: *нестыжательство, предрасположенность к богоисканию, правдоискательство, православность* – развернутые характеристики: *вера в бога: «Всё в руках Божьих»; вера, часто смешиваемая только с внешними ее проявлениями; поиск Бога в себе и в мире.*

Интерпретация: по всей вероятности, *патриотизм* Ии. называли больше «по необходимости», потому что «так принято думать» (в полученных материалах не обнаруживаются близкие по значению доминанте *патриотизм*).

Две другие черты – *коллективизм* и *вера* – хорошо согласуются с данными специальной литературы. Жаль, что никто из Ии. не вспомнил такое красивое слово, как «*соборность*», но черты, обуславливающие возможность разумной жизни в коллективе, названы достаточно разнообразными. *Вера*, как выяснилось в ходе беседы после анкетирования, по мнению некоторых весьма категорически настроенных собеседниц, могла бы быть названа и как безусловно основная черта. Мешает, по их словам, ощущение, что явление *веры* в современном российском обществе, во-первых, «испорчено» формальным отношением к ней и «модой» на религию (а мода в этой сфере оценивается негативно); во-вторых, пока вера еще просто «не вернулась» после многих лет советской атеистической власти. «Наверное, будет возвращаться», – такой комментарий прозвучал дважды.

Русские женщины (табл. 18). Основные выводы:

- 1) по количеству: безусловно доминируют именованная положительные черт;
- 2) по структуре: отчетливо выделяются смысловые ядра как в положительной, так и в отрицательной частях поля.

Интерпретация: хочется думать, что безусловное преобладание положительных оценок связано не с тем, что информантки-девушки хотели «себя похвалить», а с тем, что объективно русские женщины, как все мы часто слышим и читаем, – лучшие в мире и жены, и матери. От-

четливая структурная оформленность обеих частей поля свидетельствует о развитом гендерном самосознании информанток.

Доминирующие **положительные** качества:

- 1) **красота** (более подробный ассоциат – *красота физическая и духовная*), близкие по значению единицы: *привлекательность, красота внутренняя, красота внешняя, умение хорошо выглядеть всегда, обаятельность, привлекательность*;
- 2) **трудолюбие** и близкие по значению: *выносливость, трудолюбие и способность тащить на себе всё, трудоспособность, трудоголизм*;
- 3) **терпение, терпимость** и близкие по значению единицы: *терпеливость, способность к адаптации, всепрощаемость*;
- 4) **верность, преданность** и близкие по значению: *добропорядочность, способность к самопожертвованию, самоотверженность, ответственность за последствия, жертвенность, самопожертвование*;
- 5) **семейные ценности, хорошие хозяйки** и близкие по значению: *ответственность за семью, стремление к созданию семейного очага, хранительница семейного очага, заботливость, любовь к детям, хозяйственность, способность любить, уважение мужа*.

Интерпретация: прежде всего, обращает внимание обширность перечня базовых черт. Если по русскому менталитету в целом удалось определить лишь **две** доминантные черты (не считая *патриотизма*, это *коллективизм* и *вера в Бога*); то по русским женщинам отчетливо выделяется **пять** названных выше характеристик. И это «не предел». Называют информантки, естественно, и *любовь*, и *доброту*, и *практичность*, и *ум* и многое другое. Однако, по нашим наблюдениям, *любовь* в менталитете русских женщин оказывается подчиненной *семейным ценностям*, *доброта* – слишком неопределенная по сравнению с перечисленными черта, а *ум* – скорее личностное свойство, а не особенность национального характера. Видимо, прав был Л.Н.Толстой, изображая в лице Наташи (уже не Ростовой, а Безуховой) и Марьи (уже не Болконской, а Ростовой) прежде всего образцовых матерей и «хранительниц очага».

Подчеркнем, что **красота** информантками понимается как гармония внешнего и внутреннего, как *красота физическая и духовная* (опять-таки припоминается героини Л.Н.Толстого).

Обобщая, можно сказать, что совокупность названных нашими информантками положительных черт отражает то, что соответствует понятию **идеал**.

Отрицательные качества в рамках полученного материала плохо поддаются систематизации: Ии. «слишком мало» негативных черт называли, чтобы можно было – пусть условно и приблизительно – определить доминантные лексико-семантические группы. Рискнём (именно с такой оговоркой) выделить в качестве доминанты **низкую самооценку** и соположить этой доминанте ассоциаты *слабохарактерность, боязнь*

одинокости, подавленность, подавленность социальными стереотипами, наивность, наивность (до замужества), заниженная самооценка.

Думается, едва ли эти черты можно трактовать именно как особенности менталитета, – скорее это личностные черты, от которых информантки, назвавшие их, хотели бы избавиться (то есть появление этих ассоциатов в эксперименте вызвано «подменой вопроса», когда вместо размышления именно о менталитете русских женщин в целом Ии. думала о своих личных недостатках).

Таблица 18

Черты русских женщин

Ранг	Черты русских женщин	
	Положительные	Отрицательные
1.	Красота (2), красота физическая и духовная, терпение (2), терпеливость (2), доброта (2), верность (2), семейные ценности, хорошие хозяйки, преданность, добропорядочность, ответственность за семью, хранительница семейного очага, трудолюбие, выносливость, заботливость, терпимость, способность к самопожертвованию, самоотверженность.	Хитрость, низкая самооценка, чувствительность (излишняя), распушенность.
2.	Терпимость, терпение, трудолюбие, <i>трудолюбие и способность тащить на себе всё</i> , преданность, смелость, мужественность, доверительность, самодостаточность, верность, стремление к созданию семейного очага, красота внутренняя, ум, практичность, отсутствие самолюбия, <i>ответственность за последствия (сначала думает, потом делает)</i> , привлекательность, выносливость, любовь к детям, хозяйственность, способность любить, способность к адаптации, твердость характера, доброта.	Слабохарактерность, стремление к ненужному самопожертвованию, меркантильность.
3.	Терпимость (2), любовь к детям (2), трудолюбие, трудоспособность, трудолюбие, смелость, скромность, самостоятельность, красота, умение хорошо выглядеть всегда, самодостаточность, <i>способность на большие чувства (любовь не только ради денег)</i> , самопожертвование; <i>желание, чтобы всё было как положено</i> ; выносливость, жертвенность, привлекательность, практичность, уважение мужа.	Боязнь одиночества, <i>чересчур заботливые матери, готовые опекать своих детей до пенсии</i> ; отсутствие логики, наивность, подавленность социальными стереотипами.
4.	Трудолюбие (2), трудолюбивость, терпимость, выносливость, верность, жалостливость, красота внешняя, смелость, надежда на саму себя, отзывчивость.	Тенденция к преувеличениям, наивность (до замужества), упрямство.
5.	Способность любить, всепрощаемость, самопожертвование, гостеприимство, обаятельность, привлекательность.	Заниженная самооценка, наивность.
6.	Верность, умение любить.	
7.	Доброта.	
8.	Жертвенность.	

Русские мужчины (табл. 19). Основные выводы:

- 1) общее наблюдение: картина, зеркально отражающая ту, которая зафиксирована в отношении русских женщин;
- 2) по количеству: безусловно доминируют отрицательных черт русских мужчин;
- 3) по структуре полей: отчетливо выделяется смысловое ядро лишь в отрицательной, но не в положительной части поля.

Интерпретация: насколько близка идеалу сводная характеристика русских женщин, настолько же **близка «антиидеалу»** картина, которую наблюдаем в отношении русских мужчин.

Таблица 19

Черты русских мужчин

Ранг	Черты русских мужчин	
	Положительные	Отрицательные
1.	Патриотизм (2), щедрость (2), ум (2), умение делать комплименты, сила, мужественность, романтичность, желание разнообразия, кормильцы.	Пьянство (3), алкоголизм, тяга к вредным привычкам, лень, безответственность, самовлюбленность, самолюбование, самоуверенность; <i>Любит казаться умнее, чем есть на самом деле; пристрастие к большим компаниям и спиртному; любовь к крайностям, упрямство, скупость, глупость (очень часто замаскированная под так. наз. «крутизну»), непрактичность.</i>
2.	Мужественность, стойкость, надежность, ум, предприимчивость, защитники.	Лень (4), тунеядство, безответственность (2), безответственность за поступки, самоуверенность, любовь к крайностям, высокомерие, непрактичность, отсутствие практичности, болтливость, непостоянство, расточительность, влюбчивость, отсутствие чувства собственного достоинства, стяжательство.
3.	Темпераментность, сексуальность, обаятельность, настойчивость, сила, дружба.	Пьянство (2), лень, эгоизм (2), безответственность (2), <i>Ничто не делают самостоятельно; ждут, когда им четко укажут задачу;</i> инфантильность, инфантилизм; <i>желание, чтобы его поняли, поддержали, позаботились;</i> жадность, невоспитанность, неверность, непостоянство, нерешительность.
4.	Работоспособность, доброта, практицизм, открытость, практический ум, любовь к детям (особенно маленьким и чужим).	Пьянство, трусливость (пасуют перед трудностями); самоуверенность (порой излишняя); <i>надежда на женщин (во всём!!!);</i> инфантилизм, пьянство, жить за счет женщин.
5.	<i>Склонность к порывам (иногда даже добрым).</i>	Нежелание слушать себя и других, жадность, отсутствие мужественности, алкоголизм.
6.	Обаяние.	Избалованность.
7.	Широта души.	Пьянство.
8.		Безответственность.

Доминирующие в анкетах **отрицательные** качества:

- 1) **пьянство**, смежное *алкоголизм*; целые словосочетания и выражения: *пристрастие к большим компаниям и спиртному*; *тяга к вредным привычкам*;
- 2) **лень, непрактичность**, близкие по значению единицы: *безответственность, лень, тунеядство, безответственность за поступки, инфантильность, избалованность, инфантилизм, отсутствие практичности* – целые выражения: *Ничто не делают самостоятельно; ждут, когда им четко укажут задачу; надежда на женщин (во всём!!!); жить за счет женщин, желание, чтобы его поняли, поддержали, позаботились*;
- 3) **самоуверенность**, близкие по значению: *самовлюбленность, высокомерие, самолюбование* – целые словосочетания и выражения: *Любит казаться умнее, чем есть на самом деле; нежелание слушать себя и других*;
- 4) **любовь к крайностям** и близкие по значению: *непостоянство, расточительность, неверность, непостоянство*;
- 5) **жадность** и близкие по значению: *стяжательство, скупость*.

Интерпретация: сравнение с доминантными чертами русского менталитета в целом, которые были выявлены в результате систематизации, явно не в пользу мужчин.

Напомним, что информантки доминантными чертами русского менталитета в целом сочли *лень, пьянство, и любовь к крайностям*. Те же черты фиксируются и применительно к мужчинам, но дополнительно появляются *самоуверенность, жадность и непрактичность* (во взаимосвязи с *ленью*). Если учесть и единичные ассоциаты типа *трусость, отсутствие мужественности, невоспитанность, глупость*, то выходит, что русский мужчина в глазах информанток едва ли «собрание всех возможных пороков».

Доминирующие **положительные** качества русских мужчин плохо поддаются систематизации (напомним, что плохо поддаются систематизации и **отрицательные** качества русских женщин). Причина в том, что Ии. «слишком мало» положительных качеств, и в результате названные качества ни по частотности потенциально доминирующего обозначения, ни по разнообразию смежных по смыслу лексем не могут быть вынесены в число наиболее характерных.

К примеру, фиксируется в ответах информанток *патриотизм*, но всего в двух случаях (из 36 опрошенных); фиксируется *ум*, но всего в четырех случаях (опять-таки из 36); аналогично отмечаются единичные фиксации лексем *сила, мужественность, кормилицы* (соотнесенность с отмеченным в характеристиках женщин значимым параметром *семья*), *сексуальность, обаятельность* (можно соотнести с базовым женским положительным качеством *красота*) и др.

Таким образом, **высказанную выше гипотезу можно считать подтвержденной на две трети**, а именно:

- 1) у современных девушек слабо развито («девальвировано») понимание, в чем сущность «русского характера» в целом;
- 2) крайне деформировано, искажено – до «обращения в противоположность» – представление о своеобразии национального характера русских мужчин;
- 3) представление о своеобразии национального характера русских женщин стремится свестись к исчерпывающей характеристике идеала «женщины вообще».

Приходится делать вывод об **отсутствии** у информанток скольконибудь ясно сформированного **положительного идеала**, связанного с человеческим типом, который характеризуется словосочетанием *русский мужчина*. И это несмотря на многолетнее изучение русской литературы и истории в общеобразовательной школе и вузе! Несмотря на фильмы и книги о сильных, самоотверженных, благородных...

Таким образом, «в финальной интерпретации» приходится трактовать полученные экспериментальные результаты как **отражение очевидного духовного неблагополучия**.

«Гламурная» ментальность

Гламур – новое слово в русском лексиконе, фиксирующее и новое для нашей страны явление культуры, и новый лингвоментальный феномен. Семантические этимоны *гламура* – изначально мелиоративные: англ. *glamour* как сущ. – это ‘чары, волшебство; романтический ореол; обаяние; очарование’; как прил. – ‘эффектный’; как глагол – ‘зачаровать, околдовать, пленить’; фр. *glamour* – это ‘обаяние; привлекательность (о киноактрисах)’. Мелиоративно и прил. *гламурный* – из англ. *glamorous* ‘обаятельный, очаровательный; эффектный’.

Однако на русской почве феномен «гламурности» сразу обнаружил аксиологическую амбивалентность, а вслед за ней и существительное *гламур* приобрело налет пейоративности, фиксирующий отношение к гламуру к чему-то этически предосудительному. Эта пейоративность, в словарных пометах не фиксированная, хорошо просматривается, например, в странной текстовой иллюстрации Словаря начала XXI века, ср.: «**Гламур**... магическое обаяние, шарм, внешний блеск, лоск. Как понятие гламур занял заметное место в культуре лишь XX века, в особенности с приходом кино, а точнее, с рождением Голливуда, “фабрики грез”, сумевшей придать своим секс-символам общемировой статус. .. Когда удовольствие стало *modus vivendi* (“эпоха джаза”, “эпоха чарльстона”), когда семейные узы всячески ослабли, с женщиной эмансипировалась, когда кино,

со своей стороны, вышло из гетто плебейства, а Голливуд стал всемирным поставщиком «образа жизни», его суперзвезды обрели гламур, а гламур обрел в их лице свое воплощение. ИК. 2000, № 4» [ТСРЯ 247]. Как видим, гламур изначально ассоциируется с «фабрикой грез», сексуальной раскрепощенностью, ослаблением семейных уз, деструктивными гедонистическими установками.

«Гламурная» ментальность, основывающаяся на мелиоративном прочтении феномена гламура, ассоциируется его сторонниками с некоей элитарностью, новой «аристократичностью», избранностью, «желанием установления какого-то неравенства», с нахождением «выше оси» в социуме, с принадлежностью «верхушке людей», которые «обладают властью», для которых «гламур – это образ цели, модель человека, к которой стремишься», и т.п. [Новый человек между дискурсом и гламуром 2007].

С другой стороны, пейоративное прочтение феномена гламура фиксирует как характерный для него феномен «переворачивания смыслов»: красота в гламуре предстает как красивость, творчество – как креативность, связанная прежде всего с продвижением товаров и услуг, самореализация – как успех, преимущественно материальный [Кушнир 2012: 138].

Коннотативная бимодальность гламура хорошо просматривается в его дериватах, к настоящему времени сложившихся в достаточно обширное словообразовательное гнездо (см., например: [Буряковская 2011; Михайкина 2009]), ср.: антигламур и арт-гламур, треш-гламур, карео-гламур, диско-гламур, гламур-блеск, гламурище, антигламурный и контргламурный, гламурность и негламурность, гламурный, гламурно и гламурненько, гламурно-глянцевый (журнал, обозреватель), гламурно-коммерческая (среда), гламурё, прагламур, пригламурить, ретро-гламур, стильно-гламурный (антураж), ультрагламурный.

Суммарно процесс охвата гламуром заинтересованного в этом явлении населения фиксируется отглагольным сущ. гламуризация, постоянные обитатели уже даже не архипелага, а целого континента [Богомолов 2009] Гламур – гламурианин, гламурианка, гламурищик, их основное занятие – гламуриничать, выгламуриваться.

Исследователи отмечают, что сочетаемость инициального в этом гнезде сущ. гламур постоянно расширяется, впитывая различные метафорические краски: безобразный, белый, в извращенной форме, всесильный и победительный, душеспасительный, коричневый, крутой, литературный, мертвый, многопудовый, московский, натуральный, остро-социальный, под взбитыми сливками, по-деревенски, под копирку, подозрительный, полный, российский, русский, свежий, сдержанный, скромный, с мужским лицом, спортивный, столичный, ТАТУированный, те-атральный, термоядерный, уездный, уличный, хоккейный, хорошо переваренный, цветочный [Михайкина 2009]. Не отстают в расширении сочетаемости и производные слова: гламурный журнал, гламурное фото,

гламурная модель, гламурный фашизм (марксизм), гламурная партия, система гламуризации, большой гламурный обман и мн. др.

Эти языковые/речевые факты нельзя рассматривать иначе, как одностороннее свидетельство появления и агрессивного расширения сравнительно новой для нашей страны лингвоментальной структуры (*концепта* в современном лингвокультурологическом смысле этого термина).

Заметим, что такие сходные с современным *гламуrom* явления предшествующих веков, как *петиметры* XVIII века, *франты* и *dandy* пушкинской эпохи, *комильфо* времен Л.Н. Толстого носили, выражаясь современным языком, узкокорпоративный характер, не выходили далеко за пределы «образованных классов», тогда как агрессивной экспансии современного *гламура* благодаря СМИ подвергаются все слои населения (об истории гламура см., например: [Частицына 2006]).

«У каждого века, за исключением нашего, был свой идеал. Наша цивилизация отказалась от идеала святого, героя, аристократа, рыцаря, мистика. У нас остался только хорошо умеющий приспосабливаться “человек без проблем”, бледный и сомнительный суррогат идеала», – с горечью констатировал Абрахам Маслоу в конце 60-х годов в одной из последних своих книг («На подступах к психологии бытия»).

Такой гедонистически ориентированный идеал «человека без проблем» массово тиражируют ныне глянцево-журнальные издания, в том числе «*Glamour*» – рекламно-информационное издание, призванное продвигать ментальные ценности гламура в рамках достаточно узкой целевой аудитории (в основном девушки от 14 до 20 лет).

Как массовый женский бульварный журнал, «*Glamour*» фундируется прежде всего на сенситивных для этого возраста темах, отражающих, в терминологии Маслоу, дефицитарные потребности (здоровье, отдых, секс, развлечения, мода и т.п.), которые слабо связаны с «...абстрактными “ценностями” предельного, нередуцируемого характера, такими ценностями, как истина, красота, новизна, уникальность, справедливость, лаконичность, простота, доброта, аккуратность, эффективность, любовь, честность, невинность, совершенство, порядок, элегантность, рост, чистота, подлинность, покой, мир и т.п.» [Маслоу 2011: 344].

Резко ироничную, даже саркастическую характеристику гламурного идеала дала в эссе «Я планов наших люблю гламурье» еще в 1998 году Татьяна Толстая:

«Гламур – высшее, разреженное, лучистое, эфирное, запредельное состояние бытия. В гламуре гражданин, а тем более гражданка уж не сеет, не жнет, не собирает в житницы. Все в ней гармония, все диво. В гламуре нет ни прыщей, ни вросших ногтей, ни кишечных колик, ни заусенец, ни храпа: все это преодолено на более ранней стадии развития, на полпути превращения из свиньи в серафима, в малом глянце, в журналах “для секреш”. В гламуре нет заплаканных глаз, хлопающего носа, уныния,

отчаяния, наплеватьства, ответственности, тревоги за родственников, наконец, нет смерти, в лучшем случае – “неумирающая легенда”.

Гламурное существо – молодое, худое, извилистое, как правило, женского пола. Рожденное без родителей, оно мерцает на фоне безликих, но многочисленных “друзей”, изредка имеет изящное гламурное дитя возрастом не более трех лет, которое неизвестно кто воспитывает. Оно не нуждается в деньгах, не берет и не дает в долг; источник его богатства неясен, но, очевидно, неистощим».

Без публицистического пафоса общая научно-аналитическая оценка феномена гламура как знакового явления для «современного общества потребления» [Смурова 2010] сводится к характеристике типа «Гламур – культурная чума третьего тысячелетия», основные симптомы которой, по словам Г. Сергеева, связаны с тем, что эстрада «превращается в конкурс красоты», место таланта заменяют технологии, формируется «микрокосмос асоциальной псевдозлиты», руководствующийся идеологией «добровольной ликвидации духовного образа человека», которая постепенно приобретает масштабы «новой мировой религии» [Сергеев 2007].

«Позывные гламура» [Зверева 2006] четко фиксируются в названиях рубрик и ключевых статей глянцевого журналов, прежде всего их флагамена с символическим названием – журнала «*Glamour*».

Как правило, открывает каждый номер группа статей под рубрикой «*Glamourama*», включающий публикации исключительно о богатых и знаменитых, которые, с точки зрения авторов издания, являются элитой общества, поскольку достигли высочайшей степени роскоши, шика и обаяния.

Все последующие разделы можно рассматривать как своеобразные «инструкции» для юных читательниц, которые жаждут приблизиться к идеалу, представленному на первых страницах. «Секс», «Тело», «Психо», «Карьера», «Деньги», «Экспресс», «Сюжеты», «Монитор», «Мода и красота», «Стиль жизни» – ничто иное, как маркеры жизненных приоритетов. Именно так: не «Любовь», а «Секс», не «Красота и здоровье», а «Тело», не «Душа», а не очень понятное усечение «Психо» и т.д. Рефлексы древнегреческого *psyche* ‘дыхание > дух, душа > жизнь (перен.)’ в современном русском представлены лишь в сложных словах типа *психология*, *психография*, *психопедагогика*; представление этого словообразовательного элемента в виде самостоятельной номинации однозначно ассоциируется с представлением о некоей болезненной неполноценности.

Названия конкретных материалов по афористически-броской стилистике напоминают рекламные слоганы, часто строятся как парафразы на темы прецедентных текстов, ср., например, в рамках концепта «Мода»: «На дружеской ноге» (об обуви), «Полуголая правда» (о пляжной моде), «Малая земля» (стиль сафари, цвета пустыни), «Мелочь, а приятно» (об аксессуарах в одежде), «Милости носим» (реклама одежды), «Веселей, рабочий класс!» (что надеть на работу), в рамках концепта

«Тело»: «Ноги в руки» (советы для идеальных ног), «Принцесса цирка» (тренировка со спортивным снаряжением Jukaŕi), «Люди в форме» (о подготовке тела к пляжному сезону).

Концепт «гламур» в сущности своей деструктивен по отношению к русской концептосфере, хотя и не проявляет по способам своей репрезентации в СМИ явной агрессии к русской национальной культуре, что делает его вдвойне опасным. Используя новейшие рекламные технологии, журнал «Glamour» по сути манипулирует сознанием потребителя, формирует человека массовой культуры, внедряя в его сознание вместо таких традиционных ценностей, как любовь, семья, дружба, внутренняя красота, такие внешне привлекательные подмены, как секс, карьера, деньги, мода.

Вопросы и задания

1. Вторая глава книги Н.О. Лосского «Характер русского народа» – «Способность русского народа к высшим формам опыта». Прочитайте и интерпретируйте приведенный фрагмент данной главы в контексте размышлений об особенностях русского менталитета.

«Видов бытия много. Существует *реальное* бытие, т.е. бытие, имеющее временную форму; оно состоит из событий, возникающих и исчезающих во времени. Два главных вида реального бытия суть *материальные* процессы, имеющие пространственно-временную форму, и *психические* процессы, имеющие только временную форму, без пространственности (чувства, стремления и т.п.). Кроме реального бытия существует *идеальное* бытие, не имеющее временной и пространственной формы; таковы, например, математические идеи, всевозможные отношения, придающие миру систематический характер. Выше реального и идеального бытия стоит *металогическое* бытие, не подчиненное законам тождества, противоречия и исключенного третьего, но, конечно, не нарушающее этих законов. Наконец, выше мирового бытия есть бытие *Божественное*. Все эти виды бытия могут быть предметом непосредственного созерцания, т.е. интуиции. Словом “опыт” следует назвать всякое непосредственное созерцание предметов. Из предыдущего следует, что существует много различных видов опыта, много видов интуиции: существует чувственная интуиция, т.е. созерцание нами таких свойств вещей, как цвета, звуки, твердость и т.п.; существует нечувственное восприятие нами наших, а также чужих душевных состояний; существует *интеллектуальная* интуиция, т.е. созерцание идеальной стороны мира, например математических идей; *мистическая* интуиция есть созерцание металогического бытия; *религиозный* опыт есть “встреча” с Господом Богом. Наконец, существует еще и *аксиологический* опыт, именно созерцание нами ценностей бытия, нравственных, эстетических и т.п.» [Лосский 1991: 256].

2. Постройте несколько вариантов объяснения, *что такое менталитет*, в проекции на различную аудиторию (дети и взрослые, руководители и подчиненные, врачи и педагоги и т.д.).

3. Почему, говоря о *русском* менталитете, следует иметь в виду, что одновременно это и *российский* менталитет? В чем усматривается сходство и различия *русского* и *российского*?
4. Какие варианты интерпретации основных особенностей русского менталитета представляются наиболее целесообразными в проекции на различные задачи гуманитарной практики?
5. Как можно интерпретировать утверждение Н.О. Лосского: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием»?
6. Как проявляется *антиномичная дуальность* русского менталитета в различных производственных, бытовых, иных ситуациях?
7. Заполните представленную в данной главе анкету «Как вы относитесь к...». Сопоставьте свои результаты с представленными в таблицах, постройте интерпретацию наличных материалов.
8. Ранжируйте основные черты русского менталитета, сопоставьте свои результаты с теми, что представлены в данной главе.
9. Приведите примеры экспансии «гламурной ментальности» в средствах массовой информации, в быту. Дайте мотивированную оценку этим явлениям с противоположных позиций – «прогламурной» и «антигламурной».

Литература

Анисин А.Л. Принцип соборного единства в истории философской мысли: Автореф. дис. ... д. филос. н. Екатеринбург, 2011. URL: <<http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a131.php>>.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. – 224 с.

Богомолов Ю. Архипелаг Гламур, ставший континентом. Хроника телевизионного сезона 2008/2009 // Журналист. 2009. № 8. – С. 39.

Большаков В.А. Ценности культуры и время (некоторые проблемы современной теории культуры). – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. – 112 с.

Буряковская В.А. Концепт «Гламур» в текстах СМИ // *Lingua mobilis*: Научный журнал. Челябинск, 2011. № 3(29). – С. 120–127.

Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россия и евразийство // Социологические исследования. 1996. № 5. – С. 92–102.

Визгин В.П. Ментальность // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. / Научно-ред. совет, предс. В.С. Степин. Т. 1. М.: Мысль, 2010. – С. 525–526.

Волков В.В. Гендерные особенности восприятия русского менталитета (в контексте проблемы духовного здоровья) // Вестник Тверского государственного университета. № 1, 2010. Сер. Филология. Тверь, 2010. – С. 84–103.

Волков В.В. «Гламурная» ментальность в зеркале журнала «Glamour» // Язык и культура: Сборник материалов IV Международной научно-практ. конференции. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 176–180.

Волков В.В. Проблема целостности человека в секулярном и религиозном сознании (Возвращение от *homo sapiens* к *homo religiosus*) // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы XII Международной научной конференции. Иваново: Изд-во Ивановск. госунта, 2013. – С. 377–384.

Горнова Г.В. Антиномичность городской культуры: Автореф. дис. ... д. филос. н. Омск, 2011. URL: <<http://cheloveknauka.com/antinomichnost-gorodskoy-kultury>>.

Гуревич П.С., Шульман О.И. Ментальность, менталитет // Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С.Я. Левит. Т. 2. СПб.: Университетская книга; 000 «Алетейя», 1998. – С. 25–27.

Жванецкий М.М. Собрание произведений: В 5 т. М.: Время, 2009.

Зверева В. Позывные гламура // Искусство кино. 2006. № 11. – С. 18–27.

Картавый М.А., Нехашкин А.Н. Методологические принципы формирования российского менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. 1999. № 3. URL: <<http://www.vipstudent.ru/index.php?q=lib&lr=13&id=1172841257>>.

Кларин В.М., Петров В.М. Русская религиозная философия воспитания XIX–XX вв. М.: МП «Кодекс», Объединенная редакция МВД РФ, 1994. – 80 с.

Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.

Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 624 с.

Колесова И.С. Соборность русского православного искусства: Автореф. дис. ... канд. филос. н. Екатеринбург, 2002. – 26 с.

Кондаков И.В. Культурология: история культуры России: Курс лекций. М.: ИКФ Омега-Л, Высш. шк., 2003. – 615 с.

Кураев А., диакон. Церковь в мире людей. – 4-е изд. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2009. – 543 с.

Кушнир О.Н. Эволюция русской концептоферы на рубеже XX–XXI вв.: Вопросы динамической лингвоконцептологии. Сыктывкар: КРАГ-СиУ, 2012. – 347 с.

Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. – С. 238–360.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славян-

ской филологии. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова. Тарту, 1977. – С. 3–36. URL: <<http://www.ruthenia.ru/document/537293.html>>.

Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – 496 с.

Михейкина С.Г. «Полный гламур» // Русская речь. 2009. № 1. – С. 126–127.

Новый человек между дискурсом и гламуром // Научный общественно-политический журнал «Без темы». 2007. № 2 (4). – С. 80–88. URL: <[http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0004\(02_2007\)&xsl=showArticle.xslt&id=a10&doc=../content.jsp](http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0004(02_2007)&xsl=showArticle.xslt&id=a10&doc=../content.jsp)>.

Платонова Н. С. Становление и развитие межъязыковых коррелирующих концептов «Glamour» и «Гламур»: Дис. ... канд. филол. н. М., 2011. – 233 с.

Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slavistischer Almanach: Sonderband 50. Wien, 2001. – 284 с. URL: <<http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm>>.

Сергеев Г. Гламур – культурная чума третьего тысячелетия // Братство. 2007. URL: <<http://old.bratstvo.info/index.php?go=News&in=view&id=7997>>.

Смурова Л.И. Гламур – актуальный лингвокультурный концепт современного общества потребления // Держава та регіони: Науково-виробничий журнал. Сп. Гуманітарні науки. 2010. № 1–2. – С. 25–31. URL: <http://www.nbu.v.gov.ua/portal/Soc_Gum/Dtr_gn/2010_1-2/index.html>.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

Уваров С., граф. Православие, Самодержавие, Народность: О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения. Доложено Его Величеству 19 ноября 1833 г. // Монархистъ: Электронная версия. URL: <http://monarhist-spb.narod.ru/library/Count_Uvarov/Count_Uvarov-1.htm>.

Хоружий С.С. Современные проблемы православного мирозерцания. М.: Интернет-издание Веб-Центра «Омега», 2002. URL: <<http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horuzhy/problems/contents.html>>.

Частицына А. Дискурс гламура // Большой город. 2006. 01 декабря. URL: <http://bg.ru/society/diskurs_glamura-6273/>.

Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. – С. 95–128.

Глава 8

ЭСТЕТИКА И «ЧЕЛОВЕК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ» В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Эстетика: семантический этимон, морфосемантическое гнездо и ядро семантического поля

По определению Е. Аничкова в Словаре Брокгауза и Ефрона, *эстетика* «составляет особую отрасль философии, занимающуюся красотой и искусством» [ЭСБЕ 41: 85]. Сходные толкования, отражающие существо обиходных представлений об эстетике, фиксированы в любом современном словаре общеупотребительной лексики, например: «**Эстетика**... Философское учение о сущности и формах прекрасного в искусстве, в природе и в жизни» [НБТС 1526]. В соответствии с ними, основной объект эстетики как науки – *Прекрасное (Красота)*, – феномен, интуитивно очевидный каждому, но как эстетическая категория крайне неопределенный, диффузный.

Современная философия, избегая опоры на *понятие* прекрасного, стремится найти иной словарный идентификатор – в специфическом *отношении* человека к действительности и в специфическом *опыте* ее освоения, ср.: «**Эстетика**... наука о неутилитарном созерцательном или творческом отношении человека к действительности, изучающая специфический опыт ее освоения, в процессе (и в результате) которого человек ощущает, чувствует, переживает в состояниях духовно-чувственной эйфории, восторга, неписуемой радости, блаженства, *катарсиса*, экстаза, духовного наслаждения свою органическую причастность к Универсуму в единстве его духовно-материальных основ, свою сущностную нераздельность с ним, а часто и конкретнее – с его духовной Первопричиной, для верующих – с Богом» [Бычков В.В., Бычков О.В. 2010: 456].

Как видим, этот специфический опыт не поддается компактной вербализации; в цитированном определении он отражен в квазисинонимическом ряду, который потенциально может расширяться до «дурной бесконечности».

Один из лингвистических ключей к смысловому ядру феномена эстетического – в этимологической внутренней форме, в семантическом этимоне существительного *эстетика*.

Этимологически сущ. *эстетика* восходит к др.-гр. прилагательному *aisthētikos* ‘способный чувствовать, одаренный чувством, чувствующий’ – от *aisthētēs* ‘ощущающий, чувствующий’ < *aisthēsis* ‘ощущение, чувство, ощущение, чувство (как способность видеть, слышать) > замечание, понимание, познание’ (этимологически родственные *анестезия, гипертестезия, сенсорный, эстет* и др.). Соответственно *эстетический* – художественный, связанный с чувством прекрасного, способностью воспри-

нимать красоту, *эстетичный* – красивый, изящный, *эстетизм* – 1) склонность к *эстетическому*, к красоте, совершенным формам; 2) чрезмерное пристрастие к внешним формам в искусстве в ущерб содержанию, син. *эстетство*.

Как видим, в семантическом этимоне *эстетики* как творческого акта – *эстетизис* как восхождение от чувственного к вне- и сверхчувственному, к ощущению / переживанию / познанию Бытия как Красоты. «...в антропологическом основании идеи культуры лежит идея человеческого бытия, как бытия *самоустраемленного*. Человеческий эстетизис, его чувственная плоть эстетична: в его зрение, слух, осязание встроены вторые, обращенные к первым восприятия: зрение зрения (начало живописи), слух слуха (начало музыки) и т.д. В человеческую жизнедеятельность встроены изобретающие ее “искусства”. Человек в своем бытии отнесен к бытию, т.е. вынесен за его пределы, благодаря чему он и есть существо *онтологически* сознающее и мыслящее» [Теоретическая культурология 2005: 36]³¹. В эстетическом акте человек оказывается в ситуации самопреодоления, самопревосхождения, выхода за пределы непосредственно данного.

Именно об этом, о выходе за пределы чувственно-очевидного – одно из ключевых слов, входящих в семантическое поле эстетики, – *экстаз* ‘состояние крайней степени восторга, доходящего до иступления’. Его семантический этимон связан с лат. *extasis, ekstasis* ‘изумление’ – из гр. *ekstasis* ‘букв. «смещение» > изумление, восхищение, восторг’ < *existemi* ‘выставлять, выводить из обычного положения и ставить в другое’ < прист. *ex-* в значении ‘из’ (выхода за пределы чего-л.) + *histēmi* ‘ставить’.

Этимологически однокоренное, связанное с *экстазом* энантиосемически, – *система* – нечто упорядоченно-равновесное, «определенный порядок, основанный на планомерном расположении и взаимной связи частей чего-л.» [НБТС 1190]. Это современное значение отчетливо фундируется гр. *systema* ‘нечто составленное из многих частей, соединенное в одно целое; состав, соединение, стройное целое’ – от *synistēmi* ‘ставить вместе; соединить под своей властью, подчинить себе что-л.’ < *syn-* ‘вместе с...’ + *histēmi* ‘ставить’.

Этот заложенный в этимоне сущ. *эстетика* семантический заряд хорошо просматривается в характерах и судьбах творческих людей – как правило, судьбах нестандартных.

³¹ В ситуации восприятия произведения искусства *эстетизис* выступает как эмпатическое («вчувствующееся») понимание Другого, ср.: «В искусстве человек, обреченный всей своей чувствующей плотью и душой встраиваться в наличные формы восприятия, воображения, эмоциональной интонированности, свободно заново формирует сам эстетизис человеческого общения (автор – читатель; Я – другое Я – Ты)» [Теоретическая культурология 2005: 36].

Творец, художник в самом широком смысле этого слова – всегда «человек без определенного, непреложно установленного места» в этом мире, откуда его традиционное противопоставление обывателю, *мищанину*, как «человеку привязанному», ср.: *мищанин* – из польск. *mieszczanin* ‘горожанин; буржуа’ – от *miasto* ‘город’, калька нем. *Burger* ‘бюргер’ < *Burg* ‘замок’ > прибежище, защита, оплот’ (букв. «житель города»).

В каком-то смысле художник всегда *экстремист* – в соответствии с семантическим этимоном мотивирующего прил. *экстремальный* ‘крайний, предельный’: лат. *extremus* ‘крайний, конечный’ > чрезвычайный > критический, тяжелый > высший, величайший’ – превосх. к *exter* ‘находящийся вне, наружный, внешний; иноземный, чужеземный, иностранный’³². Он устремлен за пределы внешнего – к внутреннему, от низкого – к высокому, от общего – к индивидуальному, от привычного – к новому, от утилитарного – к самодостаточному; наконец, от обыденного, очевидного – к сверхъестественному, трансцендентному.

Художник как человеческий тип – едва ли не наиболее яркий *трансцендер* – в том смысле, который вкладывал в этот термин Абрахам Маслоу: «...они гораздо чаще оказываются знакомы с реальностью Бытия, с жизнью на уровне Бытия; иначе говоря, с конечными целями, с внутренними ценностями... Они с большей очевидностью метамотивированы, более или менее часто обладают объединяющим сознанием и “плато-переживаниями”... Они имеют либо имели в прошлом пиковые переживания (мистические, сакральные, экстатические), сопровождавшиеся озарениями или инсайтами, изменившими их взгляд на мир и на себя» [Маслоу 2011: 314].

В личности *трансцендера*, в том числе художника, характеристика *трансцендентный* утрачивает профанный налет одиозности, обретает свой исходный смысл, основанный на актуализации сем ‘преодоление’, ‘переход’, индуцируемых приставкой *транс-*: лат. *transcendens, transcenditis* ‘выходящий за пределы’ – от *transcendere* ‘переходить, перепрыгивать; переступать, перешагивать; опережать, превосходить’ < *trans* ‘сквозь, через’ + *scandere* ‘восходить, подниматься, взбираться, влезать’ > возноситься, возвышаться; достигать’.

При этом современное значение *трансцендентного* («недоступное (непосредственному) познанию, находящееся за пределами непосредственного опыта») нивелируется: «недоступное» оказывается для трансцендера не просто в пределах досягаемости, но становится органичной частью его (не существовании, но) Бытия, его «двоимирности», *здесь-и-там* принадлежности.

³² Для восприятия семантики *экстремального* значима и ложная этимология, основанная на выделении субморфа *ex-* / *экс-* в значении ‘из’ (как в сущ. *экстаз*), который в *экстремальном* составляет часть корня.

Разумеется, трансцендер – движитель любой сферы бытия, не только «сферы красоты», где он выступает как *homo aestheticus* – «человек эстетический», особый тип личности, для которого фраза «Красота спасет мир» – не афоризм, требующий осмысления, но живое непосредственное чувство, – в противоположность типу *homo communis* ‘человек обыкновенный’ (< лат. *communis* ‘общий; обыкновенный, обычный, общепринятый’ < *com-* ‘вместе с...’ + *munus* ‘обязанность, служба, должность, пост; задание > повинность, бремя; положение, состояние’), для которого эта фраза – вечная загадка.

Русский религиозный философ и богослов С.Н. Булгаков (1871–1944) в самом значительном своем труде «Свет Невечерний» печально констатировал: «Огромное количество людей остается как бы слепорожденными или непробужденными в области красоты, другие отрицают объективный смысл красоты, сводя ее к прихоти вкуса, к чистому субъективизму или “психологизму”; и огромное же количество людей способно скучать перед “Сикстиной” и за Бетховеном и услаждаться дешевой олеографией и слащавым вальсом» [Булгаков 2008: 13]. Следуя логике этимона сущ. *эстетика*, это проблема *эстетизиса* – «восхождения» от непосредственно-сенсорного восприятия мира – к способности видеть «внутренним зрением».

Таким образом, ядро семантического поля «Эстетика» включает следующие элементы: дескрипторный термин *эстетика*; морфосемантически связанное с ним *эстетизис* – именование процесса эстетического мышледействования как восхождения от чувственного к сверхчувственному; латинизированное именование субъекта эстетического мышледействования и мышлечувствования – *homo aestheticus* («человек эстетический»), а также именование *трансцендер*, фиксирующее основного свойство субъекта эстетического – способность к *трансценденции* от чувственного к сверхчувственному.

Трансмутация как эстетический, научный и религиозный феномен

«Человек эстетический», или *субъект эстетического* как особой сферы жизни людей, – это, с одной стороны, Автор, с другой – Реципиент, в случае художественной литературы – читатель. В первом случае основная проблема гуманитаристики – это своеобразие личности художника и закономерности творчества, во втором – закономерности восприятия, понимания и интерпретации художественного³³.

³³ В том числе проблема *библиопсихологии*, о которой в свое время много и подробно писал ее основоположник Н.А. Рубакин (1862–1946) [Рубакин 2006].

В школьной формулировке – «Тема поэта и поэзии в творчестве Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского...» с ее хрестоматийными тематически сгруппированными целыми стихотворениями и отдельными строчками.

Пушкин: «...В сатире праведной порок изображу / И нравы сих веков потомству обнажу»; «Не для житейского волненья, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв»; «Духовной жаждою томим...».

Лермонтов: «Нет, я не Байрон, я другой...»; «Есть речи – значенье / Темно иль ничтожно...»; «Смерть Поэта»; «В наш век изнеженный не так ли ты, поэт, / Свое утратил назначенье...».

И так далее. Поэт и власть, поэт и «толпа», поэт и «социальный заказ», поэт и его вина, совесть, судьба...

Множество частных мотивов, особое место среди которых занимает пушкинский «Пророк». Поэтический парафраз VI главы библейской Книги Исаии воспринимается, конечно, в общечеловеческом ключе: как преображение, *трансмутация*, которая может произойти с каждым, кто будет признан достойным.

Трансмутация³⁴ – феномен многоплановый, связанный с разными сферами. Наиболее известные проявления трансмутации: в алхимии – превращение одного металла в другой (обычно в благородный), в физике – превращение атомов одних химических элементов в другие в результате радиоактивного распада; уфологи говорят о трансмутации НЛЮ, предстающих в самых неожиданных меняющихся формах; трансмутация в метафизическом смысле, в духовной сфере³⁵, – это преображение не только веществ, но и, как в пушкинском «Пророке», всего человека.

Разумеется, это только самое общее, грубо приближенное представление о многоликих реальностях трансмутации.

³⁴ Трансмутация – из лат. *trans* ‘сквозь, через’ + *mutatio* ‘изменение; перемещение’ (< *mutare* ‘изменять; превращаться, изменяться’ < *movere* ‘двигать, шевелить, встряхивать’ > производить впечатление, волновать; менять, изменять’).

³⁵ В богословии творение – ничто иное, как трансмутация; в христианстве трансмутации – *Святые Таинства*: «Священные символические действия, через которые невидимым и непостижимым образом подается человеку благодать Святого Духа и осуществляется связь человека с Богом. <...> Их всего семь, но они охватывают всю земную жизнь человека – от рождения до последних дней. В каждом из них подается особая спасительная благодать. Так, в Крещении человек духовно рождается, становится сыном Церкви, в Миропомазании – благодатно укрепляется для возрастания к духовной жизни, в Покаянии очищается от грехов, в Причащении (Евхаристии) духовно питается, в Браке получает благодать, освящающую супружеский союз для построения домашней церкви, в Елеосвящении исцеляется от болезней – духовных, телесных, наконец, в Таинстве Священства получает благодать для совершения всех Таинств и для руководства других в спасительной жизни. Троицкое слово, 1990, № 5» [Скляревская 2008: 377].

Трансмутация как конечный результат аналитического расчленения целого – это основное занятие наук, прежде всего естественных.

Знаменитый американский астрофизик и популяризатор науки Карл Саган иллюстрирует феномен трансмутации на примере перехода в процессе анализа от яблочного пирога к углероду и более мелким частицам: «В подгоревшем яблочном пироге пригар состоит в основном из углерода. Девяносто разрезов – и вы получаете атом углерода с шестью протонами и шестью нейтронами в ядре и шестью электронами во внешнем облаке. Если мы извлечем из него кусочек ядра, состоящий, например, из двух протонов и двух нейтронов, то это будет уже не ядро углерода, а ядро атома гелия. Подобный распад, или деление, атомных ядер (хотя и не распад ядер углерода) происходит в ядерном оружии и в обычных атомных электростанциях. Если вы сделаете девяносто первый разрез яблочного пирога и разделите при этом ядро углерода, то получите не два маленьких кусочка углерода, а нечто иное – атом с совершенно другими химическими свойствами. Разрезая атом, вы осуществляете трансмутацию элементов» [Саган 2005: 325–326].

В более пространной характеристике алхимии: «Алхимическая практика была своеобразным аналогом жизненного пути человека средневековья на пути от грехопадения к очищению и спасению души. Алхимику вменялось в обязанность не только овладение искусством трансмутаций, но и соблюдение христианских добродетелей: он не только постигает тайны природы, но и существует в ипостаси “отца”, помогая рождению нового существа, одушевленной алхимической субстанции» [Касавин 1999: 83]. Металлы для алхимика – не мертвая субстанция, они могут развиваться как «одушевленные» живые вещества, для этого нужно лишь создать подходящие условия. Акт трансмутации в алхимии – это «пресуществление» не только тела, но и «души» вещества. Алхимия как форма натуральной магии «объединяет в себе индивидуальное подвижничество алхимика и познание законов трансмутации металлов (в более широком смысле – овладение тайной развития природы в единстве ее космических и земных взаимосвязей)» [Касавин 1999: 148].

Алхимия основывалась на представлении о труднообъяснимом «родстве» человека с объектом его исследований. Такое переживание субъект-объектного единства исследователя и исследуемого характерно для пиковых состояний любого ученого, но особенно наглядно оно в сфере художественного творчества. По словам Жерара Женетта, французского специалиста по современной теории литературы, алхимическое глубинное проникновение в материальное единство мира позволяет, по крайней мере в поэтической метафоре, «достичь любых трансмутаций: например, воссоздать цветок из его праха» [Женетт 1998: 79], что соотносится со старинным преданием о Фениксе, возрождающемся из пепла, обретающем в трансмутациях – бессмертие.

Трансценденция основывается на выходе за пределы (земного), *трансмутация* – на преобразовании, преображении всего существа. Если *трансцендентное*, в соответствии с воззрениями древних, более высокая ступень бытия, то *трансцендирование* – переход к этой ступени. *Трансмутация* – результат перехода.

В современном эстетическом и в общем гуманитарном контексте *трансмутация* – это прижизненное перерождение человека в новой духовном облике. В точности по Гумилеву, рассказавшему о последовательном пребывании в нем четырех различных душ (стихотворение «Память» из сборника «Пути конквистадоров»):

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

В расширительном смысле трансмутация – это и перерождение цивилизаций – в частности, современной христианской цивилизации, которая «пребывает сейчас в состоянии системного кризиса и трансмутации» [Неклесса 2002].

«Человек эстетический»: проблема эстетической трансмутации

Казалось бы, своеобразие личности «человека эстетического» естественно усматривать во взгляде на мир как на совокупность прекрасного и безобразного. Это справедливо, но не помогает представить в конкретике существо эстетической устремленности. Предлежащая доминанта личности художника – стремление преодолеть субъект-объектные границы, «впитать» в себя мир и – тому, что не может выразить себя само, – дать выражение; аналогичная доминанта читателя, зрителя или слушателя – вобрать сотворенное, сделать его частью собственного «я».

Научное, художественное и религиозное творчество, по В.В. Налимову, – это «распаковывание» изначального *семантического континуума*. «... весь воспринимаемый нами эволюционирующий мир можно рассматривать как множество **т е к с т о в**. Когда мы говорим о биосфере, то текстами оказываются отдельные особи, виды и другие составляющие биосферы. Когда рассматриваем ноосферу, то текстами становятся сознания людей как в их личных, так и в коллективных проявлениях» [Налимов 1989: 106–107].

Чтобы «распаковать» изначальный континуум, художнику нужно «впитать» мир, оценить бытие эстетически, создать свой мир и дать ему выражение, – нужно напряжение самых разных составляющих «я». Поэтому повторяющийся мотив тех художественных текстов, герои или

авторы которых – «люди эстетические», – многомерность личности творца, полифонизм мировосприятия и творчества.

Мир для «человека эстетического» – одновременно источник и результат творчества, ср. у В.Г. Короленко в статье о Л.Н. Толстом: «Художник – зеркало, но зеркало живое. Он воспринимает из мира явлений то, что подлежит непосредственному восприятию. Но затем в живой глубине его воображения воспринятые впечатления вступают в известное взаимодействие, сочетаются в новые комбинации, соответственно с лежащей в душе художника общей концепцией мира. И вот в конце процесса зеркало дает свое отражение, свою “иллюзию мира”, где мы получаем знакомые элементы действительности в новых, доселе незнакомых нам сочетаниях...» [Короленко 1990: 560].

Зеркало художественного воображения оживает и новый мир творится, если включается та доминанта, что красной нитью проходит через всю мировую литературу, оказывается в фундаменте своеобразной практической «философии творчества» – жажда преодоления границ.

Прозаически-бытовое, но очень точно в романе «У Германтов» сказал об этом Марсель Пруст в характеристике таланта: «А кроме того, талант – это не просто придаток, который искусственно присоединяют к различным свойствам, от коих зависит успех в обществе, чтобы в результате получилась, как выражаются светские люди, “женщина до кончиков ногтей”. Талант – это детище определенного душевного строя, в котором многих свойств обычно недостает и в котором преобладает впечатлительность, проявления коей не замечаются в книгах, но живо ощущаются в жизни, как, например, любознательность, причуды, желание пойти туда-то и туда-то ради собственного удовольствия, а не для расширения или поддержания светских отношений и вообще не ради них».

О том же – поэтически широко и вдохновляюще – гениальный американский писатель-фантаст Рэй Бредбери в книге «Иллюстрированный человек»: «Есть два пространства. Внешнее – беспредельное черное ничто, где теряются галактики и где люди в ракетах движутся от зеленых холмов Земли к лесам Венеры, каналам Марса и все дальше... дальше... Внутреннее – бездны страха, страсти, надежд хрупкого человеческого существа, бросающего вызов Вселенной...».

О желании вобрать в себя весь этот мир – в его огромности и его малости, проникнуть безграничностью бытия – вширь и вглубь, – и знаменитое «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», автор которого – ученый и поэт, основатель первого русского университета М.В. Ломоносов (1743):

...Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков...

О том же самом, но с акцентировкой «не столько вширь, сколько вглубь», – не менее знаменитый «Мир электрона» В.Я. Брюсова, написанный почти через двести лет после ломоносовских стихов, в 1922 году, вскоре после того, как Резерфорд открыл строение атомного ядра:

Быть может, эти электроны –
Миры, где пять материков,
Искусства, знания, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом –
Вселенная, где сто планет;
Там все, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.

В публицистической лирике «шестидесятника» Евтушенко устремленность иная – на Вселенную людей, а затем и на «внутренние пространства» их душевной жизни. В стихотворении «Мои университеты» Евтушенко, пользуясь характерным для него приемом «нанизывания» реальных на одно понятие – в данном случае «у кого я учился», – создает своеобразный «тезаурус учителя»:

Я учился не только у тех,
 кто из рам золоченых лучился,
а у всех, кто на паспортном фото
 и то не совсем получился.
Больше, чем у Толстого,
 учился я с детства толково
у слепцов,
 по вагонам хрипевших про графа Толстого.
У барака
 учился я больше, чем у Пастернака.

Драка – это стихия моя,
 и стихи мои в стиле «баракко».
 Я уроки Есенина брал
 в забегах у инвалидов,
 раздиравших тельняшки,
 все тайны свои немудреные выдав.
 Маяковского «лесенка»
 столько мне не дарила,
 как замызганных лестниц
 штанами надраенные перила.
 Я учился в Зиме
 у моих молчаливейших бабок
 не бояться порезов, царапин
 и прочих других окарябок.

Последующий текст – громадный перечень самых разнообразных и неожиданных «учителей».

Прежде всего, это люди: графоманы, «огольцы», «чудаки с чердаков», закройщица Алка, бетонщица Нюшка, «лица старух – / то вьетнамской, а то перуанской»... Затем места, где люди живут или бывают: пус-тыри, барак, Гарлем, Марьино, – и отдельные предметы, как «мяч тряпичный / с налипшею крошкой кирпичной», – и просто свойства отдельных людей и целых народов: «Я учился смекалке, / преподанной голью всемирной и рванью, / эскимосскому нюху во льдах, / итальянскому неуныванью», – а в конечном счете – весь земной шар, «любой лоскуточек планеты» и ее главная для лирического героя часть – Россия:

Сам я собран из родинок Родины,
 ссадин и шрамов,
 колыбелей и кладбищ,
 хибарок и храмов.

Жгучее любопытство к тем, кто живет рядом на планете («Я жаден до людей, / и жаден вое лютей. / Я жаден до портных, / министров и уборщиц, / до слез и смеха их, / величий и убожеств!» – писал совсем еще молодой Евтушенко в 1957 году), по мере накопления впечатлений ведет к не менее жгучему желанию высказаться, вдохнуть свой мир в свое творение. При этом поэт трактуется в «Моих университетах» вполне в духе русской поэтической традиции, – не столько как самоценная личность с самоценным внутренним «я» и внутренним миром, сколько как медиум, как часть единого всечеловеческого организма, назначение которого – дать речь бессловесным:

Я клеймом большинства заклею.
 Я хочу быть их кровом и пищей.
 Я – лишь имя людей без имен.
 Я – писатель всех тех, кто не пишет.

Во мраке волокна...
 О, запах цветов, доходящий до крика!
 Вот молния в белом излучьи...
 И сразу все стало светло и велико...
 Как ночь лучезарна!
 Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно
 В влюбленном созвучьи...
 Из недра сознания, со дна лабиринта
 Теснятся виденья толпой оробелой...
 И стих расцветает цветком гиацинта,
 Холодный, душистый и белый.

У Ахматовой в стихотворении «Творчество» из цикла «Тайны ремесла» (1936–1960 гг.) доминирует не живописный, а звуковой план:

Бывает так: какая-то истома;
 В ушах не умолкает бой часов;
 Вдали раскат стихающего грома.
 Неузнанных и пленных голосов
 Мне чудятся и жалобы и стоны,
 Сужается какой-то тайный круг,
 Но в этой бездне шепотов и звонов
 Встает один, все победивший звук.
 Так вокруг него непоправимо тихо,
 Что слышно, как в лесу растет трава,
 Как по земле идет с котомкой лихо...
 Но вот уже послышались слова
 И легких рифм сигнальные звоночки, –
 Тогда я начинаю понимать,
 И просто продиктованные строчки
 Ложатся в белоснежную тетрадь.

В звуках – весь мир: и то, что рядом, как *бой часов*, и то, что далеко, как «раскат стихающего грома», «растет трава», «идет с котомкой лихо». Звуки внешнего мира переливаются во внутренние, обогащаются памятью, нарастают, – и наконец из внутренних голосов, «неузнанных и пленных», из этой «бездны шепотов и звонов» – «встает один, все победивший звук», распадающийся на слова, рифмы и строчки. Текст складывается как бы из «несловесного» материала: у Волошина из форм и красок, у Ахматовой – из звуков. Участие автора минимально; он – лишь носитель мира, воплощающегося в слово как бы без его участия; его задача – «просто продиктованные строчки» не упустить и записать.

У Пастернака в «Импровизации» (1915) роль лирического героя – существенно иная. Он не столько посредник, сколько активный творец; именно его усилиями сливается в целое и музыкальное, и живописное, и словесное начала:

Я клавишей стаю кормил с руки
Под хлопанье крыльев, плеск и клекот.
Я вытянул руки, я встал на носки,
Рукав завернулся, ночь терлась о локоть.

И было темно. И это был пруд.
И волны. – И птиц из породы люблю вас,
Казалось, скорей умертвят, чем умрут
Крикливые, черные, крепкие клювы.

И это был пруд. И было темно.
Пылали кубышки с полуночным дегтем.
И было волною обглодано дно
У лодки, и грызлись птицы у локтя.

И ночь полоскалась в гортанях запруд.
Казалось, покамест птенец не накормлен,
И самки скорей умертвят, чем умрут
Рулады в крикливом, искривленном горле.

Медитативное напряжение этих строк питается тем, что в поэтике Пастернака «всё сводится к предельным дробям мироздания, расчисленного пастернаковским “всесильным богом деталей” – его всеблагая власть простирается не только на “человецев”, но и на малых сих предметного бытия» [Эпштейн 2000]. Тема творения Музыки / Любви развивается как впитывание и переживание ночного мира птиц и звуков, – «впитывания», которое тут же превращается в устремленность самовыражения – поэтического и музыкального.

Первая строфа – звуки и события: слышится *хлопанье, плеск, клекот*, совершается – *«вытянул руки», «встал на носки, / Рукав завернулся, ночь терлась о локоть»*.

Вторая строфа – по преимуществу живописна, «предметна». Центральные образы – *темно, пруд, волны, птицы, клювы*.

Третья – музыкально-событийно-живописная: темы, прозвучавшие в первой строфе и в рисунке намеченные во второй, здесь сначала повторяются: «И это был пруд. И было темно», – затем разрабатываются – в соответствии с закономерностями музыкальными, но со зримостью живописной: темнота оттеняется пламенем полуночного неба, пруд обретает детали – «И было волною обглодано дно / У лодки»; зрима и фигура лирического героя – в стихии ночных звуков, что бьются у локтя.

Четвертая – бурный, обрывающийся на форте финал, где разные образы и линии лирического сюжета, которые в предыдущих строфах еще сохраняли отдельность, сливаются в целое окончательно. Через метаболу *полоскалась* – сливаются в единое *ночь* и *пруд*, и «гортани запруд» рожают звук так же, как и птичье «искривленное горло»; через

птенец – метафору, явно не поддающуюся сколько-нибудь корректной интерпретации (лирический герой-импровизатор? слушатели – люди и ночь? юная природа, голодная на звук и всякую иную пищу? желание высказаться в звуке, длящееся до истощения?), – сливается в целое все, что жадно живет и творит и готово «скорей умертвить, чем умереть», если акт творения не будет завершен.

Бориса Пастернака, который был прекрасным пианистом-импровизатором, «привлекали содержательные тенденции в музыке, возможность писать с натуры, переливать в музыку то, что было на душе», – пишет его сын, Е.Б. Пастернак, и вспоминает: «А в 1925–1929 годах сам он охотно садился за рояль, лишь только я просил его рассказать о том, что он видел в этот день на улице или что мы вместе смотрели в зоопарке» [Пастернак Е.Б. 1989: 100].

Сам Б.Л. Пастернак, вспоминая в 1913 году о том, как в детстве он упал с лошади и сломал ногу, в небольшом прозаическом наброске писал: «Мне жалко 13-летнего мальчика... Вот как сейчас, лежит он в своей незатвердевшей гипсовой повязке, и через его бред проносятся трехдольные, синкопированные ритмы галопа и падения. Отныне ритм будет событием для него, и обратно – события станут ритмами; мелодия же, тональность и гармония – обстановкою и веществом события. Еще накануне, помнится, я не представлял себе вкуса творчества. Существовали только произведения, как внушенные состояния, которые оставалось только испытать на себе. И первое пробуждение в ортопедических путах принесло с собою новое: способность распоряжаться непрошеным, начинать собою то, что до тех пор приходило без начала...» [Пастернак 1990: 256–257].

Подчеркнем у Пастернака: «события станут *ритмами*; мелодия же, тональность и гармония – *обстановкой* и *веществом* события». «Проблемы переводимости» с языка одного искусства на язык другого, – во всяком случае, для Пастернака, – не существует; язык самовыражения в своем смысловом фундаменте – един, различия – лишь в способах обозначения ключевых смыслов.

О квазитезаурусе житнетворчества музыканта (роман В. Орлова «Альтист Данилов»)

Охарактеризовать более детально своеобразие личности «человека эстетического» можно на основе воссоздания условного индивидуально-го (*квази-идио-)*тезауруса как систематизированного набора сведений о какой-либо области бытия, в том числе на материале персонажа художественной прозы, вербально опредмеченного как в его собственном дискурсе, так и в авторской речи.

Основные составляющие любого тезауруса, в том числе идиотезауруса персонажа [Volkov 1991; Волков 2013]: 1) дескриптор (заголовочная единица поля) и/или семантическая доминанта; 2) языковые единицы, составляющие «тело» поля; 3) семантические параметры, связывающие единицы поля с дескриптором и друг с другом.

С точки зрения прагматистики текста, дескриптор – ничто иное, как *семантическая доминанта*³⁶, выражающая некий личностно значимый для автора (и/или персонажа, и/или читателя) смысл.

Герой романа В. Орлова «Альтист Данилов» – музыкант, впервые выходит солировать в симфонии для альта с оркестром. Прочитируем отрывок, в котором автор романа описывает «мыслеоощущения» своего героя во время выступления, и подчеркнем те слова и словосочетания, которые представляются ключевыми.

«Объявили симфонию. Данилов вышел в тишину. Как он играл и что он чувствовал, позже вспоминал он странным образом. Какими-то отеками, видениями и взблесками. А ведь он привык к сцене, выступал в залах куда более вместительных, чем этот, аккомпанировал певцам театра в составе ансамблей или просто играл в секстете, но тогда он выходил на сцену спокойный, видел и ощущал все, что было вокруг, – каждую пылинку на досках пола, каждый вздох, каждый кашель в зале. Здесь же он был словно замкнут в себе, он сам себя не слышал. То есть слышал, но так, как слышит себя человек, торопящийся сказать, выкрикнуть людям что-то важное, необходимое, разве существенно для него сейчас – красиво ли он произносит звуки, все ли его слова правильны? Данилов и не думал теперь выйти из состояния, в каком оказался, и оценить свой звук как бы со стороны, он просто звучал, и все. Данилов, похоже, не только в Клубе медицинских работников был сейчас, он был везде. А время замерло. Всюду замерло. Но не в музыке. Там оно текло – и быстро, и медленно, и рвалось, и перекачивалось по камням, в отчаянной усталости. Снова альт Данилова, как и Данилов, находился в борьбе, в любви, в слабом разрыве, в мучительном согласии со звуками оркестра. Он и сам был как оркестр и не желал смириться с металлической поступью труб и ударных, наступавших на него то в марше, то в каком-то визгливом зверином танце, и, заглушенный, искверканный было ими, возникал вновь и жил, звучал, как жил и звучал прежде. А потом, оказавшись вдруг в нечаянных вихрях скерцо, бросался за сверкающим полетом скрипок, исчезал в их звуках, словно бы купаясь в них, озорником выскакивал вперед, сам манил скрипки куда-то, и тут все стихало, и только альт Данилова, только сам Данилов утончившимся и потеплевшим звуком то ли печалился, то ли радовался в долгожданном покое и

³⁶ «Доминантой является тот компонент произведения, который приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов», – писал еще в 1932 году Я. Мукаржовский [1967: 411].

сосредоточенности. Но то были короткие мгновения. И снова толпа, Земля, вселенная захватывали Данилова, и ему было хорошо и горько и хотелось плакать. И при всем при этом всегда валторна и кларнет – прошлое и второе Я – существовали рядом с альтистом Данилова, валторна порой грустила, вздрагивала как-то или что-то предсказывала, а порой звучала светло, будто исчезнувшая свежесть юных лет, кларнет был нервен, вцеплялся в мелодию альты, рвал ее, грозил и мучался, и скрипом тяжелой черной двери, впускающей страшного гостя, кларнета опекал контрабас. А то вдруг валторна изменяла самой себе, на мгновения приближалась голосом к деревянным духовым, становилась будто кларнетом, и альт Данилова затихал в растерянности. Потом он, подавленный памятью и тем, что было в нем, но чему он не мог или не желал дать свободу, выслушивая ехидные голоса, в тягостных напряжениях как бы приходил в себя, снова к нему возвращалась ярость, жажда любви и жажда жизни, и какой бы скрежет, какие бы обвалы губительных звуков, какие бы механические силы ни обрушивались на него, он пробивался сквозь них, летел, неся дальше, иногда суетливо, в лихорадочном движении оркестра, иногда будто сам по себе, и опять ненавидел, и опять страдал, и опять любил, движение все убыстрялось, становилось мощным, яростным, ему предстояло быть вечным, но тут – все. Ноты Переслегина кончились, смычок замер и отошел от струн. // Все стихло [Орлов 1988: 256–257].

Предельно кратко пафос этого фрагмента можно определить как слиянность музыки и музыканта – до неразличимости, что близко даосскому ощущению взаимослиянности; в описании древнекитайского философа Ле-цзы: «...когда я дошел до предела всего, что было внутри и вовне меня, мое зрение стало подобным моему слуху, мой слух – подобным моему обонянию, мое обоняние – подобным вкусовым ощущениям. Мое сознание стало собранным воедино, а тело – расслабленным... я скитался вместе с ветром на запад и на восток, подобно листку, сорванному с дерева, или выскохшей мякине, и даже не знал, ветер ли гонит меня, или я подгоняю ветер» [Чжуан-цзы. Ле-цзы 1995: 300].

Пересекается это состояние и с учением об «умных чувствах» в православном исихазме. С.С. Хоружий, специально исследовавший феномен их «совершенства-соединения», различает два их аспекта – *синэстетизис* и *панэстетизис*³⁷ (статья «Концепция совершенного человека в перспективе исихастской антропологии»): «Первое – синтез восприятия: “умные чувства” не составляют уже пяти разрозненных, изолированных способностей. Утончаясь и расширяясь, эти способности переходят границы физических восприятий; “отвержаясь”, трансцендируя, они вырастают в единую, универсальную мета-перцепцию, сверхприродную все-

³⁷ От гр. *syn-* ‘вместе с...’ и *pan-* ‘всё’ соответственно.

восприимчивость человека. Второе же – распространение перцептивной способности с изолированных органов человека на цельное человеческое существо» [Хоружий 2002].

Ключевыми в цитированном фрагменте оказываются слова, словосочетания или целые выражения в составе контекстуальных синонимических рядов. Эти ряды начинаются после короткой экспозиции, фразой «здесь же он был словно замкнут в себе...», и акцентируют два крупных блока своеобразного «идиотезауруса музыканта»: «состояние музыканта» и «содержание музыки», – которые, в свою очередь, включают несколько более мелких полей (они же – микротемы текста).

А. Состояние Данилова как музыканта:

- 1) **«замкнут в себе»:** зачем? – чтобы «сказать, выкрикнуть людям что-то важное, необходимое»;
- 2) **пространство и время:** «внешнее» – как бы не существует; реальное время – «замерло. Всюду замерло»;
- 3) **музыка как состояние души:** это сама жизнь, единственно подлинная; это время-жизнь в исполнении Данилова «текло – и быстро, и медленно, и *рвалось*, и *перекачивалось*...»

Б. Содержание музыки:

- 1) **Я и другие, альт и оркестр** (синонимы *оркестра* – *толпа*, *Земля*, *вселенная*). Три плоскости взаимодействия: Данилов-альт – некая «самость», «отдельность», которая переживает отношение к целому (оркестру) как *борьбу*, *любовь*, *сладкий разрыв*, *мучительное согласие*; Данилов-альт – сам как *оркестр*, он то противится металлической поступи труб и ударных, желая сохранить себя, жить и звучать как прежде, то озорником выскакивает вперед и манит куда-то; Данилов-альт – «в долгожданном *покое* и *сосредоточенности*» одиночества – то печалится, то радуется в эти короткие мгновения отдыха наедине с собой. Сверхценность – ощущение принадлежности целому – когда «*хорошо* и *горько* и хочется плакать»;
- 2) **составляющие «я»** («валторна и кларнет – прошлое и второе Я»): *прошлое Я – валторна*: то грустные, то светлые воспоминания или даже предсказания; *второе Я – кларнет*: он *нервен*, он *рвал* мелодию альта, *грозил* и *мучался*. Взаимоотношения с этими вторыми «я» – тягостны; Данилов-альт бывает подавлен, с одной стороны, памятью, с другой – «тем, что было в нем, но чему он не мог или не желал дать свободу» (второе «я»). Сверхценность – стряхнуть с себя оковы памяти, страха и сомнений, прийти к себе истинному, и тогда вернуться *ярость*, *жажда любви* и *жажда жизни*.

«Сверхсмысл» же музыки как выражения самого сокровенного, что есть в жизни, – в движении времени, в противостоянии людям и обстоятельствам, в обретении глубины чувств: Данилов-альт *пробивался* сквозь

все «обвалы гибельных звуков», *летел, неся дальше, и опять ненавидел, и опять страдал, и опять любил.*

Заметим, что в романе Вл. Орлова очень своеобразно разрабатываются и такие характерные составляющие «человека эстетического», как принадлежность двум мирам сразу – и земному, и духовному, а мотив «впитывания» бытия приобретает модальность обреченности.

Данилов – не просто земной музыкант, одновременно он – «демон на договоре», сын земной женщины и демона, получивший воспитание в небесных сферах и теперь обязанный по мере сил вредить человечеству. Поскольку Данилов не просто не хочет вредить, а напротив, помогает, его в небесных сферах судят и, хоть и заслужил Данилов, чтобы «лишить сущности и память о нем затоптать», решают «повременить». Учитывая же музыкальный талант Данилова, приговаривают его к «чуткости к колебаниям»: «Но теперь он стал слишком дерзким в своей музыке. Так пусть обострятся его ощущения. Причем, коли он станет играть лучше, достигнет в музыке высот, чувствительность его еще более разовьется, не только земные толчки и дрожания уловит Данилов, ему обнажатся и страдания людей, ближних и дальних, приступы чужой боли дойдут до него. Тяжкая ноша может оказаться на его плечах. Пусть помнит о ней и думает, стоит ли ему и дальше дерзить в музыке» [Орлов 1988: 385].

И – сбывается. На последних страницах романа читаем: «Утром же случился с ним приступ, куда серьезней прежних. Данилов лежал, не шевелился, готов был звонить в “Скорую”. Однако отпустило. Землетрясение, по понятиям Данилова, произошло где-то силою баллов в десять-одиннадцать. Но никаких сообщений в газетах о подземных толчках не последовало. Была лишь информация о разгоне студенческой демонстрации в Таиланде. Через день Данилова трясло и било, и опять в газетах упоминался лишь Таиланд. Значит, вот как. Сначала землетрясения, потом цунами, потом избиение студентов. Впрочем, так и было обещано Данилову. Будешь совершенствоваться и дерзить в музыке – обостришь вновь обретенную чуткость. Чуткость к волнениям и колебаниям стихийным, к колебаниям и волнениям людским. Так он скоро и от плача голодного ребенка в Пенджабе станет покрываться сыпью. И от стога ветерана, в ком шевельнулся оставленный войной осколок. И от невзгод какого-нибудь художника, подобного Переслегину, кому не дают хода хлопобуды. Да мало ли от чего. “Буду терпеть, – думал Данилов. – Да и какой был бы я артист без ощущения боли, хоть бы и твари лесной”» [Орлов 1988: 430–431].

Здесь *эстетиз* выступает как преодоление оппозиции «Я – Другой»; то, что в характеристике А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья – «тяготение к единому... угроза – или надежда – возвращения в состояние слияния...», эстетиз как «“вновь-чувствование” крайнего состояния и ожидание возвращения в состояние слияния, основанного на доверии...» [Греймас,

Фонтаний 2007: 41]. *Эстезис* оказывается «восхождением» от звука/инструмента как «вещи» – к целостному, бытийному, «холистичному» мышлечувствованию и житнетворчеству.

Аксиология поэтической «памяти о будущем»: детерминизм и провиденциализм житнетворчества

«Бег времени» наивным сознанием воспринимается как линейное причинно-следственное движение, когда настоящее определяется прошлым и обусловленными этим прошлым планами на будущее.

Детерминизм как представление о закономерной и необходимой зависимости явлений от порождающих их факторов коренится в наивном темпорально-каузальном параллелизме – понятийно фиксирует зависимость настоящего от прошлого, что отражено и во внутренней форме этимона, основывающегося на пространственной метафоре: *детерминировать* ‘определять, обуславливать, быть причиной, основанием чего-л.’ – из лат. *determinare* ‘отграничивать, отделять; расчленять’ < *de*... ‘из; от; с’ + *terminare* ‘размежевывать, отмежевывать; ограничивать, замыкать > завершать, оканчивать’ < *terminus* ‘пограничный камень, межевой знак > окончание, конец’.

Взгляд прямолинейного детерминизма слеп, поскольку обращен в прошлое; это взгляд идущего задом наперед и взирающего только на пройденное. Семантический ассонант *детерминизма* – сущ. *эволюция*, этимологическая внутренняя форма которого также связана с разверткой наличного состояния – как сложившегося к настоящему моменту в прошлом: лат. *evolutio* ‘развёртывание (свитка), раскрытие (книги) > чтение’ – от *evolvere* ‘разворачивать, раскатывать, развертывать > излагать, изъяснять > развивать; обдумывать’ < *e-/ex-* ‘из’ + *volvere* ‘катать, катить; вращать > разворачивать (для чтения) > читать’.

Привычное для секуляризованного слуха *эволюция*, насыщенное в обиходе мелиоративными коннотациями, имеет мало общего с мистикой поэтического восприятия времени как цепи причин и следствий; у Ахматовой поступательное движение времени эмоционально ассонирует с *ужасом*: «Что войны, что чума? – конец им виден скорый, / Им приговор почти произнесен. / Но кто нас защитит от ужаса, который / Был бегом времени когда-то наречен?».

Истоки ужаса – в поэтической «памяти о будущем», в прозрениях грядущих катастроф, предощущаемых в настоящем. «Русская литература, – писал Н.А. Бердяев, осмысляя в 30-е годы прошлого века истоки наших исторических катастроф, – самая профетическая в мире, она полна предчувствий и предсказаний, ей свойственна тревога о надвигающейся катастрофе. Многие русские писатели XIX века чувствовали, что

Россия поставлена перед бездной и летит в бездну» [Бердяев 1990: 63]. Четырнадцатилетний Лермонтов пишет потрясающее «Предсказание» («Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет; / Забудет чернь к ним прежнюю любовь, / И пища многих будет смерть и кровь...»); тогда же провидит и черты собственной смерти: «Настанет день – и миром осужденный, / Чужой в родном краю, / На месте казни – гордый, хоть презренный – / Я кончу жизнь мою...». Где первоисточник этого мотива – в предощущении общей катастрофы или личной трагедии? Ответ, скорее всего, является конъюнктивным – как и в цитируемом выше четверостишии Ахматовой – с местоимением *нас*, репрезентирующим лирического героя как «глас народа».

Хрестоматийно цветаевское предощущение смерти как личной безысходной катастрофы – с самых первых лирических опытов: «Настанет день, – печальный, говорят! – / Отцарствуют, отплачут, отгорят, – / Осуждены чужими пятаками, – / Мои глаза, подвижные, как пламя». Перед лицом завтрашнего небытия не только личное, но и общее существование воспринимается как бессмысленное: «Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь. / О чем – поэты, любовники, полководцы?».

Ахматова в двадцать с небольшим лет пишет поэтическое «Завещание», в противовес пушкинскому «Памятнику» – не людям, а Музе: «Моей наследницею полноправной будь, / Живи в моем доме, пой песнь, что я сложила. / Как медленно еще скудеет сила, / Как хочет воздуха замученная грудь. // Моих друзей любовь, врагов моих вражду, / И розы желтые в моем густом саду, / И нежность жгучую любовника – все это / Я отдаю тебе, предвещница рассвета».

Осмысление времени как движения к катастрофе личного и общего небытия – следствие его переживания в жестко детерминистском ключе – временном и причинно-следственном. Такое мироощущение внеаксиологично, поскольку катастрофа – не ценность, но «антиценность». Представлению о причинной обусловленности настоящего прошлым противостоят аксиологические и телеологические воззрения, суть которых – в продиктованности настоящего образом будущего не как призрака, но как бытийной реальности, что фиксируется семантикой и этимологической внутренней формой сущ. *провидение* (как *провидение* и как *провидѣние*) – из лат. *providentia* ‘предвидение; предусмотрительность; заботливость’ < *providens, providentis* ‘предусмотрительный, осторожный’ < *providere* ‘раньше увидеть, издали завидеть’ > предвидеть; заранее заботиться’ < *pro...* ‘вперед’ + *videre* ‘видеть, смотреть’.

Семантический ассонант *провидения* / *провидѣния* – *прогресс* ‘переход на более высокую ступень развития’, с той же приставкой *про-* и исходным глаголом *gradi* ‘шагать, продвигаться’. Рассматривая взаимосвязь этих понятий, С.Н. Булгаков в статье «Основные проблемы теории прогресса» (1902) итожил: «Рядом с понятием эволюции, бесцельного и бес-

смысленного развития, создается понятие прогресса, эволюции телеологической, в которой причинность и постепенное раскрытие цели этой эволюции совпадают до полного отождествления...» [Булгаков 1993: 54].

В качестве «провиденциального регулятора» личной и общественной истории, обоснования осмысленности существования как «бытия-к-жизни» выступают **ценности завтрашнего дня**, которые определяются в аксиологии как «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретным деяниям и поступкам» [Абушенко 2001: 25]. Эти ценности живут в «памяти о будущем». Радостное жизнетворчество возможно лишь при условии, что воображение не ограничено прошлым и настоящим.

Возможность творческого провиденциализма в повседневном мироощущении заложена в семантико-синтаксических категориях причины и цели как зеркальных взаимоотражениях, как синтаксических квазиконверсивах – «семантических перевертышах». С одной стороны, можно сказать *Я пришел дать вам волю* или, с формальной акцентировкой целевого значения – *Я пришел, чтобы дать вам волю*; с другой стороны – *Я пришел из-за воли* или *Я пришел, потому что хочу дать вам волю (вы нуждаетесь, вам необходима воля)*.

Детерминизм и провиденциализм как способы мировосприятия – и обыденного, и поэтического – отчетливо просматриваются уже в простейших семантико-синтаксических образованиях. Взаимотрансформируемость причинных и целевых конструкций – и отражение, и способ лингвистического программирования наших бессознательных представлений о каузально-телеологической антиномии бытия: то, что делается сейчас, с одной стороны, происходит *потому что*, с другой – *для того чтобы*, – смысл происходящего зависит от направления взгляда.

В каждом из этих случаев наблюдатель – вне настоящего. «Настоящего нет, ибо я не умею быть вечно счастливым...» – пишет современный поэт-метареалист Иван Жданов, развивая фаустовскую тему «неостановимого мгновения». Настоящее – лишь «место встречи» прошлого с будущим, оно детерминировано прошлым и предугадывается из будущего. Цветаевское предощущение смерти – и желание смерти – коренится именно в привязанности к настоящему, как в написанной на заре жизни «Молитве»: «Христос и Бог! Я жажду чуда / Теперь, сейчас, в начале дня! / О, дай мне умереть, покуда / Вся жизнь как книга для меня».

Преодоление смертного ужаса – в непосредственно-поэтическом ощущении вечности. Первая строка первой поэтической тетради Ахматовой – именно о жизни в вечности: «Молюсь оконному лучу – / Он бледен, тонок, прям»; одно из последних ее стихотворений – о том же самом: бытие принадлежит не настоящему, прошлому или будущему, а вечности: «На дне песок белее мела, / А воздух пьяный, как вино, / И

сосен розовое тело / В закатный час обнажено. // А сам закат в волнах эфира / Такой, что мне не разобрать, / Конец ли дня, конец ли мира, / Иль тайна тайн во мне опять».

Жизнетворческий провиденциализм, черпающий силы в «памяти о будущем» – как у Пушкина («...И ведаю, мне будут наслажденья...»), или в «памяти о вечности» – как у Ахматовой, в поэтическом кредо продолжившего их традицию Арсения Тарковского обретает статус абсолютной ценности – личной и общей – как в цикле со знаменательным названием «Жизнь, жизнь»:

Живите в доме – и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, –
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.

«Память о будущем» раскрывается в том провиденциальном ощущении, которое в психологии религии (см., например: [Шеховцова, Зенько 2005]) и в русской религиозной философии трактуется как «путь к очевидности». Как видим, это очевидность не только Православия, но и русской грамматики, и русской поэзии.

Вопросы и задания

1. Постройте несколько вариантов объяснения, что такое *эстетика* и *эстетическое*, *прекрасное* и *красота*, *эстетизм* и *экстаз*, применительно к различным видам художественного творчества, в проекции на различную аудиторию (дети и взрослые, лица с развитым и неразвитым художественным вкусом и т.д.).
2. В чем целесообразность использование термина *трансцендер* – как именования лица в ряду морфосемантической группировки, включающей лексемы *трансцендентное*, *трансценденция*, *трансцендировать*, *трансцендирование*?
3. Насколько основательно утверждение, что современная христианская цивилизация «пребывает сейчас в состоянии системного кризиса и трансмутации» [Неклесса 2002]?
4. В контексте философии и психологии творчества интерпретируйте приведенные в данной главе поэтические и прозаические тексты. Найдите другие описания процесса художественного и/или научно-го творчества, прокомментируйте их.

5. Разъясните значение, смысл и назначение терминов *тезаурус*, *идио-тезаурус*, *квазитезаурус*, *квазиидиотезаурус*, охарактеризуйте основные способы их реконструирования.
6. Сконструируйте (квази)тезаурусное отображение содержательности текста, описывающего процесс художественного и/или научного творчества (вопрос 4).
7. Насколько соотносится современная философская трактовка *не-одетерминизма* («...новая версия интерпретации феномена детерминизма <...> в современной культуре, фундированная презумпциями нелинейности, отсутствия феномена внешней причины и отказа от принудительной каузальности» [Можейко 2001: 675]) с провиденциальными поэтическими интуициями?

Литература

Абушенко В.Л. Аксиология // Новейший философский словарь: 2-е изд. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 25–28.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. – 222 с.

Бычков В.В., Быков О.В. Эстетика // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Научно-ред. совет, предс. В.С. Степин. Т. 4. М.: Мысль, 2010. – С. 456–466.

Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. – 752 с.

Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2008. – 640 с.

Волков В.В. «...Все пять лучей останутся у вас» (А. Тарковский: поэт как вестник) // Андрей Дементьев: поэт, человек, общественный деятель: Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию А. Дементьева. Тверь: ТвГУ, 2008. – С. 168–176.

Волков В.В. Аксиология поэтической «памяти о будущем» // Анна Ахматова и Николай Гумилев в контексте отечественной культуры: К 120-летию со дня рождения А.А. Ахматовой: Материалы международной научно-практической конференции. Тверь, 2009. – С. 20–23.

Волков В.В. «Человек эстетический» в романе В. Орлова «Альтист Данилов»: О квазитезаурусе жизнетворчества музыканта // Язык и культура: Сборник материалов V Международной научно-практ. конференции. Новосибирск: ООО агентство «Сибпринт», 2013. – С. 179–185.

Волков В.В. *Эстетика* как термин и понятие: семантический этимон, морфосемантическое гнездо и ядро семантического поля // Современная филология: теория и практика. Материалы XI международной научно-практической конференции. М.: Изд-во «Спецкнига», 2013. – С. 41–44.

Греймас А.Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 336 с.

Женетт Ж. Фигуры: В 2-х т. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.

Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. – 431 с.

Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст: Проблемы неклассической теории познания. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 1999. – 408 с.

Короленко В.Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3: Рассказы, 1903–1915; Публицистика; Статьи; Воспоминания о писателях. Л.: Худож. лит., 1990. – 720 с.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – 496 с.

Можейко М.А. Неодетерминизм // НФС. С. 675–681.

Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М.: Прогресс, 1967. – С. 406–431.

Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М.: Изд-во «Прометей», 1989. – 287 с.

Неклесса А.И. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе // Новый мир. 2002. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/9/nekl.html>.

Орлов В.В. Альтист Данилов. К.: Музична Україна, 1988. – 431 с.

Пастернак Б.Л. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М.: Искусство, 1990. – 399 с.

Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Материалы для биографии. М.: Сов. писатель, 1989. – 688 с.

Рубакин Н.А. Библиологическая психология. М.: Академический Проект; Трикста, 2006. – 800 с.

Саган К. Космос: Эволюция Вселенной, жизни и цивилизации. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. – 525 с.

Теоретическая культурология / Отв. ред. О.К. Румянцев. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с.

Хоружий С.С. Православная аскеза – ключ к новому видению человека. М.: Интернет-издание Веб-Центра «Омега», 2002. URL: <<http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horuzhy/ascetic/contents.html>>.

Чжуан-цзы. Ле-цзы. М.: Мысль, 1995. – 439 с.

Шеховцова Л.Ф., Зенько Ю.М. Элементы православной психологии. СПб., 2005. – 252 с.

Эпштейн М. Хасид и талмудист: Сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме // Звезда. 2000. № 4. URL: <<http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/4/epsht.html>>.

Volkov V. Pragmastylistika textu. Košice: Univerzita P.J.Šafarika, 1991. – 208 s.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Естественно, далеко не все сферы взаимодействия филологии с другими гуманитарными дисциплинами отражены в данном пособии. Основная цель иная – ориентировать читателей на *инновационное* использование филологических представлений в качестве эвристик, помогающих решать теоретические и прикладные задачи гуманитаристики.

Смысл характеристики *инновационный* становится достаточно ясным уже из этимологической внутренней формы (семантического этимона) сущ. *инновация*: лат. *innovatio* ‘обновление, перемена’ складывается из преф. *ин...*, выступающего как морфемный синоним русских приставок *в-, на-, воз-, при-*, + *novatio* ‘обновление’ < *novare* ‘обновлять’ > видоизменять, переделывать, реформировать; выдумывать, создавать, изобретать’ < *novus* ‘новый’. Ключевые для лингвистической русистики вопросы в этом контексте: *что, за счет чего, как* «переделывается»?

За счет чего? За счет введения в научный обиход нового исследовательского материала. *Как?* На основе использования новых исследовательских методов, необходимость которых диктуется новым материалом. Оба приведенные ответа включают представление о некоем «новом материале». *Что* это за материал? Откуда берется?

Прежде всего, на стыке наук, на основе обращения к дискурсам тех сфер человеческой жизни, которые либо в силу новизны, либо в силу каких-то иных причин остаются мало- или совсем не исследованными.

Несколько примеров.

Язык и политика. Языковая политика. Язык и идеология. Политическая лингвистика. Проблемы манипуляции индивидуальным и общественным сознанием. Идеологизация и деидеологизация языка.

Язык и право. Юридическая лингвистика. Лингвокриминалистика. Лингвистические аспекты ксенофобии и различных видов экстремизма.

Лингвистика и педагогика. Проблемы педагогического общения. Специфика детской речи. Семейное общение. Вербальные средства профилактики девиантного поведения.

Лингвистика и медицина. Проблемы медицинского общения (врач и пациент, специфика внутрикорпоративного общения в медицинской среде). Лингвистика, психиатрия и психотерапия (логотерапия, библиотерапия как разновидность арт-терапии).

Язык и военное дело. Специфика общения в армейской среде. Вербальные средства военно-патриотического воспитания.

Язык и религия. Специфика внутри- и межкультурного общения. Проблемы сакрализации, десакрализации и ресакрализации.

Лингвистика и психология. Психолингвистика. Проблемы суггестивного и манипулятивного использования языка.

Реклама, маркетинг, гламур, жаргоны, PR, Интернет, этикет...

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М.: Рус. яз., 1982. – 959 с.

Бабов К., Въргулев А. Тематичен руско-български речник. София: Народна просвета, 1961. – 888 с.

Большой толковый социологический словарь (Collins) / Сост. Д. Джери, Д. Джери. В 2-х т. М.: Вече, АСТ, 1999.

Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1991.

Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. М.: «Мартин», 2008. – 704 с.

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / Репринт V-го изд. 1899 г. М., 1991. – 1370 стлб.

Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 1999. – 519 с.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2-х т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. – 1096 с.

Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. – 280 с.

Книговедение: Энциклопедический словарь / Гл. ред. Н.М. Сикорский. М.: Сов. энциклопедия, 1982. – 664 с.

Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. – 431 с.

Криминалистика: Краткая энциклопедия / Авт.-сост. Р.С. Белкин. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 111 с.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.

Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004. – 320 с.

Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1984. – 1168 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стлб.

Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М.: Рус. яз., 1984. – 384 с.

Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 736 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1987–1988.

Полный православный богословский энциклопедический словарь / Репринт: В 2 т. М.: Издание Моск. патриархии, 1992.

Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений) / Сост. Г. Дьяченко. М.: Типография Вильде, 1900. – 1120 с.

Психологический словарь / Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983. – 448 с.

Религиозная лексика в стихах русских поэтов Серебряного века: По материалам «Словаря языка русской поэзии XX века» / Под ред. В.П. Григорьева. М.: Интернет-издание Вэб-Центра «Омега», 2001–2006. URL: <<http://www.ipmce.su/~tsvet/WIN/slovar/poetryAG/Main.htm>>.

Российская педагогическая энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. В.В. Давыдов. М.: Большая рос. энциклопедия, 1993–1999.

Русский семантический словарь (Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову). М.: Наука, 1982. – 568 с.

Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.

Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. 2-е изд. М.: Астрель: АСТ, 2008. – 447 с.

Словарь современного русского города: Около 11 000 слов; около 1000 идиоматических выражений / Под ред. Б.И. Осипова. М.: ООО «Изд-во “Русские словари”»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. – 565 с.

Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания, 2006. – 312 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Изд. 6-е. М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2008. – 1088 с.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. М.: Рус. яз., 1985.

Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. – 719 с.

Шарков Ф.И. Коммуникология: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2009. – 768 с.

Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В.И. Новиков. М.: Педагогика, 1988. – 416 с.

Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. – 352 с.

Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык / Гл. ред. М.Д. Аксёнова. М.: Аванта+, 2001. – 704 с.

Энциклопедия для детей. Т. 18. Человек. Ч. 1. Происхождение и природа человека. Как работает тело. Искусство быть здоровым / Гл. ред. В.А. Володин. М.: Аванта+, 2001. – 464 с.

Энциклопедия для детей. Т. 18. Человек. Ч. 2. Архитектура души. Психология личности. Мир взаимоотношений. Психотерапия / Гл. ред. В.А. Володин. М.: Аванта+, 2002. – 640 с.

Энциклопедия для детей. Т. 18. Человек. Ч. 3. Духовный мир человека / Гл. ред. Е. Ананьева; вед. ред. Т. Каширина. М.: Аванта+, 2004. – 608 с.

Энциклопедия для детей. Т. 22. Информатика / Ред. коллегия: М. Аксёнова, Е.Журавлёва, А. Леонов. М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. – 624 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАПЭ – Большая актуальная политическая энциклопедия: Настольная книга современного политика: 1000 актуальных понятий современной политической жизни / Ред.-сост. А.В. Беляков, О.А. Матвейчев. М.: Эксмо, 2009. – 424 с.

БПС – Большой психологический словарь / Сост. и общ ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Репринтное издание: В 4 т. М.: Рус. яз., 1999.

ИЭС – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 2001.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Гл. ред. А.П. Евгеньева. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1981-1984.

НБТС – Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.

НФС – Новейший философский словарь / Сост. и гл. ред. А.А. Грицанов. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с.

НФЭ – Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Научно-ред. совет, предс. В.С. Степин. М.: Мысль, 2010.

ОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. – 942 с.

ППБЭС – Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2-х т. М.: Изд-е Моск. патриархии, 1992.

САР – Словарь Академии Российской. В 6 ч. СПб.: Императорская Академия Наук, 1789–1794.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

СЭС – Социологический энциклопедический словарь / Ред.-координатор Г.В. Осипов. М.: Изд-во «Норма», 2000. – 488 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 701 с.

ТСРЯН – Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г.Е. Складневской. М.: Эксмо, 2008. – 1136 с.

ТСРЯП – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

ЭСБЕ – Энциклопедический словарь: В 86 т. / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.Е. Ефрон. СПб., 1890–1907.

ЭЭФН – Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

ЯБЭС – Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------------	---

Глава 1

Что такое филология?

О внутренней форме и реальном содержании термина <i>филология</i>	6
Филология, мифология, религия и философия: триада «Хаос – Логос – Космос» как их «точка встречи»	9
Полиmodalность филологического знания и практики: слово как «интегратор» и «дезинтегратор» мира, вопрос о манипуляции сознанием.....	13
Прагматилистика «вождя пролетариата» (О статье В.И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции»)	21
<i>Вопросы и задания</i>	27
<i>Литература</i>	29

Глава 2

Система «Язык – Речь».

Лингвистика и психолингвистика

Лингвистика и психолингвистика	31
Язык и речь как объекты лингвистики и психолингвистики.....	33
О проблематике психолингвистики	37
О когнитивном и коммуникативном аспектах языкового сознания и речевой деятельности	38
Теоретическая и экспериментальная психолингвистика	41
С. Дрожжин и С. Есенин в зеркале эксперимента.	43
Диалог поэтов: крестьянский быт и муза	43
Исследование методом ключевых слов	44
Субъективное шкалирование.....	51
Опыт гендерного психолингвистического исследования.....	54
А. Пушкин и И. Снегова (диалог поэтов в зеркале психолингвистического эксперимента)	54
Исследование методом ключевых слов	56
Субъективное шкалирование.....	59
<i>Вопросы и задания</i>	63
<i>Литература</i>	63

Глава 3

Из чего складывается гуманитарное знание?

<i>Гуманный и гуманитарный: этимологические корни</i>	
и морфосемантические гнезда	65
Что такое <i>антропология</i> ?	70
Языковой знак: «семантическая трапеция»	
как отображение структуры «я»	71
Четыре измерения семантического пространства	71
Семантическая структура слова	
и реальности языкового сознания	72
Семантическая структура слова и вопрос	
о функциональной асимметрии мозга	76
Когнитивные типы языковых единиц	
и аспекты гуманитаристики	77
Библиотечно-библиографическая классификация	
и аспекты гуманитаристики	80
<i>Вопросы и задания</i>	82
<i>Литература</i>	83

Глава 4

Теория мотивации и аксиологическая лингвистика

Мотивы, аксиология, аксиологическая лингвистика	85
Теория мотивации, антропологические модели	
и «пирамида Маслоу»	87
Система ценностей в зеркале психолингвистического	
ранжирования	93
Процедура исследования	96
Результаты исследования	97
О типологии «личностей филологических»	99
<i>Homo vitalis</i> и <i>homo socialis</i> как предмет	
прагматистики текста	104
Здоровье как ценность. Вопрос о лингвистических	
механизмах самовосприятия состояния здоровья / болезни	112
<i>Вопросы и задания</i>	117
<i>Литература</i>	118

Глава 5

Картина мира

О понятии «картина мира»	121
Концепт и концептосфера	124
Реконструкция картины мира как задача	
идеографической лексикографии	128

Картина мира и лингвометодика: вопрос о тематике и систематике коммуникативных занятий и письменных работ.....	133
<i>Вопросы и задания</i>	138
<i>Литература</i>	139

Глава 6

Социолингвистика и социолектология.

Изучение разговорной речи

Социология и социолингвистика	141
Устная разговорная речь и социолектология	143
О полевых исследованиях	145
О методике полевой работы с информантами	146
Ориентировочные вопросы для сбора материалов русской устно-разговорной речи	147
Лексика. Особенности номинации	147
Фонетика. Просодика	148
Словообразование.....	150
Морфология	151
Синтаксис	153
<i>Вопросы и задания</i>	154
<i>Литература</i>	155

Глава 7

Менталитет и менталитеты

Что такое менталитет?	157
Вопрос об основных особенностях русского менталитета.....	159
Менталитет в зеркале психолингвистического эксперимента (русский характер глазами школьников и студентов)	165
Эксперимент первый (субъективное шкалирование)	166
Эксперимент второй (ранжированное ассоциирование типа «экспертная оценка»).....	172
«Гламурная» ментальность	181
<i>Вопросы и задания</i>	185
<i>Литература</i>	186

Глава 8

Эстетика и «человек эстетический» в зеркале филологического анализа

<i>Эстетика</i> : семантический этимон, морфосемантическое гнездо и ядро семантического поля.....	189
--	-----

<i>Трансмутация как эстетический, научный и религиозный феномен.....</i>	<i>192</i>
«Человек эстетический»: проблема эстетической трансмутации	195
О квазитезаурусе житнетворчества музыканта (роман В. Орлова «Альтист Данилов»).....	202
Аксиология поэтической «памяти о будущем»: детерминизм и провиденциализм житнетворчества	207
<i>Вопросы и задания</i>	<i>210</i>
<i>Литература</i>	<i>211</i>
Заключение	213
Словари и энциклопедии	214
Список сокращений	216

Учебное издание

Валерий Вячеславович **Волков**

**Филология в системе
современного гуманитарного знания**

Учебное пособие

Связаться с автором можно
по e-mail: Volk7Valery@yandex.ru

Подписано в печать 25.06.2013 г.
Формат 60×84/16. Объем 13,8 п.л., 12,8 усл. п. л. Тираж 100 экз.

Отпечатано: Издатель Кондратьев А.Н.
170024, Тверь, пр. Ленина, 18/1. Тел. 8(4822)44-57-08.
Веб-сайт: www.принт-копи.рф, printizdat.ru
Заказ № 23